

**КАРАЧАЕВСКИЙ
НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ ИНСТИТУТ**

Р.Т. Хатуев шейх М.А. Биджи

**АЛАНИЯ
МУСУЛЬМАНСКАЯ**

Очерк конфессиональной истории
Центрального Кавказа
VII-XV вв.

ЧЕРКЕССК

ИКО «Аланский Эрмитаж» - 2011

УДК 39(470.6)

ОТВЕТСТВЕННЫЙ РЕДАКТОР

М. ШАМАНОВ

кандидат исторических наук, доцент

Рецензенты:

Р.М. Бегеулов, доктор исторических наук, профессор (*КЧГУ им. У.Д.Алиева*)

Ш.Б. Батчаев, кандидат исторических наук (*Государственный архив КЧР*) **И.С. Кипкеев**, кандидат исторических наук (*Карачаевский НИИ*)

Консультанты:

И.А. Лайпанов

(отдел исламоведения Карачаевского НИИ)

З.А.-К. Чомаев

(переводческий факультет

Пятигорского лингвистического университета)

ISBN 978-5877-57-204-1

Вниманию читателей предлагается первая в отечественном кавказоведении монография, полностью посвященная теме проникновения ислама к алано-асским племенам Восточной Европы, Кавказа и Центральной Азии, формирования мусульманской общины в Алании. Авторы - профессиональный историк и профессиональный арабист - обосновывают выдвигаемую в книге точку зрения, опираясь на накопленные к настоящему времени документальные, эпиграфические, археологические и этнографические материалы. Книга рассчитана как на профессиональных кавказоведов и исламоведов, так и на любителей истории Кавказа.

ОТ РЕДАКЦИИ

Работа, которую держит в руках наш Читатель, касается вопроса, который весьма слабо освещен в отечественном кавказоведении. Следует сразу же подчеркнуть её актуальность. Дело в том, что средневековая Алания, как и нынешний Северный Кавказ, являлась многонациональной страной, где бытовали различные виды верований.

Историю распространения христианства в Алании читатели, очевидно, хорошо знают по многочисленным публикациям последних нескольких десятилетий. В наименьшей степени освещена и тема языческих верований алан. В то же время, мусульманская страница их истории затронута фрагментарно, а большей частью и вовсе обходится стороной алановедами и в целом историками-кавказоведами. Поэтому исследование процесса формирования исламской общины у алан востребована достаточно давно.

Вопрос о тогдашней религии (вернее - религиях) алан вовсе не удел кабинетных ученых, как может показаться на первый взгляд. Начиная с 1990-х гг. некоторыми деятелями проводится курс, основанный на такой логике: раз аланы были христианским народом (а это не совсем так), то и на аланские памятники Верхней Кубани могут - по конфессиональному родству — претендовать только структуры одной из епархий Русской православной церкви (РПЦ). На ошибочность такой установки в своё время указывал благочинный православных церквей Карачаево-Черкесии отец Василий (Афонин), увы, ныне покойный, которого искренне уважали и по сей день уважают все мусульманские народы Верхней Кубани. Но, к сожалению, к голосу духовного пастыря и мудрого миротворца не все прислушивались. Поэтому два десятилетия неоднократно предпринимались и предпринимаются попытки «изъять» архитектурное наследие алан в пользу бизнес-групп, прикрывающихся мнимыми церковными интересами. Такие поползновения отравляли общественно-политическую атмосферу в традиционно мирном регионе, где, к счастью, всегда находились силы, пресекающие попытки осложнить межнациональные и межконфессиональные отношения.

Памятники аланской истории были и остаются культурным наследием всех — вне зависимости от нынешнего вероисповедания - потомков алан, в числе которых академическая наука давно называет балкарцев, карачаевцев и осетин. Кстати, задолго до самих карачаево-балкарских ученых, еще в 1941 году об аланских предках балкарцев и карачаевцев первым заявил осетинский историк проф. Г.А.Кокиев¹.

Затем тот же тезис развил другой крупный осетинский ученый, В.И.Абаев, причем - с трибуны Всесоюзной конференции 1959 года по происхождению балкарцев и карачаевцев. «Аланский субстрат, -заявил он, - это не догадка, не предположение, это не гипотеза, это прочно установленный научный факт, на который может смело опираться каждый, кто занимается историей и культурой карачаевского и балкарского народов». Ведущий отечественный специалист по аланам и Алании, кавказовед В.А.Кузнецов также прямо указывает: «Аланы в качестве важнейшего компонента приняли участие в формировании тюркоязычных народов Северного Кавказа - карачаевцев и балкарцев»²¹. Данный тезис закреплён в академической науке давно и прочно и заслуга в этом, следует прямо признать, принадлежит отнюдь не карачаево-балкарцам.

Да, балкарцы, карачаевцы и осетины - прямые *наследники* памятников аланской культуры, но, в то же время, эти памятники являются культурным *достоянием* всех народов многонационального Кавказа. Естественно, наилучшей формой собственности для этих раритетов была и остаётся государственная, которая обеспечивают не только охрану, но и доступность к ним всех граждан.

Творческий тандем, выполнивший данную работу, сложился исключительно удачно. Историческая часть монографии выполнена профессиональным исследователем, специалистом по историческому и этнографическому кавказоведению. Это Рашид Хатуев - автор и соавтор нескольких монографий, учебных пособий, десятков научных публикаций, участник международных и всероссийских научных форумов. Сферу восточных источников, использованных в книге, взял на себя шейх Мухаммад Биджи - профессиональный арабист, известный своей многолетней просветительской деятельностью. В качестве заместителя председателя Духовного управления мусульман Европейской части России, а затем и руководителя международного Мусульманского миротворческого центра, он известен и во многих странах Арабского Востока.

Отметим, что в традициях аланских предков немало того, чему потомкам следует учиться и учиться, в первую очередь, терпимого отношения к инаковости религиозной, этнической, культурной. В данной связи перспективным представляется развитие дружественных связей между общественными объединениями Балкарии, Карачая и Осетии, которые были установлены в самом начале 2000-х гг. Кстати, один из авторов книги, Р.Хатуев, участвовал в трехсторонних (балка-ро-карачаево-осетинских)

мероприятиях, проводившихся в Архызе и Владикавказе, а другой, шейх М.Биджи, давно и постоянно поддерживает тесные творческие связи с единоверцами в Осетии, Балкарии и Карачае.

Возможно, в обозримом будущем общественные усилия получат импульс, и на уровне политической, государственной поддержки, которая будет способствовать интеграции наследников кавказской культуры. По сути, всесторонняя интеграция и есть магистральный путь к восстановлению, на новом витке истории, мультикультурной Алании в рамках её исторических рубежей.

ИЗ «БЕЛЫХ ПЯТЕН» ПРОШЛОГО (Вместо Введения)

...И для осетина,, и для балкарца, и для карачаевца наших дней нет сомнения в том, что аланы — это их славные предки.

В.Б. Ковалевская,
кавказовед-археолог,
доктор исторических наук³

Известно, что исламизация кавказских народов началась с появления войск Арабского халифата, утверждавшего новую мировую религию и создававшего новую цивилизацию. «Арабы, - пишет А.П.Новосельцев, - завоевав Иран, унаследовали его политику и на Кавказе, и в Сирии, и в Средней Азии». Эта политика «здесь была устойчивой, так как опиралась на многовековой опыт» и «на ее столь же давние результаты». Издавна Кавказ имел особое значение, так как «Главный Кавказский хребет издавна являлся рубежом между странами Восточной Европы и цивилизациями Передней Азии»⁴. Ислам, динамично распространявшийся во всех направлениях, преодолевал эти межцивилизационные рубежи географического порядка. Так, смелым броском через один такой рубеж, Гибралтарский пролив, мусульмане на сотни лет утвердились на юго-западе Европы (Иберийский полуостров). Одновременно шло продвижение мусульманских армий и проповедников на юго-восток Европы. К концу I тыс. оно ознаменовалось появлением мусульманской общины в Хазарском каганате и созданием первого в Восточной Европе исламского государства (Булгарский эмират).

Естественным образом в этом «броске на север» важная роль принадлежала Центральному Кавказу, через который проходили древние

коммуникации. Здесь - на пространстве от р.Сунжи до р.Большой Лабь. Именно здесь располагалась Алания, которая была страной, где жили разные народы и исповедовались разные религии. Напомним, что Северном Кавказе аланы впервые упоминаются в первые десятилетия 1-го тысячелетия н.э. О «суровых и вечно воинственных» аланах у Дарьяльского прохода пишет античный автор Марк Анней Лукан (39-65 гг. н. э.) /«О гражданской войне десять книг», VIII, 215-225/.

Отметим, что алано-асский массив имел трансконтинентальную локализацию. Западная его часть располагалась как на Северном Кавказе, так и в соседних регионах Юго-Восточной Европы (автор I в. Иосиф Флавий сообщает об аланах, живущих на берегах Дона и в Приазовье⁵). Восточная часть этой же этнической общности находилась в закаспийской зоне Средней Азии, где их как *А-лань-я/А-лань-на* фиксируют китайские источники II в.⁶ Время от времени, на протяжении многих веков отдельные потоки алано-асских племен переходили в восток на запад, переправлялись через р.Волгу и оказывались в Европе.

Часть алан вместе с гуннами ушла в Западную Европу с началом «великого переселения народов» в конце IV в., но аланское население все время оставалось на Северном Кавказе. Об аланах и их городах на Северном Кавказе пишет сирийский епископ Захарий Ритор (ум.538 г.)⁷. В том же веке о них пишет и Прокопий Кесарийский, указывающий, что аланы занимают «всю ту страну, которая простирается от пределов Кавказа до Каспийских ворот» (Дарьяльского или Дербентского проходов)⁸. «Армянская география» VII в. упоминает алан, живущих в Кавказских горах⁹.

Итак, к моменту зарождения ислама аланы порядка 600 лет были кавказским народом. И ислам, и христианство впервые начинают проникать в Аланию в одно и то же время — в VII в. и миссионерские усилия проповедников этих «авраамических религий» среди народов Центрального Кавказа с разным уровнем динамичности не прекращаются все последующие века.

Приобщение к мировым религиям так или иначе сопрягалось с общим ходом этнополитической истории Алании, где нами условно выделяется следующая периодизация:

- 1) кон.. IV- сер. V вв. - «*гуннский период*» (начало эпохи «великого переселения народов»; кавказские аланы в составе восточных уделов Гуннской державы);
- 2) сер. V - VII вв. - период политической независимости алан (составлявших племенные и раннефеодальные объединения во главе с

собственными вождями-«царями»); здесь 570-630-е гг. можно обозначить как «тюркютский подпериод» (Алания, видимо, частично, входила в состав Тюркского и - после его распада - Западно-Тюркского каганатов);

3) VIII - сер. X вв. - «хазарский период» (Алания под протектора том Хазарского каганата, но аланы продолжали сохранять свое самостоятельное внутреннее управление во главе с собственными вождями и царями);

4) втор. пол. X - сер. XIII в. - период политической независимости алан,

5) сер. XIII в. - XV. - Алания в составе Джучидского государства (Золотой Орды, а затем Большой Орды); частично сохраняется автономное внутреннее управление во главе с собственными князьями. К этому времени относится и поход Тимура (1395-1396 гг.).

Из перечисленных этапов этнополитической истории кавказских алан наш очерк будет затрагивать четыре последних.

В освещении рассматриваемого вопроса имеет хождение немало историографических стереотипов. Например, бытует убеждение, что до монгольского нашествия жители Алании были, в общем-то, приверженцами христианства. В реальности же, эту религию приняла лишь часть аланской элиты, поэтому-то в бассейне р.Терека (т.е. на территории исторической Восточной Алании) до монгольского нашествия практически нет памятников христианского зодчества и вообще существенных артефактов христианства, которыми столь знаменита Западная Алания (бассейн верхней Кубани). Среди алан - и об этом пойдет речь - были приверженцы ислама. Но большинство населения Алании придерживалось языческих верований на протяжении всего времени её существования, что, кстати, явилось поводом для сокрушительных походов Тимура.

В то же время бытует и другой стереотип — идея о том, что в период пребывания алан в составе Золотой Орды ислам якобы почти не затронул их. Большая ошибка, которую сейчас опровергают многие кавказоведы, в числе которых и В.М.Батчаев (Кабардино-Балкария), историк-археолог, опытный и весьма щепетильный в вопросах обоснования научных тезисов. Он убедительно доказывает несостоятельность мнения некоторых коллег о том, что «исламизация северокавказского региона (и вообще Золотой Орды) оказалась чрезвычайно поверхностной, а соборные мечети в Маджарах и плоскостной Алании были сооружены... для ханов(?!)». Разумеется, пишет исследователь, «такие формулировки о социальном аспекте культового зодчества

способны ошеломить даже неосведомленного читателя», ибо «здесь все поставлено с ног на голову». Во-первых, «история ислама не знает случаев, когда городские мечети целого региона были бы построены только для правителей страны». Во-вторых, «источники, относящиеся к истории Золотой Орды, говорят совершенно обратное: в городских мечетях ханы бывали куда реже своих подданных», так как «большую часть года они проводили в степи», где «в качестве мечетей использовали особые юрты»¹⁰.

Структура работы проистекает из нашей концептуальной установки, которая обозначает несколько этапов исламизации алан:

1) VII- VIII вв. - «арабский этап»; распространение ислама в приграничных с Халифатом районах Алании в период арабских походов на Кавказ;

2) IX-X вв. - «хазарский этап»; распространение ислама среди алано-асских племен, вовлеченных в систему международных связей Хазарского каганата;

3) XI- XII вв. - сельджуко-среднеазиатский этап;

4) XIII-XIV вв. - золотоордынский этап.

Как совершенно справедливо указывает Д.В.Васильев, Золотую Орду «вполне можно назвать мусульманским государством», где «известны разнообразные элементы мусульманской культуры», в том числе «богословие и правоведение, структурная организация «уммы» - мусульманской общины, архитектура, литература и искусство» и то, что «золотоордынские города имели мусульманский облик». Отмечается, что «живой процесс формирования собственно золотоордынской синкретичной, но яркой и самобытной культуры» шел на всей территории Золотой Орды, «но главным образом - в городах». После распада этого государства процесс шел уже «в рамках локальных культур»¹¹.

Исторически Алания была многонациональной и поликонфессиональной страной, что и делало её культуру весьма богатой, многогранной, насыщенной разными по происхождению традициями духовной и материальной жизни.

Часть Первая

ПЯТЬ ВЕКОВ ПРИОБЩЕНИЯ

Глава I

АЛАНЫ В КАВКАЗСКОЙ ПОЛИТИКЕ ХАЛИФАТА (VII- VIII ВВ.)

Ислам, как подчеркивает известный кавказовед, доктор исторических наук Р.С.Бзаров, был известен аланам «со времён Арабского халифата», более того -- «сохранились данные об аланах, служивших при дворе багдадских халифов». При этом осетинский исследователь прямо указывает: если не считать Дербента с округой, то именно в Алании появилась «самая ранняя исламская община на Северном Кавказе». Поэтому «аланское мусульманское меньшинство на три-четыре века старше, чем распространение ислама у всех без исключения соседних мусульманских народов»¹².

Именно данный тезис и положен нами в основу всего очерка, предлагаемого вниманию уважаемого читателя. Заранее скажем, что такая научная позиция обосновывается весомыми фактами и убедительными аргументами, которые будут излагаться по ходу нашего повествования.

1.1. Азан в «Аланских горах»

Рассмотрим обстоятельства, при которых восточная часть Алании оказалась в орбите исламского мира еще на заре уммы. Начатое при «праведных халифах» (*хулафа ар-рашидун*) продвижение ислама за пределы Аравии охватило за ничтожно короткое - по историческим меркам - время огромные пространства от Китая на востоке до Пиренейского полуострова на западе. Естественно, чем дальше продвигались границы Халифата, тем больше становилось врагов. Уже в VII в. мусульманское государство воевало на *четырёх (!) фронтах*:

- европейском (империя Каролингов)
- малоазийском (Византийская империя)

- кавказском (Хазарский каганат)
- центральноазиатском (Восточно-Тюркский каганат, китайская империя Тан, Тюркешское государство).

Но при продвижении на север Халифат использовал не только военный путь, но и куда более цивилизованные формы дипломатической, экономической и культурной экспансии. В его отношениях с той же Хазарией выделяются два основных этапа: 642-739 гг. - почти вековой период преимущественно военных действий за преобладание на Кавказе; *втор. пол. VIII вв.* — период мирных отношений, когда между Халифатом и каганатом установились активные торговые контакты¹³.

Рассмотрим события и процессы той поры чуть подробнее.

В декабре 2007 года, совершая хадж, мы посетили близ Медины памятное в мусульманской истории место - скалистый массив *Ухуд*. Именно здесь в 625 году произошло сражение, которому, как считается, посвящены некоторые аяты священного Корана. В ожесточенной битве участвовали виднейшие из первых героев ислама, некоторые из которых пали в бою, обретя славу *шахидов* - мучеников за веру. Они похоронены здесь же, у подножья *Ухуда*, и среди скромных могил, нам показали место упокоения *Хамзы* — «льва Аллаха» (*Асадуллах*), знаменитого дяди Пророка Мухаммада. (Рис.1}

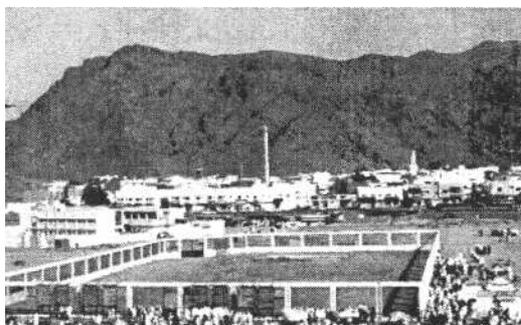

Рис.1. Массив Ухуд, где начался боевой путь Хузайфы. За белой оградой - «Кладбище шахидов», где покоятся его отец, дядя пророка и другие воины ислама. Вид с «Горы лучников» (Фото Р.Хатыева)

Здесь же, за решетчатой оградой кладбища покоится и пожилой воин по имени *аль-Йаман* (аль-Мамви) из рода аль-Абс. В битве при Ухуде участвовал и его сын, один из самых известных *асхабов* (сподвижников) Пророка - *Хузайфа ибн аль-Йаман аль-Абси*, которому предстояло стать ключевым фигурантом начальной истории знаком-

ства кавказских алан с мусульманским миром и мусульманской религией.

Отметим, что его многогранный талант привлек внимание еще самого Посланника Аллаха, от которого получал важные задания. Так, в дни «Битвы у рва» (627 г.) Хузайфа провел разведывательную вылазку в тыл противника, а по возвращении направился к Пророку. «Увидев меня, - вспоминал асхаб позднее, - он /Пророк/ склонил меня к своим ногам, накрыл полой своего плаща, и я рассказал ему то, что разузнал». Полагают, что он получил от Мухаммада сведения о лицемерах, о чем не знали даже ближайшие сподвижники Пророка, включая всех праведных халифов. Отсюда его почетный эпитет - «Хранитель тайны Посланника Аллаха».

Хузайфе был уготован тяжелый ратный путь от горы У худ до гор Кавказа. В правление Умара I б. аль-Хаттаба (634-644) он проявил себя в качестве способного военачальника. Продвигая рубежи Халифата на северо-восток, ему удалось провести весьма успешные операции в Иране, в результате которых были присоединены несколько провинций с городами Нахаванд, Дайнавар, Хамазан, Рей¹⁴.

Именно Хузайфа стал *первым мусульманским наместником на Кавказе (642-643 гг.)*, когда и произошло первое знакомство арабов с аланами. Как наместнику ему подчинился полководец *Сурака б. Амру*, который являлся командующим мусульманских войск на кавказском направлении. В свою очередь, в подчинении Сураки находился отряд, командиром которого был *Худайфа б. Асид*, чьи воины, по словам историка, в 642 г. /22 г.х./ первыми из мусульман достигли «Аланских гор» (араб. «Джибаль ал-лан»)¹⁵. Так пишет арабский историк Ат-Табари, а персидская летопись называет этого командира *Худайфа б. Асад*, и гласит, что его отряд по приказу Сураки в том году был направлен к западнокавказскому «Проходу аланов» (перс. *Дарбанд-е алдан*). Арабы прибыли «к тем горам /кух/ и городам /шахр/, которые лежат напротив прохода аланов», и в целом Худайфа выполнил поставленную задачу, «укрепил все проходы хазар и аланов» (*ая-Балами*)¹⁶.

Именно тогда в «Аланских горах» послышался первый *азан* - призыв правоверных к намазу. Вначале он звучал для арабских газиев, которые проложили путь к Дарьяльскому проходу и в Аланию, где впоследствии возникает местная мусульманская община.

Одновременно с этим арабы начали продвижение к другому, восточнокавказскому стратегическому проходу на север - Дербентскому (араб. *Баб аль-Абваб* «Ворота ворот»). Вначале туда был направлен отряд, которым командовал *Букайра б. Абдуллах ал-Лайси (ат-Табари)*¹⁷. Известно, что в 642 г. для его поддержки направился авангард Сураки, во главе которого стоял *Абдаррахман б. Раби'а аль-*

Бахили. Дербент был присоединен мирным путем, посредством переговоров, и сасанидский комендант города-крепости, Шахрбараз, фактически остался на своем посту, к тому же не уплачивая *джизьи*¹⁸ подати, взимаемой с немусульман.

Вскоре Сурака умер и арабское наступление на Кавказ возглавил Абдаррахман аль-Бахили. Мусульмане развернули успешные операции против хазар и в том же году достигли даже их столицы - города Семендера (*ат-Табари*)¹⁹. Предполагается, что они направились на противника через проход Дарьяльский²⁰, а не Дербентский и, таким образом, удар был нанесен обходным маневром.

Очевидно, в конце 640-х - начале 650-х гг. Халифат утратил значительную часть своих кавказских владений и в 650 г. (29 г.х.) заключил перемирие с Византией. По его истечении в 653/4 г. (32 г.х.) мусульманское правительство халифа Османа б. аль-Аффана решило предпринять новое наступление на кавказском направлении. Осенью 653 г. сирийский наместник халифа *Муавия б. Абу Суфьян* направил в Армению для борьбы с вторгшимися туда румами отряд во главе с *Хабибом б. Маслама*, назначенный наместником на Кавказе. Началась кампания, развернувшаяся «на широком фронте от верховьев Евфрата и оз. Ван до Терека». К византийской армии, которую в Армении возглавлял патрикий Мавриан, присоединились также абхазы, аланы и хазары. Но эта коалиция была разгромлена в результате ночной атаки *Хабиба*²¹.

После взятия армянской столицы г.Двина и Нахичевана, Хабиб двинулся в Грузию, чей царь, носивший и византийский титул патрикия (араб, *битрик ал-Джурзан*) через своего посла предложил мусульманам мирное подчинение с гарантиями. Хабиб на правах кавказского наместника согласился и, прибыв в Тбилиси, подписал гарантийную грамоту:

«Во имя Аллаха, милостивого, милосердного. Это - грамота Хабиба ибн Масламы жителям Тифлиса в /рустаке/ Манджалис /области/ Джурзан ал-Кирмиз с гарантией безопасности им самим, их храмам и кельям (*савами**) и их молитвам и их религии при условии признания их униженности и джизьи в один динар с каждой семьей. Вы не можете соединять членов семей для облегчения джизьи, а мы не можем их разделять для ее увеличения. А вы должны дружелюбно относиться к нам и в меру возможности подкреплять против врагов Аллаха и его Посланника. Вы должны дать ночлег нуждающемуся мусульманину и пищу людей Писания, дозволенную нам. А если заблудится у вас кто-то из мусульман, то вы должны проводить его до ближайшего расположения (*адиа фи'а*) мусульман, если только он не обратится к кому-то кроме вас. А если раскаетесь и станете совершать /мусульманскую/ молитву, то вы - наши братья по вере, а если нет - то на

вас лежит джизья. А если мусульмане будут отвлечены делом от вас и вас одолеет ваш враг, то вы не будете обвинены за это и это не является нарушением вашего договора. Обязательства в отношении вас и ваши обязательства свидетельствует Аллах и его ангелы, а Аллаха достаточно в свидетели» (*апъ-Баладури*).

Такие гарантийные договоренности были заключены с другими княжествами Грузии (Самцхети, Шавшети, Кларджети, Триалети, Кахетии) и «этот список охватывает почти всю территорию Грузии... от Черного моря до Дарьяльского ущелья» /араб. *Баб ал-Лан* «Ворота аланов»/²².

Как видим, *границы Халифата напрямую вышли к пределам Алании с юга.*

А в то же самое время (653/4 г.) на Восточном Кавказе действовал *Салман б. Раби'а аль-Бахили*, видимо, со своим братом, упоминавшемся Абдаррахманом аль-Бахили. Тогда арабы вновь включили в состав Халифата город-крепость Дербент²³.

Таким образом уже в годы Праведных халифов завершилась Первая арабо-хазарская война (642-653), а вскоре Хаби-ба на посту наместника сменил уже знакомый нам Хузайфа, вторично пробывший на Кавказе короткое время (655-656).

Кавказские владения Халифата были объединены в единую провинцию *Арми-нийя*, которой управлял наместник (*амиль*).

Удачи мусульманских армий того времени объясняются отнюдь не их многочисленностью, как утверждают некоторые авторы. По мнению европейских исламоведов, в 636 г., т.е. при халифе Умаре I (634-644), за пределами Аравийского полуострова мусульманское войско вряд ли могло насчитывать более 80 тыс. чел., а в правление Османа б. Аффана (644-656) все вооруженные силы исламского государства от Северной Африки, а конкретно - от Туниса, до восточного Ирана составляли всего лишь 250-300 тыс. чел.²⁴

Успех воинов ислама обуславливался в первую очередь их моральным превосходством. «Несомненным преимуществом мусульманской армии, - признавали даже советские историки, - было понимание того, что наступила новая эпоха, требующая подчинения общему делу, стоящему над личными желаниями и отношениями»²⁵.

Рис.2 Арабский предводитель (средневековое)

Как известно, пора Праведных халифов завершилась с приходом к власти Муавии I (661-680) из рода Омейядов, положившего конец принципу выборного халифата и учредившего в мусульманском мире наследственную монархию. При нем некоторое время продолжался военный натиск на северокавказском направлении; в частности, сохранилось упоминание об «аланском рейде» мусульман (*газаль-муслимун ал-яан*) в 42 г.х., т.е. в 662/5 г. (*ат-Табари*)²⁶.

Историками признаётся, что «омейядские халифы располагали силами значительно большими, чем любой из их противников», но борьба на четырех фронтах «не дала им возможности реализовать перевес в силах»²⁷. Осознавая это, уже Муавия I заключил с Византией мир, который был возобновлен при Мерване I (684/5 г.). Воспользовавшись вспыхнувшими в Халифате внутренними неурядицами, *румы* /византийцы/ нарушили мир и в 688 г. вторглись в его провинцию Арминия и заняли весь Южный Кавказ.

Восстановив внутривосточную стабильность, в 693 г. («год воссоединения») Омейяды возобновили борьбу с румами за контроль над кавказскими территориями и тогда же халифский наместник Арминии *Мухаммед б. Огбай* занял Дербентский проход (*Ибн аль-Асир*). Развить успех он не смог, поскольку не получил подкреплений из-за того, что «изрядные силы арабов были заняты в Хорасане подавлением мятежа»²⁸. Лишь 15 лет спустя арабы вторично появились в этом районе.

О действиях на рубеже VII-VIII вв. данные скупы и противоречивы. По одним данным, в 693-701 гг. наместником Арминии являлся *Мухаммед ибн Марван* — брат халифа Абд аль-Малика. По другим — он стал курировать кавказские дела лишь в 707/8 г. (89 г.х.), когда вверил военные дела своему племяннику *Масламе ибн Абд ал-Малику*, совершившего поход «на тюрков, в стороне Азербайджана» и достигшего Дербента /708 г./²⁹.

По иным данным; кавказским наместником в 701-703 гг. был *Абу Шейх ибн Абдаллах*, с 704 - *Усман ибн Укба*, с 705 - *Касим*, коего в том же году сменил *Абд аль-Азиз ибн Хатим аль-Бахили*. По этим же сведениям, последнего в 709 г. сменил упомянутый выше *Маслама*, занимавший пост шесть лет. Он совершил свой второй поход против «тюрков» в район Дербента в 709/710 гг. (91 г.х.), занял ряд городов и крепостей с использованием камнемётных машин³⁰.

С 715 г. наместником халифа на Кавказе являлся *Ади ибн Ади аль-Кинди*, с 717 г. - *Болид*, которого в том же году сменил *Умар ибн Абд*

аль-Азиз, передавший свои полномочия *Милаку ибн Саффару аль-Бахрани* (720-721).

На протяжении нескольких десятилетий армии Хазарии и Халифата не проводили глубинных рейдов друг против друга, имели место 2-3 столкновения на восточнокавказском (дербентском) пограничье.

Новый этап стратегического противостояния Халифата с каганатом связан с деятельностью арабского наместника Арминии (Южного Кавказа) *Джарраха б. Абдаллаха аль-Хаками*. Известно, что в 721/2 г. он добился ощутимых успехов в борьбе с каганатом. Арабские войска разбили хазар, отбросив их к Дербенту и подчинив прилегающую этому форпосту округу. Затем мусульманский корпус (по Табари - 25 тыс., по летописи «Дербент-намэ» - 10 тыс., в т.ч. 6 тыс. арабов и 4 тыс. чел. из дружин местных князей) разгромил 40-тысячную армию хазар во главе с сыном кагана, которого звали Барджиль /или Па-шенк/. Хазары бежали, потеряв 7 тыс. (мусульмане - 4 тыс.). Продвигаясь к северу, Джаррах занял хазарские города Хамзин (Хашин, предположительно совр. г.Кая-Кент), Тарку, Беленджер, Вабандар. Завершив рейд, наместник вернул войска на зимние квартиры в Шаке (близ г.Нухи)³¹.

Очевидно, именно успехи арабов побудили аланских князей поднять голову и сбросить зависимость от кагана. Арабы в данной ситуации становились естественными союзниками алан. Не случайно именно к 727/2 г. (*103 г.х.*), т.е. ко времени успешного похода Джарраха относится нападение «турок» /хазар/ на Аланию (*Ибн аль-Асир*)³². О результате этого нападения мы можем судить только по косвенным данным. Думается, хазарам удалось вновь подчинить часть алан.

В этот период, как пишет А.П.Новосельцев, аланы «выглядят как самостоятельный субъект политики», поэтому по своему усмотрению выступают на стороне то хазар, то Византии, то Халифата (как это было в 721/2 г.).

При халифе Язиде II (720-724) против хазар и вассальным им алан была послана армия Табита ан-Нахрани, собранная в Сирии и Джазире; однако она потерпела поражение у местности Мардж аль-Хаджарах (*аль-Балами*)³³.

Неудачами, видимо, и объясняется поход Джарраха в Аланию и против хазар, совершенный в 723/4 г. (*105 г.х.*). Арабам сопутствовала удача: была захвачена большая добыча, установлен контроль над несколькими городами и крепостями, расположенными за Баланджаром (*ат-Табари*). Указывая, что «Джаррах через страну алан зашел в тыл

хазарам в районе Баланджара», А.Г.Шовосельцев совершенно справедливо отмечает, что данный «поход в хазарские тылы был бы возможен лишь при условии, что аланы являлись союзниками арабов». Очевидно, такой союз во многом обуславливался наличием в Восточной Алании мусульманской общины.

Успех мусульман закрепился в следующем, 724/5-м г. (106 г.х.), когда войска, которые возглавлял *Хаджжадж б. Абд аль-Малик*, повторили поход в Аланию (*газа... ал-лан*). С населением был заключен мир, введены налоги - подушный (*джизья*) и поземельный (*харадж*) (*ат-Табари; аль-Дахаби*)³⁴, а хазарские войска, надо полагать, были изгнаны. Данное обстоятельство прямо указывает на то, что аланы признали себя подданными Халифата, т.е. вошли в его состав.

Арабские историки (*ат-Табари, Балами, Ибн Асам*) сообщают, что Джарраха сменил полководец *Сайд ибн Амр ал-Харашии*, а того в 107 г.х. (725/6 г.) - уже знакомый нам *Маслама ибн Абд ал-Малик* (известный в «Дербент-намэ» как *Муслим, Абу Муслим*).

Лояльное отношение восточных алан к арабам позволило в 728/9 г. (110 г.х.) Масламе совершить поход против хазар через Аланские ворота. «Это можно было сделать лишь при условии хороших отношений с аланами» (*А.П.Новосельцев*). Именно при поддержке местных алан Маслама, видимо, и смог занять стратегическую крепость в Дарьяльском проходе. Он поставил в ней мусульманский гарнизон, снабжавшийся из г.Тифлиса, располагавшегося на расстоянии 5-дневного пути от крепости. Географ аль-Масуди подробно описывает эту твердыню и мост, перекинутый через большую реку возле нее³⁵.

Такая же лояльность восточных алан (а большинство западных все еще проживало на Дону) позволила 729/30 г. мусульманскому войску пройти на Северный Кавказ из Тифлиса, т.е. через Аланские ворота. Поход возглавил упоминавшийся Джаррах, который в том году вновь стал наместником (*Ибн аль-Асир*). Его войско захватило хазарскую столицу (в арабских летописях: *аль-Байда* «Белая»), и благополучно вернулось обратно, став на зимовку в Шаки³⁶.

В 730/1 г. /772 г.х./огромное (по арабским источникам, до 300 тыс. чел.) хазарское войско вторглось на Южный Кавказ через Дарьяльский проход (*ат-Табари, Ибн аль-Асир*). В трехдневном кровопролитном генеральном сражении в долине Ардебилля 25-тысячное войско Джарраха потерпело поражение, а сам он геройски погиб (*Ибн аль-Асир, Баладури*). Возможно, в немалой степени это было следствием ошибки наместника, который не послушал своего советника азербайджанца Мердан-шаха, призывавшего ждать подкрепления из Сирии³⁷.

Халиф вновь обратился к Масламе, который в третий раз стал наместником, а до его прибытия на Кавказ сопротивление возглавил талантливый военачальник Сайд б. Амр аль-Хараши (*аль-Балами*). Благодаря его полководческому дарованию мусульмане постепенно стали отвоёвывать утраченные территории. В генеральном сражении в Муганской степи 50-тыс. корпус мусульман разгромил 100-тыс. армию хазар. Во время этой битвы Сайд, заметив возле хазарского предводителя Барджиля (сына кагана) насаженную на пику голову Джарраха, «с такой яростью бросился на неприятелей, что прорвался до самого хазарского принца и ударом в голову сшиб его с лошади» (историк Я'куби пишет, что предводитель хазар был убит и его голова послана халифу). Развивая успех, прибывший на Кавказ Маслама занял Дербент (*ат-Табари*), к северу от которого в 732/3 г. была разгромлена армия самого кагана, который был ранен и смог в суматохе спастись бегством³⁸. Тогда же в районе Дербента была поселена арабская колония из числа сирийцев численностью 24000 чел.³⁹

Мусульманские позиции в Алании восстановил преемник Масламы - Марван б. Мухаммад, двоюродный брат халифа Хишама. В 735 г. /117 г.х/, вернув контроль над аланскими территориями, где занял три крепости (*ат-Табари*), он прошел через Аланские ворота и двинулся на хазар, «убивая и сжигая все, пока не достиг Самандара», т.е. хазарской столицы (*аль-Балами*)⁴⁰.

В 737г. /119 г.х./ он во главе 150-тыс. армии совершил грандиозный поход против Хазарии, «Быстрый рейд» арабских источников. Во главе западной колонны Марван вторгся на территорию каганата через Аланские ворота, после чего соединился с двигавшейся со стороны Дербента восточной колонной своей армии, которой командовал Асид б. Зафир ас-Сулами Абу Язид, и отрядами примкнувших «горных царей» /*мулюк аль-джибаль!* (*аль-Баладури*)⁴¹.

Мусульмане не только захватили хазарскую столицу Итиль, но, переправившись через Волгу, атаковали хазар по обеим берегам великой реки. Противник был разгромлен (10 тыс. убито, 7 тыс. пленено, остальные разбежались), а голова хазарского командующего насажена на арабскую пику. «Войско хазар было уничтожено, сражаться больше было не с кем ни на восточном, ни на западном берегу Волги» (*М.И. Артамонов*)⁴².

Итак, Вторая арабо-хазарская война (721/2-737 гг.) окончилась для хазар катастрофой на Волге, что побудило кагана в отчаянии запросить о мире. Мерван потребовал принятия ислама главой Хазарии и, после 3-дневных раздумий, каган согласился, попросив «прислать ему

учителей для ознакомления с мусульманской религией» и «Мерван направил к нему двух факихов». Каган вместе со своей семьей и некоторыми приближенными принял ислам. Мерван восстановил власть кагана (который вернулся в свою столицу), назвав его своим братом⁴³. Эти события в работах отечественных историков, как правило, затушевываются, но факт остаётся фактом: *первой мировой религией, которую принял глава Хазарского каганата, являлся ислам.*

Даже после того, как прекратилось почти вековое арабо-хазарское противостояние, а Халифат вступил в полосу упадка под контролем халифского наместника в Тифлисе, т.е. вне Хазарии, оставался Дарьяльский проход и, надо полагать, прилегающая часть Восточной Алании. В 851 г. (237 г.х.) халиф Мутаваккиль направил против поднявшего мятеж тифлисского наместника Исхака б. Исмаила б. Шу'айба войско во главе которого стоял тюркский полководец Абу Муса Буга Старший. Мятеж был подавлен, а Исхак казнен, после чего Буга воевал с грузинами и абхазами, а затем победил хазар и алан, коих обложил налогом (*джизья*)⁴⁴. Видимо, халифский военачальник не совершал похода вглубь, к приволжским центрам Хазарии, а провел рейд по ее форпостам на кавказской периферии каганата. Относительно алан можно предполагать, что речь идет о восточных аланах, населявших район Дарьяла и, видимо, поддержавших мятежника. Косвенно на это указывает грузинская летопись, гласящая, что «Буга Турк» разгромил поднявшего мятеж тифлисского эмира и абхазского царя, привел из Дарьяла около 100 семей алан («овсов»), коих поселил близ Тифлиса (*«Хроника Картли»*)⁴⁵. Видимо, это были аланы - подданные Халифата, из числа доверенных лиц, т.е. мусульман, ибо немыслимо, чтобы для укрепления позиций ислама в Тифлисе Абу Муса опирался на «неверных». Любопытно, что именно в 850-е гг. на Южный Кавказ переселилось 300 семей хазар-мусульман⁴⁶.

Дарьяльский проход мусульмане контролировали и в следующем столетии. Аль-Масуди (ум. 956 г.) прямо сообщает, что мусульмане с VIII в. не переставали удерживать стратегический Дарьяльский проход - замок Аланских ворот (*кал^бот Баб ал-лан*) и расположенный близ него мост «на большой реке» (р. Терек). Он «охраняется арабским гарнизоном, которому доставляется провиант из тифлисского пограничья, до которого пять дней пути»⁴⁷.

Таким образом, дарьяльская часть Восточной Алании оставалась под мусульманским контролем и в IX-X вв. Очевидно, что мусульманами являлась, по крайней мере, и часть живших здесь алан. Не случайно в византийском «Житие Феодора Эфесского» сообщается о

трех молодых аланских слугах сирийского правителя ал-Мувайяда (ум. 886 г.) - сына аббасидского халифа Мутаваккиля. Специалисты по алановедению считают, что на службе правителям Халифата находились и северокавказские аланы⁴⁸.

Внимание исследователей привлекает то любопытное обстоятельство, что все походы арабов на северокавказские территории каганата (Беленджер, Семендер, аль-Байда) в 721-739 гг. (103-121 г.н.э.) совершались только через Аланские ворота (Дарьял)⁴⁹. Сравнительная легкость прохода мусульманских войск через них, конечно же, вряд ли могла иметь место без добрых отношений арабов с аланами, стремившихся избавиться от подчинения хазарам.

В то же время нашего внимания заслуживает и другой факт. Наши археологи первыми подметили одно любопытное совпадение: примерно на рубеже VII-VIII вв. на в исторической Западной Алании (нынешний Карачай), неожиданно исчезают крупнейшие аланские поселения, которые *тогда же* (!) внезапно появляются в бассейне р. Дона. Поселившись там, аланы составили одну из трех (наряду с хазарами и болгарами) этнических основ знаменитой салтово-маяцкой культуры - государственной культуры Хазарского каганата.

Долгие и глубокие размышления специалистов, весомые доводы разнообразных источников — от археологических до письменных - не оставили сомнений в том, что это совпадение было напрямую связано с... арабами. Вернее - с проникновением войск Арабского Халифата на Северный Кавказ. А еще точнее - с поведением алан в ходе арабских вторжений.

1.2. Алано-арабский союз: мотивы, условия, предпосылки

Еще Л.Н. Гумилев отмечал, что аланы, в общем-то, не поддерживали хазар в борьбе с Халифатом⁵⁰. Позднее такие взгляды обосновал и другой историк-археолог - проф. Х.Х. Биджиев: зависимых от каганата алан принуждали принимать участие в арабо-хазарских войнах, но - внимание! - эти аланы «при любом удобном случае старались не подчиняться хазарам, что приводило к серьезным столкновениям» с ними⁵¹.

Строптивость «верноподданных» алан самым серьезным образом учитывалась хазарским правительством. Аланы - воинственный и многочисленный народ, населял территории, граничащие с враждебным Халифатом. Нелояльность такого мощного массива создавала угрозу самому существованию каганата, а потому центральное правительство прибегло к решительным действиям до того, как раздробленные владения алан объединятся под единым началом какого-

нибудь популярного вождя. Значительная часть населения Западной Алании была депортирована на сотни километров к северу - в Подонье. Это, пишет проф. Х.Х. Биджиев, было *"насильственным, глубоко продуманным государственным актом со стороны Хазарского каганата"*⁵², который существенно ослабил алан.

По-видимому, депортация значительной массы западных алан произошла еще до Второй арабо-хазарской войны, когда у кагана сил вполне хватало для такой масштабной акции (вспомним об его 300-тыс. армии, вторгшейся в 730/1 г. на Южный Кавказ через Дарьял). Надо полагать, насилие над соплеменниками еще больше отторгло алан Восточной Алании (нынешние Балкария, Осетия, Ингушетия, часть Чечни) от центрального правительства. Более того, есть все основания полагать, что Восточная Алания попросту отпала от каганата (если, конечно, вообще входила в его состав). Посудите сами. В течение Второй арабо-хазарской войны арабы предприняли множество походов через Дарьяльский проход, т.е. именно через земли Восточной Алании, но - удивительное дело! - по признанию историка-кавказоведа и археолога В.А. Кузнецова, *«в памятниках этих мест картины катастрофы и ухода населения мы не наблюдаем»*⁵³.

Скупая фраза археолога говорит о многом. Главное: мусульмане были весьма гуманны - они не тронули восточных /терских/ алан, кои более-менее спокойно продолжали оставаться жить на своей земле.

И это - на контрастном фоне, в общем-то, варварской депортации каганом западных /кубанских/ алан! Десятков тысяч людей - а, может, и семей - потерявших не только могилы предков, но, что важнее для бытия, и водообильные долины по верхнему течению Кубани и ее притоков - Большого и Малого Зеленчуков, Урупа, Большой и Малой Лабы. Солнечные котловины типа Кисловодской и Архызской. Плодородные альпийские луга. Живописные и охранительные ущелья.

Повторение - мать учения. Или, если угодно, от повторения истина не устаревает. А потому повторим про себя еще и еще раз: археология не показывает каких-либо следов «гибельных и разрушительных» последствий мусульманских завоеваний на землях восточных алан. Есть повод задуматься о причинах такой гуманности арабских полководцев: оттого, видимо, она проявлялась, что восточные аланы установили дружественные отношения с Халифатом.

Мы не только априори полагаем наличие мусульманства у восточных алан уже на рубеже УП/УШ вв., но и с полным основанием считаем, что в период арабо-хазарских войн Алания, по крайней мере, частично, входила в состав Халифата. Археологические и письменные

доводы в пользу этого очень даже весомы, в особенности, если брать источники в комплексе:

Во-первых, аланы систематически подвергались нападениям и репрессалиям со стороны хазар - врагов Халифата (летописи) и, в то же время, не подвергались погрому со стороны войск Халифата (археология). Враг моего врага - мой друг?

Во-вторых, западные аланы были депортированы хазарами на сотни километров (археология), а восточные - беспрепятственно пропускали арабов для походов против хазар (летописи). Месть аланов за соплеменников? Или кара хазар на голову «ненадежных» подданных?

В-третьих, находки монет Халифата в основной массе концентрируются на территории Северной Осетии, Ингушетии, Чечни (археология). Не оттого ли, что определенная часть этих территорий находилась в составе Халифата, подчиняясь арабо-мусульманской военной администрации в Дарьяле?

Можно полагать даже, что толерантность полководцев Халифата объяснялась принятием ислама, по крайней мере, влиятельной частью правящей верхушки Восточной Алании. То, что археологи не выявляют памятников мусульманского культа (развалины мечетей и т.п.) того времени абсолютно ни чем не говорит. Дело вот в чем.

Если христианское богослужение немыслимо без молельных зданий, то мусульманское - в принципе не нуждается в них. Крупнейший отечественный востоковед В.Бартольд в свое время указывал, что "ранний ислам в противоположность христианству тяготел к идее богослужения под открытым небом" (с открытыми мечетями связываются "мечети, основанными на богобоязненности с первого дня", отмеченные в Коране, 9:109). В связи с этим, современные исламоведы приводят факты того, что «открытые мечети в некоторых районах Кавказа получили широкое распространение», например, в Дагестане они известны как в домонгольское время, так и в позднем средневековье. Приводя примеры района Дербентского прохода (Баб аль-абваб «Ворота восточные»), А.К.Аликберов пишет, что «первые мечети мусульманских переселенцев в горах, прилегающих к ал-Бабу, скорее всего, были открытыми; возможно, именно поэтому не сохранилось материальных свидетельств культового строительства» VIII в.⁵⁴

Таким образом, если отсутствие развалин христианского храма /церкви/ указывает на отсутствие христианизации, то отсутствие развалин мечети об отсутствии исламизации свидетельствовать *не может в принципе*.

Итак, «Быстрый рейд» на четверть века (737-763 гг.) остановил арабо-хазарские столкновения, что справедливо связывается с тем, что во главе каганата стоял мусульманин⁵⁵. Совершенно очевидно, что после разгрома хазар значительная часть алан отпала от каганата, а Дарьял с прилегающими районами Восточной Алании оставался в составе Халифата.

Наведя цорядок в кавказских владениях Халифата, в 744 г. Мерван отбыл в Дамаск, где занял престол, оказавшись последним из омейядских халифов, и вскоре был убит с приходом к власти Аббасидов. Любопытно, что «последний защитник дела Омейядов с семьей, обозом и некоторым количеством спутников в 752 г. бежал в Хазарию»⁵⁶ (видимо, было вполне естественно попытаться найти убежище у кагана-мусульманина).

В период смуты, связанной со сменой династии в Халифате, власть арабов в Дарьяле ослабла. Поэтому-то, наверное, нетрудно объяснить арабский поход 758 г. /141 г.х./, когда аббасидский наместник на Кавказе *Язид б. Усайд* т рода *ас-Сулами*, принадлежавшего к ансарам (мединским сподвижникам пророка), вновь занял Баб ал-Лан. Он разместил здесь мусульманский гарнизон (конная стража), который получал - видимо, из Тифлиса - регулярное денежное содержание (*аль-Баладури*)⁵⁷. Последнее обстоятельство существенно, поскольку очевидно, что присылаемые деньги арабские воины использовали по прямому назначению, т.е. приобретали за них продовольствие и другие потребности. Приобретали, видимо, у местного населения, т.е. алан, которые таким образом вовлекались в товаро-денежные отношения - отсюда и находки арабских монет в данном районе Алании (этого вопроса мы коснемся подробнее чуть ниже).

Аббасиды старались развивать мирные отношения с каганатом. По указанию халифа аль-Мансура наместник Язид б. У сайд женился на дочери самого кагана Багатура, которую источники именуют тюркским словом *Хатун*. Последняя попросила Язида прислать к ней мусульманок для обучения исламу, после чего - научившись, кстати, и чтению Корана — «отбросила от себя меч и кинжал» и позволила мужу войти к ней. К сожалению, супружество продлилось недолго — 2 года и 4 месяца, принцесса и оба ее ребенка от Язида умерли, глубоко опечалив мужа. Интриганами был пущен слух о том, что покойных извело коварство арабов, в 762/3 г. хазары возобновили войну с Халифатом (*Табари, Ибн аль-Асир*). Тогда, по некоторым источникам,

хазары и овладели областями *Алан** Лакз, Хамзин⁵⁸, которые, судя по всему, до этого контролировались Халифатом.

К 797/8 г, относится последний - из известных по летописям - большой поход хазар против кавказского наместничества Халифата. Любопытно, что поход был совершен по просьбе *мусульманских* владетелей Хашимидов, занявших Дербент в результате восстания против арабского наместника⁵⁹. По-видимому, борьба шла с переменным успехом, но мусульмане, судя по данным летописей, продолжали удерживать Дарьял.

Курс на мирное сосуществование, проводившийся правителями обеих ослабевших империй, хоть и с трудом, но воплощался.

Подытоживая данный раздел, можно еще раз подтвердить мнение коллег-исследователей о том, что впервые народы Кавказа, в том числе и аланы, познакомились с исламом в период первых арабских походов, когда «обширные области Закавказья и Северного Кавказа входили в состав Арабского халифата». Хотя «теперь уже невозможно установить, какой процент алан стали мусульманами в период установления арабской власти», но, как пишет Н.М.Емельянова, «достоверно известно», что аланские воины «участвовали в арабских походах» (т.е. в составе мусульманских армий!), а для обучения основам ислама аланы «приезжали в Тифлисский и Дербентский эмираты»⁶⁰.

Конечно, не случайно даже весьма осторожный в выводах осетинский археолог, доктор исторических наук А.А.Туаллагов считает, что «некоторые представители алан могли принять ислам»⁶¹. Для этого имеются основания. Например, Ибн Хаукаль (976/7 г.) отмечает, что в «царствах неверных» мусульманские общины управляются одним из правоверных по поручению местного государя как это видно в странах хазар, алан, Сарире и др. (*мульк аль-куфур ка-ль-Хазар уа-с-Сарир уа-ль-Лан*)⁶². Это прямое указание на наличие мусульманской общины в Алании, где в X в. государственной религией правящая верхушка объявила христианство.

Алан-мусульман посещали единоверцы из мусульманского мира. Так в правление халифа аль-Васика (842-847) на территории, подвластной царю аланов (*малик ал-Лан*), побывал арабский путешественник Саллам Переводчик (*ат-Турджуман*), который мог говорить на тридцати языках. Он был направлен на север самим халифом для сбора данных в связи с новостью, что есть трещина в стене, воздвигнутой Александром Македонским для защиты мира от Гога и Магога. Саллам получал охранные грамоты для проезда через кавказские земли,

управлявшиеся Исаком б. Исмаилом, правителем (*сахиб*) Арминийи, наместником в Тбилиси, прошел также через земли, подвластные повелителям Сарира, филаншаху, «вплоть до двора хазарского царя» (*ИбнХордадбех*)⁶³.

Таким образом, предки многих нынешних мусульман из числа потомков алан - балкарцев, карачаевцев и осетин - исповедовали ту же веру и тринадцать веков назад.

Как справедливо отмечают наши медиевисты, «военно-политические, прежде всего экономические связи Хазарии с мусульманскими странами не могли не повести к проникновению ислама в эту страну» (добавим - и в Аланию, и в другие страны, которые зависели от каганата). А потому и неудивительно, что «с прекращением непрерывной войны с арабами туда устремились купцы из мусульманских стран», которые, «вместе с различными товарами и мусульманской религией», несли с собой «мусульманскую культуру, влияние которой отчетливо сказывается на материальной культуре и искусстве Восточной Европы УП-Х вв.»⁶⁴.

Купечество выступало самым «продвинутым» сословием империи. Нетрудно понять, что оно - проникая в разные страны и континенты - лучше других имело возможность получать объективную картину мировых тенденций, ранее других приобщаться к достижениям культуры и прогресса. Поэтому-то и неудивительно, что, говоря словами М.И.Артамонова, «мусульманство находило немало сторонников среди связанного с Востоком городского населения Хазарии»⁶⁵, т.е. *самой передовой* прослойки каганата. Купцы, выступая как проповедники, служители исламского призыва (*да 'ват*), получили возможность - в мирной обстановке и в условиях известной веротерпимости правительства каганата - распространять свое вероучение в разных провинциях державы, включая и аланскую окраину.

Переход к мирным отношениям с мусульманским миром Хазарии, Алании и других стран к северу от Главного Кавказского хребта обусловил их научное освоение не только купцами, но и учеными из исламского Востока. *Ибн Хордадбех* в своей известной «Книге путей и царств» (*Китаб ал-Масалик ва-ль-мамалик*) сообщая о 360 «воротах» /*абваб*/ гор Кавказа /*джабалъ ал-Кабк*/, упоминает и Аланские Ворота (*Бабал-Лан*)⁶⁶.

Другой автор того же IX века, *Ибн аль-Факих* в своей «Книга стран» (*Китаб аль-булдан*) пишет, что за Воротами (*аль-Баб*), т.е. Дербентом находятся «царь Сувар и аль-лакз» /*малик Сувар уа-ль-лакз*/, царь алан /*малик ал-лан*/, царь Филана /*малик Филан*/, царь

Маскута /*малик аяь-Маскут!*, владетель Сарира /*сахиб ас-Сарир!*, город Семендер /*мадинат Самандар!*. Здесь же сообщается, что Язид б. Усайд ас-Сулами завоевал Аланские Ворота (*Баб ал-Лан*)⁶⁷.

О стране алан сообщает книга энциклопедиста начала X в. *Ибн Русте*, который пишет, что по выходу на запад от царства Сарир через три дня пути «среди гор и лугов, прибываешь в царство Ал-Лан», чей царь — «христианин в сердце, но весь народ его царства — язычники, поклоняющиеся идолам». Еще через 10 дней пути «достигаешь замка, называемого "Ворота аланов"», который «стоит на вершине горы, а под горой проходит дорога». Этот «замок окружен высокими горами, и повседневно его стены охраняет тысяча людей из его обитателей, стоящих на посту день и ночь».

Как сообщает Ибн Русте далее, «аланы состоят из четырех племен, но почет и царство принадлежат у них племени, называемому Дхсас». Ученый пишет, что «царь аланов называется Б.гайр., каковое [имя] прилагается к каждому из их царей»⁶⁸. Кстати, несколько веков спустя Ибн аль-Асир (ум. 1233) также сообщает о многоплеменности алан («их много племен») ⁶⁹. Правда, нет никаких оснований полагать, что все эти племена были прямыми потомками «изначальных» алан. Ведь еще Аммиан Марцеллин (IV в.) прямо указывал, что аланы распространили своё название на покоренные соседние народы, с которыми объединились в одном имени победителей⁷⁰. Иными словами, еще до Великого переселения народов этноним «алань» обозначал не только изначальных алан, но и другие народы. Менандр Византиец (VI в.) упоминает «аланские народы»⁷¹ и, опять-таки, нет никаких оснований быть уверенными в том, что все эти народы генетически восходили к античным, «настоящим» аланам. Вообще-то мы огорчим разного рода любителей идеи «чистых народов», ибо считаем, что аланы I века и аланы X века - разные народы. За тысячу лет этническую чистоту способны сохранить, видимо, только столетиями изолированные от остального мира, отрезанные от всяких внешних контактов, автаркичные племена. Но это никак не может относиться к аланам, которые, веками перемещаясь на огромных пространствах, соседствовали в Средней Азии, Восточной Европе, на Кавказе с десятками народов...

Один из великих арабских географов аббасидского времени *аль-Масуди* (ум.956 г.) сообщает, что современная ему Алания представляет собой значимый субъект международных отношений и обладает мощным военным потенциалом и демографическим ресурсом. «Правитель аланов (*сахиб ал-Лан!*) - пишет он, - могущественный, очень сильный и влиятельный среди царей, может выставить 30 000 всадни-

ков. Его владения состоят из непрерывного ряда поселений, расположенных настолько близко друг к другу, что если кричат петухи, то они откликаются друг другу от одной стороны царства до другой». Аль-Масуди пишет, что аланский царь носит титул *K.rk.ndag* столица его государства называется *M.g.s.* помимо которого «царь владеет замками и угодьями, куда он время от времени переезжает». Царь аланов и правитель Сарира, сообщает этот источник, «недавно стали союзниками, выдав друг за друга своих сестёр». После распространения ислама при Аббасидах цари аланов, которые до этого были язычниками, приняли христианскую веру, но после 320 г.х. (931/2 г.) «они отвратились от неё и изгнали епископов и священников», присланных им византийским императором. Вслед за Ибн Русте и Аль-Масуди сообщает о замке Аланских ворот на р.Тереке⁷².

Еще один автор X в. *Аль-Истахри* «Книга путей и царств» (*Китаб ал-Масшик ва-ль-мамалик*) пишет, что Византийская империя (букв. *мамлякат ар-рум* «царство румов») простирается до границ славян *Лас-сакалибл* и их соседей — русов (*ар-рус* \ аланов (*ал-лан*) и др. К северу от Халифата (букв. *мамлякат аль-ислам* «царства ислама»), пишет он, расположены аланы, хазары /*ал-Хазар*/, болгары /*Булгар*/, некоторые другие тюркские племена /*таифат мин ат-Турк*⁷³.

В «Книге наилучшего распределения сведений о провинциях» (*Китаб ахсан аль-таксим фи ма 'рифат аль-акалим*), которая написана *Аль-Мукаддаси* (946-1000), сообщается, что в стране аланов нет ни одного известного города (*фи билад ал-лан била мудун ма (руфат)*⁷⁴. Судя по всему, здесь отражена стадия зарождения аланской государственности на Северном Кавказе.

Крупнейший арабский географ *Ал-Идриси* в своей книге "Развлечение истомленного в странствии по областям" (*Нузхат ал-муштак фи-хтирак ал-афак*, 1154 г.) описывает алан и их города. Он отмечает, что *р.Русийу* (предположительно р.Кубань), «большая река, берущая начало с вершины горы *ал-Кабк*» /Кавказ/ «пересекает страну *ал-Ланийа* (Алания)», а на этой реке «нет известных городов, но по обоим берегам имеются населенные деревни и обильные посевы».

Далее «эта река течет на запад до тех пор, пока не впадает [в море] в этом, [упомянутом] месте. По ней плавают небольшие лодки, которые используют для перевозки легких вещей - товаров и припасов, переправляемых из одного места в другое.

От устья этой реки до города *Аскасийа* сто пятьдесят миль. Это красивый город из [числа] городов страны ал-Ланийа и одна из ее пограничных областей.

От города Аскасийа до города *Ашкала* из страны ал-Ланийа двадцать миль. Между городом Ашкала и морем около шести миль. Это город небольшой, но оживленный, его округа имеет всего вдоволь для пропитания его жителей.

От него по берегу моря до города *Астабрийа* двадцать миль. Этот город стоит у моря. Это цветущий, населенный город с оживленными рынками, обширной округой и искусно возведенными постройками. Большая часть его жителей - купцы, их имущество изобильно.

От города Астабрийа до города *ал-Ланийа* двадцать четыре мили. По этому городу его народ назван аланами. Этот город построен в древности, и неизвестно, кто его построил»⁷⁵.

Любопытно, что из четырех городов, три *Астабрийа*, *Аскасийа*, *Ашкала* (по А.П.Новосельцеву "Ас-кала", т.е. "крепость асов") располагались на черноморском побережье и это неудивительно, ибо в пору своего расцвета Алания распространяла свое влияние вплоть до Черного моря⁷⁶.

Говоря о топонимии аланских городов Аскасийа, Ашкала и Астабрийа, И.Г.Коновалова полагает, что «начальный слог этих наименований *ас-* можно в принципе трактовать как отражение племенного названия алан»⁷⁷.

Как видим, в освещаемый период на мусульманском Востоке просвещенные люди имели представления об аланах и их стране.

Глава II

АРАБСКИЙ ВОСТОК И ДЕНЕЖНОЕ ОБРАЩЕНИЕ У АЛАН

2.1. Условия и предпосылки денежного обращения

Денежное обращение может иметь место при наличии определенных **условий**, наиболее важные из которых здесь и рассмотрим.

Аксиомой, в общем-то, является то, что *зарождение денежного обращения было связано с вовлечением местного населения в международную торговлю*. Такому вовлечению способствовало, конечно же, географическое положение Центрального Кавказа, по территории которого с глубокой древности проходили ветви трансконтинентальных коммуникаций.

Важнейшим условием зарождения денежного обращения в государстве выступают **потребности элиты**. Многовековое соседство с высокоразвитыми державами в Причерноморье (Римской империей, а затем - Византией) и Прикаспии (с Сасанидским Ираном, а затем Арабским халифатом) неизбежно влекло за собой приобщение кавказцев к достижениям развитых культур. Оно изначально всегда затрагивает знать и, как правило, начинается с заимствования внешних форм культуры - моды, подражания и т.п. Не случайно еще античный автор Страбон пишет относительно глубоких изменений в быту степняков-скифов: "Наш образ жизни почти у всех произвел перемену..., внося роскошь, страсть к удовольствиям и для удовлетворения этих страстей множество безнравственных средств к обогащению". Он еще раз подчеркивает, что скиф, "вступая в сношения со многими народами, перенимает от них роскошь и торгашество" (*Страбон, VII, 3, 7*).

Аналогичную картину мы наблюдаем в средневековье. Подражая быту «престижных народов», вчерашние номады отказывались от своих традиционных элементов материальной культуры. Поэтому-то одежда алан "носила отпечаток персидского и византийского влияния" (отсюда, например, мода на ромбические нашивки в виде *тавлиона* - знака верхушки византийской знати, помещавшегося на одежде императора и аристократии /Т.Равдоникас/). А хазары и вовсе пе-

рестали сами выделывать одежды, импортируя готовые одеяния из Византии и Средней Азии (Истахри). По сообщению Михаила Пселла, в правление Константина IX Мономаха (1042-1055) император сблизился с аланской царевной, результатом чего было то, что "аланская земля наводнилась богатствами из нашего Рима" /Константинополя/.

Культурное влияние, конечно же, не ограничивалось модой на одежду: с рынков соседних империй северокавказцы приобретали оружие, орудия труда, посуду и т.д.

Естественно, что рыночное приобретение диктовало необходимость обладания товарным эквивалентом - натуральным или денежным. Так с чем же аланы могли выходить для обмена на внешний рынок?

Очевидно, что продукция сельского хозяйства Алании, равно и ее ремесла, успешно не могли конкурировать на международном рынке. В Византии и странах Востока - доминантах мировой торговли — климатические условия обуславливали гораздо большую продуктивность аграрного сектора, а ремесленное производство тех стран находилось на несравнимо более высоком, нежели у алан, уровне развития. У последних по упомянутым причинам оставался единственный путь - выходить на мировой рынок со своими деньгами или, что в данном случае одно и то же, своим золотом и серебром.

Второе условие денежного обращения - достаточная **концентрация драгметаллов**.

Отсюда возникала потребность в изыскании источников денег или "денежных металлов", причем постоянно пополняемых. Поиск их становился подлинной "головной болью" аланской знати, поскольку именно она первой приобщилась к веяниям тогдашней моды, эстетическим эталонам более развитых стран, с которыми устанавливала тесные связи, в т.ч. и посредством династических уз (соседнего Абхазо-Грузинского царства, Византии и др.).

Торговцы из этих стран требовали только звонкой монеты — всего остального в их странах было вдоволь. Местная аристократия вынуждена была принимать меры к всемерной концентрации денег и денежных металлов, изыскивать и брать под жесткий контроль месторождения этих металлов.

Такой контроль и организация добычи, плавки, транспортировки, хранения драгметаллов объективно способствуют централизации и укреплению политической власти, ибо предполагают наличие постоянных воинских контингентов в районе месторождений, чиновников, стоящих во главе производства, надзирателей, пресекающих попытки хищения и т.п. Речь, по сути, идет о металлургии (в данном случае -

драгоценных металлов) об одном из факторов формирования государственности.

Государственность, в свою очередь, является одним из факторов возникновения городов - в первую очередь как военно-административных, а затем и торгово-ремесленных центров. Превращение же города в центр торговли и ремесла стимулирует ТДО. Как видим, все эти процессы оказываются теснейшим образом взаимосвязанными.

Рассмотрим вначале вопрос о естественных *источниках* концентрации.

Военная добыча. Значительный приток "военного" золота в регион связан в рассматриваемое время с многочисленными войнами и набегами, которые вели хазары и вассальные им народы с богатыми странами Юга. Это могло приносить и приносило колоссальные доходы. К примеру, в ходе одного лишь похода в Арран (Кавказскую Албанию) в 664/5 г. хазарам удалось захватить 120 000 овец, 7000 быков и лошадей, не менее 1200 пленных, а во время похода 796 г. хазары увели в плен из Закавказья свыше 100 тыс. чел. (З.Буниятов).

Следует отметить, что Арран был богатейшей страной региона в плане месторождений металлов, включая и драгоценных. "История агван" сообщает: "Расположенная среди высоких гор Кавказских, страна Албания полна и богата многими естественными богатствами... В горах добывается золото, серебро, медь..."

Поэтому неудивительно, что именно Арран выступал постоянным объектом южных походов хазар. Такие походы имели место как во времена Сасанидов (553, 627, 629), так и в ранний период Халифата (662, 664/5, 685, 709/10, 717/8, 722/3, 726/7, 730/1 - 731/2, 763/4, 765, 796 гг.). Одно время хазары имели даже своего наместника в Арране, о чем аль-Йакуби сообщает: "Хазары это те, которые захватили все земли Арминийи (провинция Халифата, Южный Кавказ, - *Р.Х.*). Над ними есть царь называемы хакан. Он имеет наместника, называемого Йазид Балаш, над Араном, Джурзаном, Басфурджаном и Сисаджаном" (З.Буниятов).

Для того, чтобы представить, сколько одного только серебра могли отсюда увезти с собой участники грабительских походов, можно привести такие данные: если в 640 г., т.е. при халифе Умаре, арабы взи-мали с населения Аррана налоги в сумме 800 тыс. дирхемов (т.е. 2 тонны 376 кг серебра; монета в 1 дирхем = 2,97 г), то при халифе Ма-муне (813-833) объем ежегодных налогов с Арана составляла 3 млн. дирхемов, или 8 тонн 910 кг (З.Буниятов). Для сравнения: в конце XIV

в. Московское княжество уплачивало Золотой Орде в виде дани чуть больше 1 тонны 89 кг (см. ниже).

Но налоги, как бы высоки ни были, все же в известной степени есть цивилизованная форма отчуждения собственности. Понятно, что в ходе военных грабежей, производившихся хазарами в VI-VIII вв., о каких-либо нормах цивилизованности речи быть не могло. Поэтому близким к истине будет предположение, что те же тонны серебра, которые арабы взимали в виде налогов в течение года, хазары захватывали за один-два удачных набега. Заметим, что грабилось не только гражданское население, кое-что добывалось и непосредственно на поле боя. Так, разбив в 630 г. у озера Севан персидское войско, хазары "ограбили трупы, собрали украшения коней, их копья и обложенные золотом мечи, щиты и одежду" («История агван»).

В ходе этих походов в руки хазар попадала огромная масса монетного серебра. Известно, что около 760 г. хазарский каган, выдавая свою дочь замуж за арабского наместника Арминии Язида ибн Усайда ас-Сулами, передал в качестве приданого 100 тыс. дирхемов⁷⁸, т.е. 297 кг монетного серебра. Чтобы иметь представление о товарном эквиваленте этой суммы, *уместно* напомнить, что в ту пору стоимость одной овцы в Византийской империи составляла 24 кератия (1 кератий = 2 г серебра; 24 кератия = 48 г)⁷⁹. Стадо бычь, денежное приданое хазарской принцессы равнялось стоимости почти 6200 овец.

Если учесть, что упомянутая свадьба происходила задолго до установления прочных торговых связей Хазарии с мусульманским Югом, то логично полагать, то эта масса дирхемов попала в казну кагана напрямую из военной добычи его армий. Сам факт того, что каган хранил это серебро именно в виде монет (а не пустил, например, в переплавку для изготовления украшений для своего двора), в известной степени можно считать симптоматичным. Говоря иначе, можно допустить, что ко второй половине VIII в. Хазария уже была вовлечена в ТДО и, как показывают находки, имела собственное денежное обращение.

Наемничество. Весьма важным источником поступления монетного металла выступала практика предоставления правителями своих военных отрядов правителям других стран за определенную плату, т.е. транснациональный наем военной силы. Как отмечает В.А.Кузнецов, военное сотрудничество Алании и Византии основывалось "не только на традиции, но и на щедрой оплате аланских ландскнехтов".

Известно, что в 1045 г. отряд магистра Константина Аланского в составе византийских войск вестарха Михаила Иасита участвовал в войне против гянджинского и двинского эмира Абу-ль-Асвара I из дома Шеддадидов. В 1071 г. аланский отряд принял участие в Манцикертской битве, где сельджуки разгромили византийскую армию. Аланы также участвовали в военных действиях в Македонии, у Солуни, Филиппопля и др. (В.А.Кузнецов).

Плата за пользование наемными дружинами почти всегда оплачивалась золотом. В VI в. аланы обязались перед византийцами изгнать персов из Лазики (Западной Грузии) за 300 фунтов, т.е. около 98,2 кг золота⁸⁰. Выплачивались и более внушительные суммы. Известно, что византийский император в 967 г. нанял русскую дружину для похода в Болгарию за 15 кентинарий золота. Численность этой дружины, возглавлявшейся самим киевским князем Святославом, судя по источникам, едва ли превышала 10 тыс. чел. Сумма в 15 кентинарий, по В.М.Соловьеву, была равной примерно 132,6 тыс. голландских червонцев⁸¹. Судя по всему, речь идет о гульденах - голландских золотых монетах в 3,44 г каждая, полностью идентичных по весу русским червонцам, чеканившимся с 1701 г.⁸² Стало быть, речь идет о примерно 471 кг золота, которые византийцы уплатили дружине Святослава.

Император Михаил VII Дука (1071-1078) в свое время не смог найти средства для оплаты "услуг" им же приглашенного 6-тыс. отряда аланских воинов, из-за чего они вынуждены были вернуться на родину (В.А.Кузнецов). Если уж для казны империи содержание наемных отрядов было столь оременительным, то нетрудно представить, какие суммы эти наемники могли увозить домой.

По своей сути близок к данной форме оборота золота был систематический денежный подкуп ("одаривание") византийцами вождей "варварских" племен Кавказа; как пишет автор VI в. Агафий, такие подкупы "производились ежегодно".

Месторождения драгметаллов. На территории исторической Алании практика разработки месторождений драгоценных металлов известна с глубокой древности. Украшения из золота и серебра мастера из числа коренного населения изготавливали еще в эпоху бронзового века.

Серебро. Исследования археологов показывают, что в Карачае местное население эксплуатировало серебряно-свинцовые руды издавна. Еще дореволюционные авторы отмечали, что «карачаевский серебро-свинцовый рудник... разрабатывался также в очень древние времена, доказательством этому служат старинные раскопки»⁸³.

То же самое мы встречаем и в Кабардино-Балкарии, где выявлены места средневековых разработок серебряно-свинцовых руд, например, в верховьях р. Псыгансу⁸⁴. Такие же разработки велись вплоть до нового времени и в Осетии, В 1724 г. русское правительство получило сведения о том, что здесь «места их изобилуют золотою, серебряной и прочими рудами», причем осетины, видимо, даже экспортировали руды драгметаллов: известно, что грузинский царь Вахтанг VI из Осетии «серебряной руды великое количество получил»⁸⁵. В своей «Географии» царевич Вахушти Багратиони упоминает, что в Алагирском ущелье «есть и серебряная руда».

Золото. По данным специалистов, на территории Карачаево-Черкесии (в бассейне р.Большой Лабы) золото добывалось еще в VI веке до н.э., а на территории нынешних Северной Осетии и Кабардино-Балкарии примерно с середины I тыс. до н.э., с Кавказа золото получали и скифы⁸⁶.

О богатстве недр Алании еще тысячу лет назад знали далеко за ее пределами. Так, армянский автор XI века Шапух Багратуни сообщает, что эта страна «очень богата и обильна» и «там находится много золота».

Современная наука убедительно подтверждает средневековые данные о богатстве недр Алании. Доктор геолого-минералогических наук, действительный член Академии горных наук, профессор А.С.-У.Тамбиев указывает на то, что в Карачаево-Черкесии, т.е. исторической Западной Алании, встречаются две разновидности месторождений золота: *россыпное* (по долинам рек) и *коренное*, или рудное (в горных массивах). Здесь имеется несколько т.н. металлогенических зон (Центральнокавказская, зоны в районе Главного и Передового хребта). В них выявлены месторождения и проявления рудного золота различных формаций - кварцево-жильной, золото-сульфидной, золото-лиственитовой и золото-серебряной. Они образуют рудные поля (напр., Чучхурское и Верхне-Маринское) и рудные участки (напр., Маринский и др.).

Еще в 1996 г. власти КЧР, «в целях возобновления золотодобычи, учитывая неотработанность многих известных россыпей», объявили о предоставлении прав на освоению некоторых из золотых месторождений Карачая, в т.ч. россыпного золота: в бассейнах *р.Большой Лабы* (участок от устья р.Точеной до пос.Курджиново включая притоки, россыпи Бескесская, Магазиная, Первомайская, участок Рожкао-Россыпная), *р.Урупа* (участок от устья р.Черемуховой до ст.Преградной, включая притоки, россыпь Власенчихская); коренного

золота: в бассейне/?. Чучкура (участок Лесная Балка)⁸⁷.

Золотоносные россыпи известны и в соседней Балкарии, в частности - в бассейнах рр.Баксан /Былым, Лашкута/, Малка /Мушт/, а рудные проявления золота — в Безенгийском ущелье⁸⁸.

В 1997 г. ученые-геологи Юга России на своем специальном совещании по золотодобыче, проводившемся летом в Черкесске, сообщили, что в предшествующие годы новейшего времени на Северном Кавказе было добыто 1 тонна 300 кг золота, в т.ч. на территории Карачаево-Черкесии - 70%, Кабардино-Балкарии - 20%, Адыгеи - 10%. По предварительным расчетам объемы половина запасов золота на Северном Кавказе приходится на территорию КЧР (здесь же - % запасов россыпного золота Северного Кавказа)⁸⁹.

Прогнозные ресурсы Учкуланского рудного поля сейчас оцениваются в 150 тонн, Маруха-Лабинской площади - 30. Специалисты полагают, что потенциал золотодобычи в Карачаево-Черкесии составляет 420 тонн, в горном Дагестане — 370 (бассейны рр.Самур, Ахтычай, Чехычай, Джурмут, Орицкали), в Кабардино-Балкарии - 185 (в т.ч. прогнозные запасы по Безенгийскому рудному полю - 150, по Кардан-Куспаргинскому рудному узлу - 20, по месторождению «Радужное» - 15), Северной Осетии - 115 (в т.ч. 107 т - в Шаухохском рудном узле)⁹⁰.

По данным Регионального агентства по недропользованию по Южному Федеральному округу (2007 г.), в КЧР годовая добыча золота составляет примерно 500 кг, а серебра - 8-9 тыс. тонн. Обычно содержание 5 граммов золота на тонну, указывает профессор А.С.-У. Тамбиев, считается достаточным для промышленного развития. А в КЧР выявлены месторождения с 20-22 граммами на тонну. «Это очень высокое, или как говорят геологи, ураганное содержание», которое «зафиксировано на Худесском месторождении в КЧР и на Малкинско-Муштинском рудном поле»⁹¹.

Непременным условием денежного обращения является *государственная монополия* на природные ресурсы золота и серебра, Первая известная исторической науке госмонополия на кавказские месторождения цветных (в т.ч. и драгоценных) металлов была установлена примерно в 570-е гг., когда обширные пространства на Кавказе вошли в состав гигантского Тюркского каганата, простиравшегося от Причерноморья до Дальнего Востока.

Об этом сообщает хроника «Дербенд-наме»: «Что касается рудника меди в Андери и месторождений серебра, что в Т.р.к.- были в руках хакана, и поставил он (хакан) над ними правителя (хакима) в Килбахе». В одном из списков этой хроники говорится не только о месторождениях «серебра и золота в Т.р.к., (а это) имя большой реки». Под этой рекой, судя по всему, разумелся Терек, с которым неразрывна

история Алании. Та же хроника упоминает и область Мускитдур («население его из Алана»), местность Джулат (к нему мы еще вернемся), область Ихран/Ирхан, также локализуемой на территории Алании⁹²,

Как видим, тюркютские каганы установили госмонополию на добычу полиметаллов (меди, серебра и золота) Северного Кавказа, установив для этого институт специального правительственного чиновника (по-арабски титулуется "хаким") с резиденцией в Килбахе.

Аналогичную политику тюркюты проводили и на занятых территориях Южного Кавказа. В 629/630 г., пишет Моисей Каганкатвази, тюркютский "князь севера" «отправил своих смотрителей за разного рода ремесленниками, имеющими познание в добыче золота, серебра, железной руды и меди» в Кавказской Албании. Под «князем севера», по мнению Л.Н. Гумилева, подразумевался каган Тун-Джебгу-хан, владыка Западно-Тюркского каганата, образовавшегося после распада Тюркского каганата⁹³.

Традицию государственной монополии на месторождения полиметаллов на подвластной территории продолжили хазары, чьи правители принадлежали к той же династии Ашина, что и у тюркютов. Практически все месторождения золота и серебра Алании вплоть до падения Хазарского каганата (960-е гг.) находились под контролем правительства Хазарского каганата.

С обретением аланами независимости госмонополия сосредоточилась в руках их собственных царей.

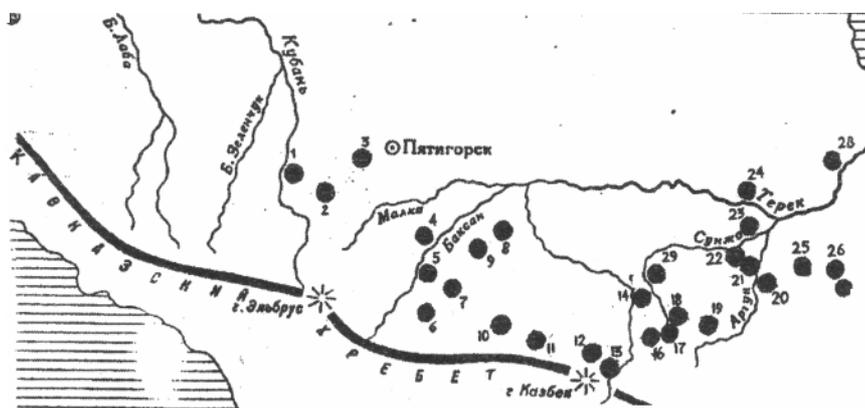

Рис.3 Находки восточных монет домонгольской поры:

1 - Хумара, 2 - Эшкакон, 3 - Кисловодск, 4 - Былым, 5 - Гижгид, 6 - Верхний Чегем, 7 - Нижний Чегем, 8 - Нальчик, 9 - "в Нальчикском округе", 10 - Камунта, 11 - Галиат, 12 - Саниба, 13 - Чми, 14 - Орджоникидзе, 15 - Реком, 16 - Бейни, 17 - Шуан, 18 - Верхний Алкун, 19 - Мартан-Чу, 20 - Дуба-Юрт, 21 - "в Чечне", 22 - Кулары, 23 - окрестности Грозного, 24 - Червленая, 25 - Майртуп, 26 - Аллерой (плоскостной), 27 - Алларой (горный), 28 - Шелковская, 29 - Ахки-Юрт.

1-4, 6, 10, 12-14, 19, 26-27 - сасанидские; 13, 19 - арабо-сасанидские, 5, 10, 11, 16-25, 29 - куфические, 7-9 - неопределенные восточные, 17 - монета Джафаридов, 25 - монета Зенгидов, 28 - монета Ильдегизидов.

2.2. Зарождение монетного дела

Историческая практика показывает, что наличие влиятельного торгового сословия, способного извлекать доходы из международной посреднической торговли, может во многом «компенсировать» невозможность в силу неконкурентоспособности - извлечение денежных доходов из продукции национального ремесла и сельского хозяйства.

До Халифата территория алан входила в зоны обращения двух денежных систем — византийской (в основном Западная Алания), основанной на обращении золотой монеты, и сасанидской (преимущественно Восточная Алания), основанной на монете серебряной. Условной границей двух зон можно считать район Кисловодской котловины, в целом линию каспийско-черноморского водораздела.

В Византийской империи основной денежной единицей была золотая *номисма* (вес: 4,45 г, изредка 4,54 г). Из византийского фунта /литры, 327 г/ золота чеканилось 72 номисмы, на которые уходило 319-320 г, а «остающиеся 7-8 г покрывали расходы на чеканку и частично поступали в доход государства». Разменной монетой в основном выступала медная монета, а «серебряная монета занимала небольшое место в денежном обращении». Так как «номисма была слишком велика для обыденного употребления, приходилось чеканить монеты в половину номисмы (семиссы) и в одну треть (тримиссы)». В Иране сасанидской эпохи основной денежной единицей выступала серебряная драхма весом около 4 г (отдельные - 4,25 г) /О.Болынаков/.

Исследователи давно установили то, что с VII в. Хазария выпускала монеты по образцам двух современных ей денежных систем -- арабской и византийской. Вообще же чеканка каганатских монет началась «с подражаний византийским образцам»⁹⁴, а впоследствии денежное обращение Хазарии определенное время было основано на *арабской* денежной системе.

В VII -X вв. аланы, входившие в состав каганата, пользовались именно этими деньгами. Кстати, собственные монеты в виде подражаний именно арабским дирхемам чеканили не только в Хазарии, но и в Болгарии (с X в.)⁹⁵.

Исследователи связывают чеканку интересующих нас монет-подражаний с территорией распространения племен салтовомаяцкой

культуры⁹⁶. Эта культура, по мнению большинства специалистов, являлась государственной культурой Хазарского каганата. Одним из народов-создателей салтово-маяцкой культуры являлись донские аланы, а культура северокавказских алан также в известной степени выступала локально- этническим вариантом данной культуры⁹⁷.

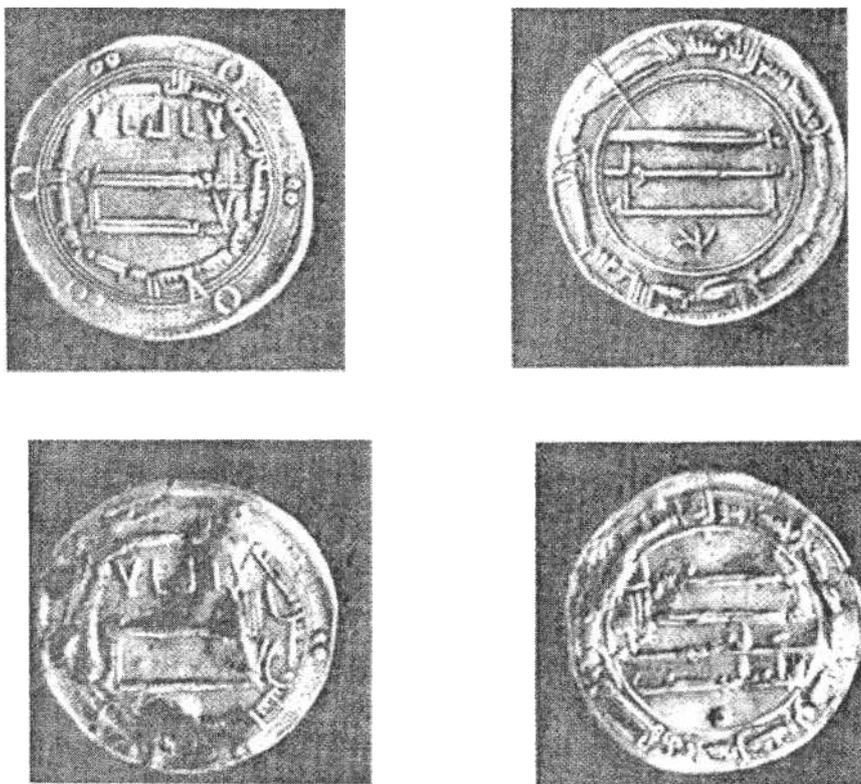

Рис.А. Хазарские монеты - подражания куфическим дирхемам
(А.А.Глашев. Очерки истории хазар. М.,2009. - С. 170)

Размещение на дирхеме изречений из Корана, полагает А.А.Иеруеалимская, «способствовало как использованию их в качестве амулетов, так и изготовлению монетовидных амулетов в исламском мире». Отсюда появление монетовидных бронзовых амулетов (VIII-IX вв.) с 4-строчной куфической надписью, где в трех строках повторяется формула „Власть Аллаха“, в нижней - „Довольствуюсь Аллахом“ (чтение Л.Т.Гюзальяна). Такие амулеты, указывает исследовательница, бытовали в среде аланского населения⁹⁸. Данное обстоятельство, видимо, должно проистекать из почитания Корана и соответственно - признания его магических свойств. Иными словами, му-

сульманские амулеты носили, в первую очередь, мусульмане, в данном случае - из числа алан.

В 1998 г. научные сотрудники Карачаево-Черкесского музея-заповедника А.А.Демаков и О.В.Орфинская нашли в скальном погребении аланского городища в Нижнем Архызе мусульманский монетовидный амулет. Его прорисовку вскоре А.А.Демаков принес для идентификации одному из авторов этих строк /Р.Хатуеву, тогда зав. сектором истории и этнографии отдела КЧИГИ/, который дал предварительную датировку монетного прототипа этого амулета – втор. пол. VIII в. (рис. 5 Б).

Известно, что у того же места ранее также был найден амулет, прототипом которого являлась куфическая монета Халифата (рис. 5 А)⁹⁹. Упомянутые исследователи справедливо связали данные находки с двумя мусульманскими амулетами, которые ранее обнаружены в скальном могильнике Мощевая Балка и описаны А.А.Иерусалимской¹⁰⁰.

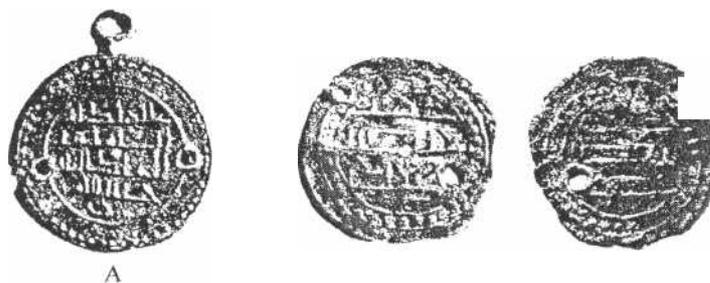

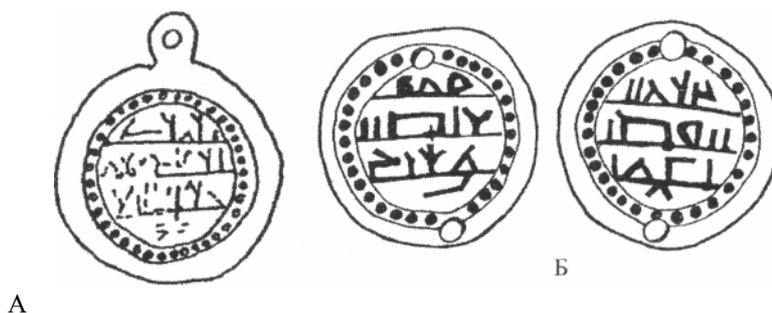
Рис.5

Аланские мусульманские монетовидные амулеты из Карачая
Долина р.Б.Лабы (Мощевая Балка)* Бронза, литые. VIII- IX вв.
(по А. А. Иерусалимской)

В хазарское время в денежное обращение на основе дирхема во втор. пол. УПЫХ вв. была более вовлечена восточная часть Аланши.

Рис.6

Аланские мусульманские монетовидные амулеты из Карачая. VIII- IX вв.
Нижний Архыз. (По А.А.Демакову, О.В.Орфинской)

На это указывает тот факт, что основная масса находок дирхемов сосредоточена на территориях Чечни, Ингушетии и Северной Осетии, входивших в Восточную Аланию. Причем большинство их чеканено после середины VIII в., т.е. после того, как произошел спад в арабо-хазарском военно-политическом противостоянии. В свое время на это обращал внимание наш чеченский археолог Х.М.Мамаев¹⁰¹.

Со стабилизацией ситуации устанавливаются контакты каганата с мусульманскими странами (известен факт выдачи в 760 г. каганом своей дочери замуж за арабского наместника Южного Кавказа). Постепенно восстанавливаются старые караванные пути, связывавшие Северный Кавказ, юг Восточной Европы с Закавказьем, Средним и Ближним Востоком. Совершенно справедливо исследователи связывают приток куфических монет на Центральный Кавказ с аналогичным явлением в Восточной Европе — здесь дирхемы в массовом количестве появляются также со второй половины VIII в.¹⁰²

В восточноаланских памятниках встречаются дирхемы и последующего времени - IX-X вв., что может указывать на непрерывность торговых связей региона с мусульманским Востоком. Мы полностью разделяем мнение В.Б.Виноградова о возможности «применения арабских дирхемов в качестве собственно денег хотя бы у части местного населения на вполне определенном этапе»¹⁰³.

В VIII-IX вв. фиксируется разнообразие и богатство импорта на Северный Кавказ из мусульманского Юга (Передней Азии и Индии), а прекращение его связывается с «концом арабского господства в Закавказье и изменением торговых путей в X в.»¹⁰⁴.

В памятниках Западной Алании (Карачаево-Черкесия, западная часть Кабардино-Балкарии, район Кисловодской котловины) находки куфических монет исключительно редки. Зато именно на этой территории обнаружены местные подражания куфическим дирхемам. Поскольку в политическом, экономическом и социокультурном отношении Западная Алания была значительно развитее Восточной, по-видимому, именно здесь практиковалась чеканка подражаний куфическим дирхемам (Рис. 6).

Судя по всему, обращающихся в Хазарии монет не хватало для обслуживания местного рынка. Как же поступали в таком положении? Очевидно, в средние века немислима практика заказа изготовления своих денег в чужом государстве, как это делалось и делается в новейшей истории. Поэтому каждое правительство того времени выходило из ситуации своими силами и по своему умению. Отсюда и прак-

тика чеканки *подражаний* монетам, причем - общеизвестным, наиболее популярным в международной и внутренней торговле.

Итак, выпуск подражаний был прежде всего обусловлен потребностями местного населения, в том числе купечества, в наличных средствах.

Собственно, факт бытования в хазарскую эпоху товаро-денежных отношений давно и никем, кажется, не подвергается сомнению. Соответственно не может быть оспорен и факт вовлечения в ТДО Хазарии и алано-асских племен (частично населявших территорию каганата, а частично проживавших за его пределами, но вовлеченными в зону экономической доминанты хазар).

Когда В.А.Кузнецов пишет, что в Алании не было «собственной монетной системы» и это свидетельствует «о неразвитости товаро-денежных отношений» у алан¹⁰⁵, то его утверждение можно безоговорочно принять, пожалуй, только в одной части. А именно - в той, где он признает сам факт наличия в Алании ТДО (ведь понятие «неразвитость» отнюдь не означает «отсутствие», не так ли?).

Что же касается первой части его утверждения, то мы ее принять никак не можем. Прежде всего потому, что оцениваем как немалую методологическую ошибку приведение доказательством «неразвитости» ТДО факт отсутствия «собственной монетной системы» у того или иного народа, в том или ином государстве.

В.А.Кузнецов совершенно не берет во внимание то, что понятия «деньги» и «монеты» вовсе не равнозначны.

Во-первых, монетная форма денег - лишь одна из множества исторических их форм. Стоит ли напоминать о примерах использования в качестве денег мехов, раковин, скота и т.д.

Во-вторых, точно также, как нельзя сводить понятие «деньги» к понятию «монеты», нельзя утверждать, что все монеты являются деньгами. Часть монет (как правило, из неценных металлов) играет роль не денег, а их «заместителей», т.н. *денежных знаков*. Поскольку всеобщим эквивалентом исторически утвердились благородные металлы (прежде всего золото), то в ТДО только они стали выступать подлинными деньгами (изначально в форме слитков определенных стандартов, позднее - монет). Монеты из неценных металлов, как и ассигнации (бумажные «деньги»), собственно деньгами не являются.

Таким образом, сам по себе факт отсутствия или наличия «собственной монетной системы» ничего не дает для выяснения вопроса о наличии-отсутствии ТДО, тем более - для выяснения сложнейшего вопроса о степени их развития.

Но сомнительна не только приводимая В.А.Кузнецовым причинно-следственная связь между фактом наличия-отсутствия «собственной монетной системы» и степенью развитости ТДО. Сомнительны и его априорные утверждения об отсутствии в Алании «собственной монетной системы». Они уязвимы в первую очередь тем, что определение «собственный» по отношению к монетной системе указанным автором употребляется некорректно в строго научном плане. Из контекста рассуждений В.А.Кузнецова следует, что под «собственной» алан-ской монетной системой он понимает систему, основанную на монетах собственно аланской чеканки, видимо, монетах аланского «национального» облика, утвержденных самими аланами соотношений денежной единицы и ее фракций, монетной стопы и т.п. Иными словами, по В.А.Кузнецову, «собственной» аланской монетной системой должна являться только та, что технически и юридически связана с экономическим укладом самой Алании, можно сказать, является детищем, продуктом творчества самих алан.

Но все дело в том, что в научной практике определение «собственный» по отношению к монетной системе в вышеуказанном толковании не используется. Здесь же во главу угла ставится вторичный (технический и правовой) признак, а не первичный (функциональный) аспект.

Если монетная (в широком смысле – денежная) система служит экономическим потребностям данного народа, страны, признана и функционирует в них, то для этого народа, для той страны такая система является «собственной». Место происхождения, этническое авторство к вопросу о ТДО не имеют никакого отношения.

Не случайно в отечественной историографии древнерусская монетная система, заимствованная из арабского халифата (она основывалась на серебряном дирхеме), рассматривается как *собственная* по отношению к Древней Руси: «к иноземной монете IX-X вв. можно подходить как к древнерусскому номиналу»¹⁰⁶.

Г.Е.Федоров-Давыдов также отмечает, что денежная система и денежный счет Древней Руси, несмотря на заимствования извне, «были собственными, древнерусскими»¹⁰⁷.

Такой позиции придерживаются и другие крупные отечественные медиевисты. «Бронзовые иноземные монеты, - пишет И.Л.Кызласов, - были основными, может быть единственными, денежными знаками древнехакасского государства». И добавляет: «Чужеземные монеты становились единицей внутреннего обращения средневековых государств как запада, так и востока Евразии. Хорошо известно, например,

что население Руси IX-XI вв. использовало в качестве средства местного обращения серебряные иноземные монеты трех групп: куфические дирхемы, чеканившиеся на мусульманском Востоке; сасанидские драхмы и более поздние монеты «сасанидского типа»; западноевропейские денарии. Эти монеты имели хождение и в других районах Восточной Европы. Напомним также, что бронзовые иноземные монеты, обращавшиеся в раннесредневековом Согде и в Семиречье, послужили образцом для создания первых местных расхожих денег... Следует особо подчеркнуть здесь, что во всех подобных случаях, когда иноземная монета играла роль мировых денег, государства, применявшие ее для нужд внутреннего обращения, оставались политически независимыми от тех стран, где эти монеты производились». Признавая то, что Алания в свое время находилась «в лоне Хазарского каганата»¹⁰⁸, В.А.Кузнецов странным образом упускает из виду давно доказанный факт не только существования ТДО в Хазарии, но и осуществления в каганате собственной денежной эмиссии.

Как же могла Алания, находясь «в лоне Хазарии», оставаться вне процессов товаро-денежного обращения в каганате?

Как Алания могла быть в стороне от обращения каганатских монет, располагаясь на важнейших путях международной торговли, имея на своей территории главные в каганате месторождения драгоценных «монетных» металлов?

Странным выглядит и противоречие утверждений В.А.Кузнецова приводимому им же обширному материалу, косвенно свидетельствующему именно об активном вовлечении алан (в первую очередь их торгового сословия) в ТДО, особенно в постхазарское время, в период наивысшего расцвета Алании. Ведь указанный автор сам признает, что процесс возникновения городов (центров торговли) в Алании в X-XII вв. шел «почти одновременно с Русью, Византией и Западной Европой»¹⁰⁹, т.е. теми странами, в которых имелись и монетные системы, и развитые для того времени ТДО.

В.А.Кузнецов также признает несомненный факт «широких торговых связей Алании вплоть до XIII-XIV вв.» и бесспорный факт существования аланского купечества как «социальной прослойки»¹¹⁰. Но ведь сама логика подсказывает, что, находясь на перекрестках международных магистралей торговых коммуникаций, будучи в окружении стран со сравнительно развитыми ТДО (Хазария, Халифат, Византия) Алания попросту не могла не быть вовлечена в сферу хотя бы международных ТДО.

Но даже не обращаясь к логике, думается, В.А.Кузнецов мог бы воздержаться от неоправданно категорических утверждений и придти к совершенно иным выводам, если бы обратил внимание на бросающийся в глаза факт: *резкое сокращение* монет и монетных индикаций в аланских погребениях совпадает по времени с периодом *наивысшего этапа* социально-экономического развития Алании.

К сожалению В.А.Кузнецов по неизвестным нам причинам проигнорировал высказанное в свое время замечание В.Б.Виноградова, который (на примере восточноаланских монетных находок) писал: «Неплохо бы... задаться вопросом: почему... в местных погребальных памятниках IX-X и вплоть до XIII века резко сокращается число куфических (равно как византийских и иных раннесредневековых) монет-подвесок из драгоценных металлов, которые так привычны в древностях предшествующих столетий? Одной из серьезных причин, на мой взгляд, могло быть то, что попадавшие теперь в наш край монеты все чаще *использовались по своему назначению* (выделено мной, - Р.Х.). Ценность их вышла за рамки «мертвого груза» ожерелий и подвесок. Она стала реальной, олицетворяя перспективную тенденцию развития местных социально-экономических отношений»¹¹¹.

Еще в 1941 г. А.А.Иесеен сделал наблюдение, что на Центральном Предкавказье с IX в. монетные находки «обрываются»¹¹². Скудость материалов и малоизученность памятников аланской культуры не позволили тогда этому исследователю выяснить природу резкого сокращения монетных находок IX го и, в особенности, X-XI вв. Он ограничился лишь предварительным предположением, что данное явление «может быть связано или с изменением обряда погребения или же ослаблением экономических связей Предкавказья с внешним миром»¹¹³.

Накопленный за послевоенный период обширный материал показывает, что оба эти предположения ныне не могут быть приняты.

Во-первых, в X-XI вв. имело место никак не «ослабление экономических связей» предкавказцев с внешним миром, а наоборот - их интенсивное развитие, ибо, как уже отмечалось, это был период наивысшего расцвета Алании.

Во-вторых, на резкое сокращение монет в погребениях в X-XI вв. и, тем более, в IX в., «изменение обряда погребения» влиять никак не могло по той причине, что в IX в. таких изменений вовсе не фиксируется, а после официального принятия христианства верхушкой алан «языческие могильники преобладают над христианскими, причем даже на территории Аланской епархии и ее центра в Нижнем Архы-

зе»¹¹⁴. Это говорит о том, что каких-либо культовых мотивов «изгнания» монет из погребений также не было.

Итак, основной (и, видимо, единственной) причиной указанного явления было более активное, нежели в предшествующее время, вовлечение местного населения в ТДО. Как в международные, так и во внутренние (на это указывают и находки медных монет, т.е. денежных знаков, которые употреблялись исключительно во внутреннем обращении). Основная масса денег, очевидно, уходила на внешний рынок.

В связи с этим хотелось бы привести один пример. Известно, что ТДО в городах Средней Азии существовали еще в доисламский период. В средневековое время они распространялись не только на внешний рынок, но и пронизывали внутренний.

В Халифате, в державе Саманидов выпускалась огромная масса серебряных монет - куфических дирхемов. Но, что интересно, в этих странах их собственная полноценная монета почти не находилась в обращении, а в основном уходила на внешний рынок. «Серебряная монета в Халифате... почти не задерживалась, - отмечает Г.Е.Федоров-Давыдов, - нумизматику Халифата, его серебряный чекан лучше всего изучать не в богатейших музеях Каира или Багдада, а в Ленинграде, Москве, Стокгольме, Упсале, где хранятся монеты из кладов куфических монет, завезенных на север»¹¹⁵.

В кон. VIII-IX вв. из государства Саманидов в Восточную Европу шел непрерывный поток дирхемов-г/слшшщ, битых из высокопробного серебра. А вот на «родине» этих монет, на территории бывшей империи Саманидов, клады таких монет очень редки. Здесь в обращении находились в основном не деньги, а денежные знаки из различных сплавов- монеты т.н. бухархудатского типа¹¹⁶.

Как видим, даже в областях с традиционно развитым денежным обращением и ТДО монеты из драгоценных металлов в основной массе могли уходить на внешний рынок. По всей видимости, та же судьба постигала и монеты-подражания из драгоценных металлов, чеканившихся на территории Хазарии - Алании.

Тот факт, что в аланском Змейском могильнике XII в. полностью отсутствуют монетные находки, В.А.Кузнецов связывает с серебряным кризисом, когда «в начале XI в. ввоз восточных монет в Европу прекратился»¹¹⁷. Но это вовсе не объясняет отсутствие подражаний, которые чеканились из местного серебра, т.е. не зависели от ввозных драгметаллов. Скорее всего, местное монетное серебро (подражания) также уходило на международный, фактически внешний рынок.

Товаро-денежные отношения (ТДО), элементом которых выступает денежное обращение, не могут возникать и развиваться без наличия определенных внутренних и внешних условий. Но прежде, чем рассмотреть их, необходимо определить: какие конкретные **функции** выполняли монеты у местного населения? Это тем более необходимо сделать, что в целом ряде работ, в т.ч. и ведущих специалистов по северокавказской медиевистике, встречаются различные, противоречивые, порой взаимоисключающие, мнения по данному вопросу.

Следует сказать, что относительно функций хазарских монет многие историки неоправданно робеют. Так, одна из наших заслуженных археологов поначалу справедливо исходит из того, что «факт чеканки в молодом формирующемся государстве монет, являющихся подражаниями византийским образцам, может быть косвенным свидетельством довольно тесных политических контактов Хазарии с империей». Но тут же идет оговорка: «Однако, возможно и иное толкование: первые самостоятельные от Тюркского каганата хазарские правители, всемерно отталкиваясь от византийского вмешательства в свои дела, пытались чеканкой аналогичной монеты продемонстрировать императору свое равенство с ним». В результате такого непоследовательного толкования тот же делает вывод о том, что хазарские монеты-подражания «играли роль знаков достоинства хазарских аристократов, а не обменного фонда»¹¹⁸.

Позволим себе данное утверждение оспорить. Общеизвестно, что чекан монет, подражавших иноземным образцам; практиковался не только в Хазарском каганате. Хазары добросовестно повторяли путь тех же арабов, у которых монеты первых десятилетий существования Халифата также представляли собой подражания монетам соседних государств. Начиная со времени правления "праведного халифа" Ума-ра б. аль-Хаттаба (634-644) и до монетной реформы омейядского халифа Абд ал-Малика ибн Марвана (692 г.) на арабские монеты переносились изображения с монет Византии (император, крест на Голгофе) и сасанидского Ирана (шахиншах, *аташдан* - зороастрийский алтарь огня)¹¹⁹.

Не только у хазар, но и в Древней Руси изготавливались подражания куфическим дирхемам. Как отмечают специалисты, «арабская монета настолько прочно вошла в жизнь древнерусских рынков, что вызвала к жизни попытки местного производства, имитирующего ее чеканку... Была даже найдена вырезанная на камне форма для отливки таких монет»¹²⁰. Подражания монетам Саманидов чеканились в Волжской

Булгарии (Г.А.Федоров-Давыдов), а сами Саманиды выпускали монеты, подражавшие монетам эпохи Сасанидов¹²¹. Примеры такого рода можно продолжать, но во всех этих случаях исследователями не отмечено, что подражания чеканились по «психологическим» мотивам или что эти монеты играли исключительно роль «знаков достоинства» аристократов.

Нельзя отказывать нашим предкам в прагматизме и полагать, что драгоценный металл мог тратиться исключительно в пропагандистских целях, тем более - для того, чтобы убедить далекий Константинополь в своем равенстве с императором. Приведенные выше примеры, а также исследования последних десятилетий, убедительно доказавшие факт денежного обращения в Хазарии и чеканки хазарских монет, позволяют нам отвести утверждение о том, что хазарские монеты-подражания выполняли лишь функции «знаков достоинства».

На вопрос о причинах чеканки монет типа подражаний, а не «собственных» типов, ответ достаточно прост: *чеканившиеся в Хазарии монеты предназначались прежде всего для обслуживания внешней торговли в Юго-Восточной Европе, где в VII-X вв. имели хождение монеты именно византийского и восточного (вначале сасанидского, затем куфического) образцов.* Чеканка подражаний монетам общеизвестного типа облегчала запуск в оборот международной торговли собственных денег. Исследователи уже связывали именно с хазарской чеканкой некоторые типы куфических дирхемов из кладов Восточной Европы¹²².

Это указывает на правильный курс хазарских властей по выпуску монет не с национальной, а с международной оболочкой; в данном случае хазарские монеты, подражающие куфическим дирхемам, вошли в международное денежное обращение, по крайней мере, в Восточной Европе, наравне с подлинными куфическими дирхемами.

Внимательный анализ всех доступных нам материалов, касающихся рассматриваемого вопроса, позволяет обозначить четыре функции, которые выполняли монеты у населения региона: *функцию средств обращения и платежей, функцию средств накопления^ сакральную функцию и функцию декоративную* (украшения). Очевидность последней позволяет нам сосредоточить внимание на трёх остальных функциях.

Рассмотрим те **типы арабских монет**, которые выявлены на территории Алании. Для начала уместно напомнить следующее моменты нумизматики Халифата. При омейядском халифе Абд аль-Малике была проведена денежная реформа (690-е гг.), в результате которой поя-

вился совершенно новый тип монет, господствовавший на мусульманском Востоке в течение последующих пяти веков.

Динар являлся золотой монетой и введен был между 692 и 696 гг. при том же халифе-реформаторе Абд аль-Малике. Эта монета получила свое наименование от сасанидских золотых *денаров*, которые в свою очередь своим названием обязаны римскому серебряному *денарию*. За основу веса динаров была взята старая арабская весовая единица — *мединский мискаль* (4,25 г).

Дирхем чеканился из серебра. Свое название эта монета получила от сасанидской *драхмы*, наименование которой происходит от древнегреческой драхмы. Вес дирхемов вначале составлял 3,9 г, но в последующем опустился до 2,97 г.

Фельс (фулюс) выпускался из меди. Его название связывается с византийской медной монетой, именованной *фоллис*. От «фулюс» произошло позднее наименование *пул*, употреблявшееся в отношении медных монет тюркских государств и зависимых от последних стран.

В нумизматике монеты этого типа получили название *куфических*, которое связано с той разновидностью арабского письма, которым выполнялись монетные легенды (надписи). Оно возникло в иракских городах эль-Басра и эль-Куфа, и по наименованию последнего стало называться *куфи*.

В отличие от более поздних видов арабского письма (*насталик*, *не-схи* и др.) куфи характеризуется тремя особенностями:

а/ в нем отсутствуют диакритические точки, которыми позднее стали отличать друг от друга схожие по написанию буквы;

б/ начертание букв на куфи строгое, геометрическое, угловатое, что отличает это письмо от поздней арабской «вязи», т.е. вычурного, плавного и изящно изгибающегося начертания знаков письма;

в/ изображение целого ряда букв на куфи не имеет аналогов во всех последующих разновидностях арабского письма и присуще только куфи.

Ввиду сложности прочтения текстов на куфи, легенды на монетах рассматриваемого типа были стандартными. Они содержали:

- формулу символа веры (*шахада*): «Нет бога, кроме Аллаха, Мухаммад - посланник

Рис.7 а

Омейяды. Дирхем. Пер. пол. VIII в. Серебро. Васит. (по В. Б. Винаградову) 1-й монетный тип.

Аллаха», причем первая часть шахады помещалась, как правило, на одной стороне монеты (в центре поля аверса), вторая - на другой (в центре поля реверса)

- имя правителя (халифа; халифа и местного правителя, причем последнего - с титулами)

- номинал

- наименование места чекана

- дату (год) чекана

- нередко и фрагменты Корана (чаще всего аят 33 суры 9-й; аяты 3,4 суры 30-й).

Куфические монеты были строго *монэпиграфичными*, т.е. содержали только надписи (монетную легенду). Большинство исследователей связывает это с запретом шариата изображать живые существа. Однако, как нам представляется, объяснение это слишком прямолинейно и упрощенно. Мы попытаемся объяснить это несколько ниже.

Как отмечают местные археологи, «сасанидские монеты долгое время после арабского завоевания Ирана продолжали активно обращаться вместе с халифатскими и составляли обязательную примесь в кладах куфических монет Восточной Европы».

В данной связи приводится набор монет из погребения 29 Мартан-Чуйского 1-го могильника (Чечня), где сочетаются сасанидские и арабские монеты¹²³. При этом указывается на необходимость «учитывать, что подавляющее большинство арабских монет, обнаруженных на этой территории, чеканено во второй половине и даже последней трети VIII в., то есть когда основные военные действия здесь фактически завершились».

Обращается внимание на то, что «арабских монет еще нет в катакомбных могильниках Кисловодской котловины, функционировавших в первой половине VIII в.», а также «в верхнечирюртовских некрополях Дагестана, также существовавших в этот период». Из этого Х.М.Мамаев делает предположение: «основной приток куфических монет на территорию Центрального и Северо-Восточного Кавказа начинается во второй половине — последней трети VIII в.», что «вполне согласуется с мнением нумизматов о массовом их проникновении в Восточную Европу в конце VIII в. н.э.»¹²⁴.

Динары зафиксированы пока только в восточной части исторической Алании - в Чечне (близ Грозного), а *дирхемы* - как в Чечне (Мартан-Чу I и II, Дуба-Юрт, Кулары, Майртуп), Ингушетии (Шуан, Верхний Алкун), Северной Осетии (Галиат, Камунта),

Кабардино-Балкари (Гижгид). *Фельсы* были обнаружены в Чечне (Червлёная, Мартан-Чу I), Ингушетии (Бейни, Верхний Алкун).

Приведем описания типов монет, выявленных на территории исторической Алании.

Дирхемы представлены несколькими типами. К *1-му типу* относится дирхем из мониста Мартан-Чу I (погребение №29) /Чечня/.

Аверс: В центре поля трехстрочная легенда:

لا اله الا الله Нет бога, кроме
الله وحده Аллаха единственного. Нет ему
لا شريك له сотоварища т.е. первая,
несколько расширенная часть
шахады. В круговой легенде -

выпускные данные:

بسم الله الرحمن الرحيم ضرب هذا درهم في واسط
«Во имя Аллаха Милостивого, Милосердного бит этот дирхем в Васите»

Реверс: В центре поля четырехстрочный текст аятов 112-й суры Корана:

الله احد الله Аллах един, Аллах
الصمد لم يلد و вечный. Не рождал и Не был рожден. И не
لم يولد و لم يكن был равным Ему ни один. В круговой
له كفوا احد легенде:
محمد رسول الله

«Мухаммад - посланник Аллаха» После чего следует фрагмент Корана (9:33):

«Он тот, Который послал/ Своего посланника с прямым путем и религией истины, чтобы проявить ее выше всякой религии, хотя бы ненавидели это многобожники».

(هو الذى ارسل رسوله بالهدى و دين الحق ليظهره على الدين كله ولو كره المشركون)

Имя халифа и его титул (*амир аль-му'мтин* - «повелитель верующих») отсутствуют, что характерно для раннекуфических /омейядских/ монет.

К данному типу относятся и дирхемы, найденные в погребении №2 этого же могильника, которые чеканены в Васите в 109 и НО гг.х. (727/8 и 728/9 гг.), а также дирхем 701 г. чекана Басры из Галиата и некоторые другие находки.

2-й тип дирхема, найденный в Майртупе, несколько иной, хотя и сохраняет общий облик описанного выше типа. На аверсе в центре

поля такая же трехстрочная надпись /первая часть шахады/. Круговая легенда - в две строки. Во внутренней круговой легенде - выходные данные, во внешней - фрагмент Корана (33:34):

«Аллаху принадлежит власть и раньше, и позже, а в тот день возрадуются верующие помощи от Аллаха. Он дарует помощь тому, кому желает, - Он велик, милосерд!»

لله الامر من قبل و من بعد و يومئذ يفرح المؤمنون ينصر الله من
يشاء وهو العزيز الرحيم

На реверсе в центре поля /сильно испорченном/ в центре - пятистрочная надпись. В круговой легенде - упомянутый фрагмент Корана (9:33).

3-й тип дирхемов несколько отличается от двух вышеописанных типов (он представлен вторым дирхемом из Майртупа). Если по аверсу данный тип аналогичен 1-го типу, то в центре поля реверса надпись четырехстрочная (сильно стерта). Вверху различимо слово «Аллах», ниже, видимо, вторая часть шахады: «Мухаммад /посланник/Аллаха/» (?). Круговая легенда (как и на аверсе) однострочная.

4-й тип, судя по публикации В.Б.Виноградовым куфической монеты Джафаридов 964/5 г. из шуанского склепа, отличается от вышеописанных типов.

Таким образом, куфические (омейядские, аббасидские, джафаридский) дирхемы представлены как минимум четырьмя типами.

Рассмотрим два типа медных (разменных) монет - **фельсов**, выявленных на рассматриваемой территории. Оба - из монисто упомянутого погребения №29 Мартан-Чу 1. Они по аверсу совпадают с аверсом дирхемов описанных выше 1-го и 2-го. Реверсы различаются по количеству (и, видимо, содержанию) строк легенды центра поля: в одном случае легенда трехстрочная, в другом - четырехстрочная.

Типы найденных в рассматриваемом регионе золотых монет, т.е. **динаров**, установить невозможно ввиду их утраты.

В идентификации куфических (и в целом мусульманских) монет решающее значение нередко приобретает *датировка* монеты, умение правильно прочесть дату по мусульманскому летоисчислению и перевести ее на григорианское летоисчисление.

Рис.76
Омейяды. Дирхем. Пер.
пол. VIII в. Серебро.
(по В.Б.Виноградову)
2-й монетный тип

Мусульманский календарь был введен в 638 г. халифом Умаром I. За начальную дату был взят день начала переселения «хиджры» пророка из Мекки в Ясриб (Медину) - пятница 16 июля 622 г. За основу календаря был взят период возврата Луны в небесном пространстве в исходное положение по отношению к Солнцу («синодический *месяц*») и один год такого календаря состоял из 354/5 суток.

Этот календарь получил название календаря «лунной хиджры». Во всех без исключения монетах дата помещалась именно по этому календарю. Для точного перевода дат по нему в даты по в григорианскому календарю используют сложные формулы. Здесь же мы даем наиболее простую формулу, дающую погрешность + 1 год.

$$G = (X - X : 33) + 621$$

где G - год по григорианскому календарю, X - год по хиджре лунной (в дальнейшем «г.х.»).

Например, нужно определить каким годом по григорианскому календарю являлся 110 г.х.:

$$G = (110 - /110:33/) + 621 = (110 - 3) + 621 = 107 + 621 = 727 + 1 \text{ год}$$

Рис. 7В

Дирхем. Серебро.
(по В.Б.Виноградову)
3-й монетный тип

В правление сельджукидского султана Малик-шаха в 1074 г. (467 г.х.) был принят и календарь «солнечной хиджры», год которого составлял 365/6 суток. Календарь вел летоисчисление также с 16 июля 622 г., а начинался каждый год в день весеннего равноденствия (чаще 21, реже - 20, 22 марта). Но вплоть до XIX в. этот календарь в нумизматике мусульманских стран почти не употреблялся.

Глава III

ИСЛАМ НА ШЕЛКОВОМ ПУТИ (IX - НАЧ. XII ВВ.)

§7. АЛАНЫ В «МУСУЛЬМАНСКОЙ ПАРТИИ» ХАЗАР ИИ (IX-XBB.)

Окончание 150-летнего арабо-хазарского противоборства совпало с началом фактического распада Халифата, периферийные регионы которого стали оформляться в самостоятельные государственные образования. Ослабление арабского натиска позволило Хазарии включить в орбиту своего политического влияния основную часть Алании, находившейся «в лоне Хазарского каганата»¹²⁵, южная граница которого одно время проходила «по Кавказскому хребту». По этой естественной причине с рубежа УП-IX в. история ислама у алан неразрывно связана с историей ислама в каганате, поэтому данный период исламизации алан и других народов каганата мы условно называем «хазарским».

Мусульманское влияние на Хазарию тесным образом связано была с экономической (торговой) экспансией южных, более развитых в то время стран. «...Со второй половины VIII в., - отмечает А.П.Новосельцев, - начинает развиваться торговля мусульманских стран с Восточной Европой, а через нее и с Западной». Развитие экономических связей естественным образом «вело к смягчению политических противоречий и сокращению числа военных конфликтов». Поскольку от аббасидского Халифата отпал омейядский эмират на Пиренеях, а Средиземное море не было безопасным для купцов, торговля исламских стран Передней Азии с Европой «должна была идти иными путями». Осложнение хазаро-византийских отношений к концу VIII в. было на руку арабам, для которых Византия оставалась стратегическим противником. «Все это толкало мусульманских купцов на торговлю через хазарские владения, а хазарские власти - на поиски путей для усиления своего контроля над торговыми артериями Восточной Европы». Здесь «такими артериями были реки», поэтому «сами купцы превращались в тех условиях в мореходов». Каганат не был заинтересован «в допуске мусульманских купцов на просторы

Восточной Европы, но сами хазары мореходами не были» и «единственное, что они могли осуществить и что сделали, - продвинуть свое господство (и влияние) как можно дальше в глубь восточноевропейских территорий лесостепной и лесной полос, богатых той самой пушниной, которая пользовалась все большим спросом в мусульманских странах» (А.П.Новосельцев).

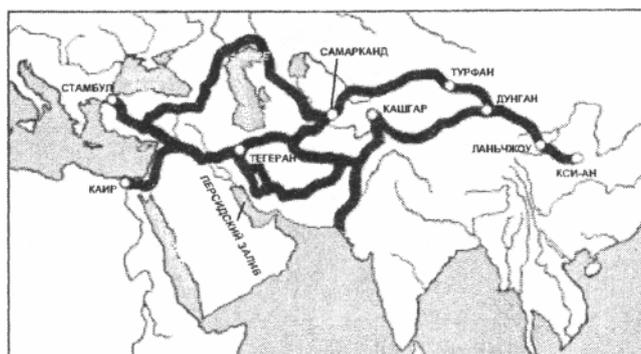

Рис Я Основные ветви Великого Шелкового пути
(Ист.: Жур. «Наука и жизнь», М.у1999. №9, С. 120)

По просторам Черноморско-Каспийского междуморья проходили северные маршруты Великого шелкового пути (ВШП), которые возникли еще в VI в. /Рис.§/ В хазарское время по ним продолжали перемещаться торговые караваны, часть которых шла по территории Алании, Выделяется два основных маршрута северокавказского направления ВШП по аланской территории, один из которых - «Дорога мисимиан», вел примерно по таким точкам: низовья Волги (центр Хазарии) - Калмыцкие степи - оз.Маньч ~ ~ долина р.Калаус - Кисловодская котловина. Отсюда одна ветвь маршрута шла на юго-восток, к Дарьяльскому (Аланскому) проходу и далее в южнокавказские владения Халифата. Другая ветвь из Кисловодской котловины вела на юго-запад; перевал Гумбаши - Марийское ущелье - - долина Теберды - Клухорский перевал - «земля мисимиан» - долина Цебельда /ущелье р.Кодора/ - Севастополис /Сухум/. Второй маршрут - *Даринский*, как считается, проходил западнее предыдущего, и вел к тому же порту Севастополис через группу перевалов у истоков р.Большой Лабы (Санчаро, Адзапш и др.)¹²⁷.

Исследователями отмечается, что на протяжении всего своего, почти 1000-летнего существования «Великий Шелковый Путь был предметом соперничества ряда держав за контроль над этой международной и такой доходной для любого государства магистралью»¹²⁸.

Контакты и многолетние связи с культурными выходцами из наиболее передовых, цивилизованных стран тогдашней ойкумены позволяли жителями каганата знакомиться с исламом и приобщаться к нему. Конечно, мусульманство находило отклик не только у торгового сословия, но и среди других прослоек населения Хазарской империи (включая и алан), в т.ч. и «среди ее полукочевой полуфеодальной знати, жизненному укладу которой оно больше соответствует, чем христианство и иудаизм»¹²⁹,

Хотя в начале 800-х гг. хазарские цари (не путать с хазарскими каганами-тенгрианцами) приняли иудейскую веру¹³⁰, им не удалось «сделать иудейство государственной религией хазар» по разным причинам, в том числе - и из-за сильного противодействия «мусульман, занимавших к тому же важные экономические и политические посты в стране» (т.е. части элиты). Так сложилась *мусульманская партия* правящего класса империи, поддерживавшаяся авторитетом одной из наиболее мощных империй того времени Арабского халифата¹³¹.

Не исключено, что первые попытки исламизации населения Хазарии предпринимались еще в IX в. С этим можно соотнести отрывочный рассказ Мукаддаси, который сообщает, что халиф Мамун (813-833) совершил поход на хазар из Джурджании (Ургенча), завладел ими, обратил их в ислам¹³².

«Благоприятным фактором для укрепления ислама в каганате, - пишет С.Ф. Фаизов, - стало переселение в его города большой общины хорезмийцев из Средней Азии. В столице империи ими были возведены мечети и медресе». Исследователь приводит сообщение аль-Масуди о том, что минарет столичной соборной мечети высотой превосходил находившийся поблизости дворец кагана. «По договору хорезмийцев с правителем хазаров влиятельнейший пост командующего мусульманской армией империи был навсегда закреплен за представителями общины "арсия", как называли выходцев из Хорезма»¹³³.

Мусульманином являлся первый министр (араб, *вазир*) каганата, т.е. глава хазарского правительства. Именно об этом пишет Аль-Масуди, когда сообщает, что в числе выдвинутых хазарскому царю (и принятых им) условий со стороны его мусульманских гвардейцев-арсиев, было то, «чтобы за ними сохранялась должность царского вазира (*ейзарат аль-малик*)». При аль-Масуди этот пост занимал мусульманин *Ахмад б. Куйа*¹³⁴ (или *Ахмад б. Кувейх*). Таким образом, в Хазарии сложилась уникальная форма правления, когда страной управляли каган-тенгрианец, царь - иудей, первый министр - мусульманин.

«Царь их - иудей, - сообщает Истахри, - говорят, что свита его составляет приблизительно четыре тысячи мужей. Хазары - мусульмане, христиане и идолопоклонники; наименьший раздел их - иудеи, а наибольший - мусульмане и христиане, только вот царь и приближенные его - иудеи».

Видимо, не без усилий мусульманской партии к халифу был направлен хазарин-мусульманин Абдуллах сын Башту, выступивший послом от волжско-булгарского царя (май 921 г.). Результатом посольства, как известно, стало принятие волжско-камскими булгарами ислама в качестве *государственной* религии (16 мая 922 г.)¹³⁵.

В персидской географии «Худуд ал-Алам» (982 г.) приводится «Рассказ о стране буртасов (Вийаз)», о которой сообщается, что её «народ - мусульмане»¹³⁶. Видимо, на этой основе «народом, первым избравшим ислам своей религией» на волжском Правобережье еще не позднее IX века часть авторов считает буртасов, страну которых хазары называли «Асия». Она располагалась между Хазарией и Волжской Булгарией и на нее распространялась власть хазарского кагана¹³⁷. По всей видимости, речь идет об одном из племенных объединений асского этнического массива бассейна Волги. Так, лингвист проф. И. Г. Добродомов полагает, что буртасы - лесостепные асы¹³⁸ и связывает с ними соответствующую топонимику. В частности название реки Оскол он объясняет так: «Наиболее удовлетворительной представляется этимология этого названия на основе этнического названия аланов (ясов) *ас* и тюркского названия реки, долины *кол*: «ас» + «тя» со значением «река алан, ясов»¹³⁹ ...

Так создавалась «Исламская дуга», протянувшаяся с севера (Волжская Болгария, «Асия») на юго-восток (Хорезм) и далее на юго-запад (княжества северного Ирана, Азербайджана, Дагестана), ставшая геополитическим буфером между Европой и Азией. При благополучном стечении обстоятельств в этой «дуге» могла занять место и Хазария, где ислам наращивал свои позиции гораздо сильнее и динамичнее других «авраамических религий». Он уверенно проникал и в среду каганского рода. По словам Истахри, у хазар каганом может быть избран любой человек, принадлежащий к определенному роду, если даже у него нет никакого положения и достояния. Так, «на базаре в Итиле был юноша, торговавший хлебом; этот юноша по смерти правившего кагана сам чуть не стал каганом, так как никого не было более достойного. Помешало ему лишь одно: юноша был мусульманином» (Б.Н.Заходер).

По данным Ибн Фадлана (922 г.), в Хазарии «главным над мусульманами» в его пору являлся «муж из числа приближенных отроков хакана», который носит титул хаз. «Он сам мусульманин и судебная власть над мусульманами страны хазар и временно пребывающими там по торговым делам отдана этому отроку-мусульманину..., все дела рассматривает и совершает суд над ними только он один»¹⁴⁰.

Аль-Масуди указывает на то, что судебную власть над мусульманами Хазарии осуществляют судьи. Он же (да и не только он) сообщает, что в Итиле имелось семь судей (по 2 для мусульман, христиан, иудеев и 1 - для язычников), которые судили единоверцев согласно установкам своей религии¹⁴¹ (*аль-Масуди, Ибн Хаукаль и др.*). Напомним, что судебную власть по шариату осуществляет *кадий* и очевидно, что о двух кадиях хазарских мусульман и идет речь в упомянутых сведениях историков той поры.

Тот же источник отмечает и любопытный момент: «Когда же случается великая тяжба, о которой они (судьи) понятия не имеют, то они собираются к мусульманским судьям, доносят им об этом и покоряются решению, необходимому по закону ислама». Видимо, речь идет о медиаторской роли мусульманских судей.

Мусульмане проживали в обеих частях города Итиль, который располагался по двум берегам р.Волги. В западной, административной части хазарской столицы дислоцировалась мусульманская гвардия хазарского царя, а в восточной, торговой (называлась *Хазаран*) - купцы, священнослужители, учителя. В Хазаране (большинство - мусульмане) действовала не только соборная мечеть с минаретом, превышающим царский дворец, но и порядка 30 квартальных мечетей¹⁴².

Источники указывают на наличие мусульманских общин не только в поволжских областях Хазарии, но и в её северокавказских районах: о большом числе мусульман-купцов в Семендере (*Ибн Хаукаль*), о мусульманах и мечетях города Семендера, о жителях области Сарир, которые по пятницам ходят молиться в мечеть¹⁴³.

Со стороны хазарского правительства антимульманских эксцессов практически не происходило, если не считать эпизода 922/3 г. (310 г.х.). Тогда, в ответ на разрушение синагоги где-то в местности Дар аль-Бабунадж, предположительно в Иране, иудейский царь Хазарии приказал разрушить минарет в г.Итиле, казнил муэдзинов и заявил: «Если бы я не боялся, что в странах ислама не останется ни одной неразрушенной синагоги, я обязательно разрушил бы и мечеть»¹⁴⁴. Но это был из ряда вон выходящий случай и, судя по источникам, не имел рецидивов. Да и иметь вряд ли мог, ибо неизбежно навлек бы

опасный для царя гнев собственной могущественной мусульманской гвардии.

Мусульманская партия каганата опиралась на правоверных алано-асских воинов, из которых состояла основная масса **мусульманской гвардии** хазарского царя. Как пишет аль-Масуди (ум.957), в каганате «преобладают мусульмане», из коих «состоит царское войско (*джунд аль-малик*)», разумея не численное, а военное, силовое преобладание. Эти правоверные воины царского войска, были известны под названием *арсии* (*al-Arsiyah*), которые «происходят из окрестностей Хорезма, откуда прибыли вскоре после возникновения ислама, бежав от голода и чумы, которая опустошила их страну». Летописец сообщает, что из числа арсиев около 7000 «являются конными лучниками царя.., едут с царем... вооруженные луками», в латах, шлемах и кольчугах; кроме того «среди них есть также копейщики, вооруженные, как обычно у мусульман»¹⁴⁵.

Если считать одних 7 тыс. арсиев-

кавалеристов с семьями (как минимум, по 3-4 чел. в каждой), то получится порядка 25-30 тыс. мусульман из числа жителей хазарской столицы, относившихся к воинскому сословию. А ведь здесь жили, как говорилось, и мусульмане из числа торгового и ремесленного категорий населения, что в целом делает числа приверженцев ислама в Итиле довольно значительным.

Как пишет аль-Масуди, «могущественные и храбрые» арсии выступали «опорой царя хазар», поэтому они, «присоединившись к его державе»,

могли предъявить требования об условиях мусульманский воин-хорезмиец (Рис. 3.Доде)

своей военной службы: «чтобы им было позволено свободно исповедовать свою веру, иметь мечети и призыв к молитве», а также «предоставлено право воздерживаться от войны, если царь хазар будет воевать с другими мусульманами, и они были согласны выступать только против неверных (*аль-куффар*)»¹⁴⁶.

Но аланы-мусульмане царской гвардии были в основном не с Северного Кавказа, а из Закаспия, где еще в первых веках н.э. китайцы фиксируют страну алан¹⁴⁷.

Великий ученый исламского мира *аль-Бируни* в своей книге «Описание границ мест для определения расстояния между ними» (1025 г.) упоминает о среднеазиатских алано-асах. Он пишет, что «племя аланов и асов» (*джине ал-Лан еа-ль-Ас*) проживало в нижнем течении р.Амударьи между Хорезмом и Гурганом (Дурджанийа), а затем из-за изменений в расположении русла реки переселилось вместе с печенегами (*баджнак*) на побережье *бахр аль-Хазар* - Хазарского /Каспийского/ моря¹⁴⁸.

Как пишет проф.А.Алемань, хорезмийское происхождение арсиев Хазарии согласуется с сообщением аль-Бируни о миграции печенегов и закаспийских аланов на запад¹⁴⁹.

Добавим, что арсии занимали в Дербенте отдельную мечеть, а врата Дербента, ориентированные в сторону аланов-асов, назывались Баб Арси¹⁵⁰.

Таким образом, арсии это среднеазиатские алано-асы, *асии (asiani)* - один из тех народов, под ударами которых около 130 г. до н.э. рухнуло Греко-Бактрийское царство¹⁵¹.

Их под именем "усунь" знают, как полагают, и китайские источники той поры. Например, о государстве /*зо*/ у су ней дает сведения отчет дипломата Чжан Цзяня (окл 38-126 гг. до н.э.), который сообщает и о государстве *Яньцай*, располагавшимся к северо-западу от Согдии, «вблизи Великого озера» - одного из морей, Аральского или Каспийского.

Полтора века спустя, в 25-55 гг. царство Яныдай, как указывают *Анналы Старшей династии Хоу*, приняло название *Аланъяо*. О государстве *Алань*, оно же Яньцай, расположенном близ Великого озера, сообщает и «История /царства/ Вэй» Юй Хуаня ок. 225-239 гг.¹⁵²

Таким образом, часть алано-асов ушла на Запад (в Европу и на Северный Кавказ), а другая оставалась на Востоке, примерно на территории совр. Туркмении, где и в I-III в.н.э. имела собственное государство, носящее их этническое наименование (кит. "Алань"). Общеизвестным считается их участие в этногенезе туркмен, коих по проис-

хождению (не языку) М.И.Артамонов прямо относит к числу «восточных арийцев» ~ долихоцефалов¹⁵³.

Напомним, что собственно аланы антропологически относились именно к долихокранному («длинноголовому») типу¹⁵⁴. Средневековый автор X в. Аль-Мукаддаси указывает на долихокранность хорезмийцев¹⁵⁵.

Итак, именно из этих закаспийских алан-асов и состояло население того региона, откуда часть их - под именем арсиев - переселилась на военную службу к царю Хазарии. Добавим, что в основе названий туркменских племен *язгыр* (огузские племена у М.Кашгари), *ясыр* специалисты обоснованно видят аланский этноним *ас* (*яс, аз, ус, уз*)¹⁵⁶.

Еще в довоенное время исследователь А.Бахтияров (1930 г.) обращал внимание на аланский компонент у туркмен. В данной связи он упоминает группы «олам» в составе племени Салыр (ветвь «караман») в Серахском районе, «улам» в Ходжамбасском районе, которые «живут обособленно., сохраняя чистоту крови, не смешиваясь с другими». Среди тех, кто проживал в Ходжамбасском районе сохранялись следующие роды: *Алан* (колена: Мириш-Кар, Датха, Еолук, Аул и Аякчак); *Кара-Музул* (не делился на колена); *Каким* (колена: Хаким, Витли, Токуз и Эшек); *Кызыл* (колена: Кер, Хоррам, Аошик и Бельке). Отмечалось, что большинство названий колен имеет недавнее происхождение (в частности, колена Аяк-Чак раньше, до прихода в Ходжамбасский район, называлось - Эвляд-Нур-Али). Эти группы в Ходжамбасский район пришли, как передавали старики, «с полуострова Мангишлак, где у них имелось большое укрепление под названием Алан», продолжительное время они жили в местности «Вас», на юге Хорезмского ханства, а в

Ходжамбассе впервые «появились в числе 72 хозяйств лет 250 тому назад». Постепенно перемещались сюда из Хивы и остальные, на протяжении почти ста лет. «Окончательно они переселились в бухарские владения лет 150 тому назад»¹⁵⁷.

Племя Олам Ургенчли упоминается в «Родословной туркмен» хивинского хан Абулгази

Рис. 10: Алан-Кала в Приаралье
(по С.П. Толстое)

(XVII в.).

Пребывание алан в районе Мангышлака «подтверждается тайным аланским погребением у оз. Батырь»¹⁵⁸, материалы которого были опубликованы в 1961 г. К.М. Скалой, сделавшей вывод, что район «Мангышлака и прилегающие местности во II-III вв. н. э. по всем данным служили областью кочевания аланских племен»¹⁵⁹. В Хорезме имелась построенная местными аланами крепость *Алан-кала*¹⁶⁰, а в юго-восточной части Хорезмского оазиса по старым картам давно выявлены аланские топонимы: на правом берегу р. Амударья - урочище *Кырк-Алан* (тюрк. «Сорок алан»), на левом — канал *Алан-яб*¹⁶¹. В местности Уаз (Вас) на юге Хорезмской области находится русло древнего канала *Ходжа-мияр-алан*, в его низовьях - развалины с тем же названием, а также - руины остатки крепости *Мириш-кала*¹⁶² (этот топоним справедливо сравнивается с упомянутым выше названием рода *Мириш-кар* в племени олам¹⁶³). Предполагается, что туркменские аланы жили в урочище Уаз в ХУ1-ХУП вв.¹⁶⁴ О туркменском племени олам отмечали и другие авторы¹⁶⁵.

Признано, что «туркменские женские украшения, особенно украшения текинцев, иомутов и сарыков, имеют больше своеобразия, нежели сходства в сравнении с ювелирными изделиями соседних народов», но находят аналогии среди украшений алан Северного Кавказа из могильников VI-VIII вв.¹⁶⁶. Добавим, что из народов Средней Азии папахи носят только туркмены и каракалпаки, что позволяет провести еще одни параллели с Северным Кавказом.

Как видим, данные о туркменских аланах сохранились до этнографической современности.

В том, что термины "арсии" и "асии" имеют небольшое фонетическое различие нет ничего странного, так как выпадение фонемы "р" - явление известное в ирано-тюркском мире (например, одинаково употреблялись и поныне употребляются лексемы *арслан* и *аслан* в значении "лев").

Гвардейцы-арсии строго стояли на защите интересов мусульманской общины Хазарии, заставляя правителей каганата прислушиваться к своему мнению. Например, когда русы, ограбив в 913 г. суннитские районы каспийского побережья (владения Саджидов в Баку и Ширван), прибыли транзитом в Итиль, мусульманская гвардия потребовала от хазарского царя Вениамина отомстить русам за кровь мусульман и захват женщин и детей. Получив разрешение, в 3-дневной битве гвардейцы истребили 30 тыс. русов, остатки которых бежали, но были добыты булгарами и бургасами (*аль-Масуди*)¹⁶⁷.

К концу IX в. правительство Халифата стало терять контроль над своими кавказскими провинциями. Хашим б. Сурака, эмир Дербента с 869 г., достиг фактической независимости от Багдада, а основанная им династия - Хашимида - управляла Дербентом два столетия, до 1075 г.¹⁶⁸ Вскоре стали полностью независимыми восточные соседи Алании - княжества Гумик, Серир и др.

В принципе является прочно установленным то, что еще до монгольского нашествия, т.е. в период своей политической независимости, «часть алан подвергалась исламизации»¹⁶⁹.

Дагестан (прежде всего округ Дербента) давал импульс к исламизации окружающих народов, в числе которых мы можем назвать и алан. Летопись аль-Масуди (X в.) упоминает о мусульманах из числа аланского купечества. Этот географ и историк, прозванный «арабским Геродотом», пишет, что «к западу от страны хазаров и аланов находятся четыре тюркских народа, каждый с собственным царем, которые живут в мире с царем хазаров (*малик аль-хазар*) и правителем аланов (*сахиб ал-Лан*)». Далее он сообщает, что во время осады какого-то византийского города, предположительно, крепости на Черном море, «эти четыре царя созвали мусульманских купцов, прибывающих из страны хазаров, Дербента и Алании, которые перед сражением пытались обратить византийское войско в ислам»¹⁷⁰.

Кстати, ислам в ту пору бытовал и в «языческих дагестанских» феодальных образованиях. Например, по данным того же аль-Масуди, в X в. мусульманская община функционировала в княжестве Гумик¹⁷¹, с которым, кстати аланы поддерживали дружественные отношения. Позднее это княжество - под наименованием Казикумухского /Тарковского/ шамхальства - станет не только полностью мусульманским, но и важнейшим центром распространения ислам на Северном Кавказе.

Другой сильный поток импульс исламизации алан шел с хазарских городов Поволжья с их сильными мусульманскими колониями. В ту пору население Алании было не только многонациональным, но и поликонфессиональным. Здесь исповедовали не только все три «авраамистские религии» (иудаизм, христианство, ислам), но, в еще большей мере, языческие верования в виде культа предков, духов (анимизм), тех или иных предметов (фетишизм), животных (анимализм, тотемизм) и т.п.

Вопреки устоявшемуся мнению, Хазария не была уничтожена в 960-е гг. в результате походов Святослава, опиравшегося на тюрков-гузов, торков, печенегов¹⁷².

При поддержке мусульманских владетелей, жизнь в Итиле возродилась. Туда вернулось большинство его жителей, так как могущественный ширваншах Мухаммед б. Ахмад ал-Азди (правил в 371-381 г.х. = 981-991 гг.) «оказал им помощь мужами и людьми». Как пишет об этом далее современник тех событий Ибн Хаукаль, в ответ население Итиля должно было признать власть ширваншаха.

Согласно аль-Мукаддаси (980 гг.), жители Итиля вернулись, но они - «больше не иудеи, а мусульмане» (*Мукаддаси*). Как гласит этот летописец, утверждение ислама в этой части Хазарии стало результатом похода хорезмского эмира ал-Ма'муна, который «совершил на них поход из ал-Джурджании, овладел (Хазарией) и обратил ее в ислам».

О причинах появления хорезмского эмира на Волге пишет Ибн Мискавейх: «И стало известно, что турки напали на страну хазар и те обратились за помощью к людям Хорезма, но те отказались помочь, говоря: вы иудеи и, если хотите, чтобы мы вам помогли, примите ислам. И стали они мусульманами, исключая их царя».

Эти данные подтверждаются и летописью Ибн аль-Асира, который также пишет, что «племя из турок напало на страну хазар, и хазары обратились к людям Хорезма». Хорезмийцы согласились помочь только при условии принятия хазарами ислама, «Те приняли ислам, исключая их царя, и тогда помогли им люди Хорезма и заставили тюрков отступить от них, а после этого и их царь принял ислам»¹⁷³.

Под турками/тюрками исследователи разумеют огузские племена (А.П.Новосельцев).

Другой источник. ад-Димашки сообщает, что огузы («войско из Хорасана»), захватили «города их, страну их», т.е. хазар, которые «стали подданными» огузов. После этого хазары «попросили помощи от людей Хорезма, а те ответили: "Вы - неверные, примите ислам, и мы поможем вам". Лишь после того, как «те приняли ислам, за исключением царя их, и помогли им хорезмийцы, и отступили от них тюрки. После этого принял ислам и царь их»¹⁷⁴.

На основе приведенных летописных сообщений исследователями предполагается, что населению поздней Хазарии вначале оказывал помощь исламский Ширван, а затем исламский Хорезм.

Смену государственной религии в поздней Хазарии признают и современные специалисты по истории средневековья Юга России. После разгрома русами центров каганата, пишет А.П.Новосельцев, «ха-

зарам ничего другого не оставалось, как просить о поддержке тех самых мусульман, с которыми Хазария боролась буквально столетия». На ответное предложение оставить иудаизм и принять ислам, «поставленное в безвыходное положение окружение царя вынуждено было согласиться, хотя сам царь, кажется, сначала отказался, но... уже после похода Ма'муна также принял ислам». Как видим, последняя страница истории Хазарии - мусульманская.

§2. «СЕЛЬДЖУКИДСКИЙ ИМПУЛЬС» (XI-НАЧ. XIII ВВ.)

Нами отмечено, что к концу X века усилилось влияние мусульманского Восточного Кавказа (Ширвана) на прилегающие с севера территории. Ширваншахи укреплялись не только в Дагестане (заявление Дербента в 988 г.), но и оказались способными воздействовать на события даже в Нижнем Поволжье (помощь жителям Итиля). Естественно усиление исламского влияния на Северном Кавказе встречало активное противодействие византийской дипломатии. Последняя, по старой привычке «загреть жар чужими руками», опиралась на единоверных правителей из Грузии и Руси, а также северокавказских фигурантов (Алания, Сарир и др.).

Северокавказцы, как ранее и хазары, использовались Константинополем для отвлечения натиска мусульманских соседей на Византию. Поэтому аланы нередко вовлекались в агрессивные акции против мусульманских областей Кавказа. Тот же Ширван в 1032 г. (423 г.х.) подвергся нападению аланов и сарирцев (по другим данным - русов), которыми временно была захвачена ширванская столица г. Язидийа (предположительно совр. г. Шемаха¹⁷⁵), где за 10 дней грабежа было убито более 10 тыс. чел. жителей. Нагрузившись добычей, участники разбойного набега возвращались обратно, но по дороге были наголову разгромлены войском дагестанских мусульман, которым командовал дербентский эмир Мансур б. Маймун б. Ахмад. Аланский государь тогда спасся от гибели и в следующем году (424 г.х.) попытался было отомстить дербентцам, но был вторично разбит. После этого «притязания неверных на эти исламские области были прекращены»¹⁷⁶.

Когда атаки византийских сателлитов на Восточный Кавказ были отбиты, вектор набегов направился на Южный Кавказ, а именно - на Арран (Кавказская Албания). По призыву грузинского царя, в 1062 г. (454 г.х.) аланы прошли через Аланские ворота (*Баб ал-Лан*), и совершили рейд во владения Абу'ль-Асвара - из династии Шадцадидов союзника сельджукидского султана Алп-Арслана. Они «убили... много людей», угнав в плен свыше 20 тыс. чел.

В 1064 (456 г.х.) аланы «захватили много исламских земель», видимо, во владениях тех же Шаддадидов.

В октябре 1065 г. (457 г.х.), пройдя через Дарьял, большой отряд аланов (в союзе с грузинами) еще раз вторгся во владения Шаддадидов. Пользуясь тем, что Абу'ль-Асвар распустил свои отряды и, не встречая сопротивления, нападающие - убивая жителей и грабя равнины и горную местность - дошли до шаддадидской столицы г.Гянджи, г.Бардаа и др. При этом «они взяли огромное число пленников.., как мусульман, так и их (армян-христиан) союзников».

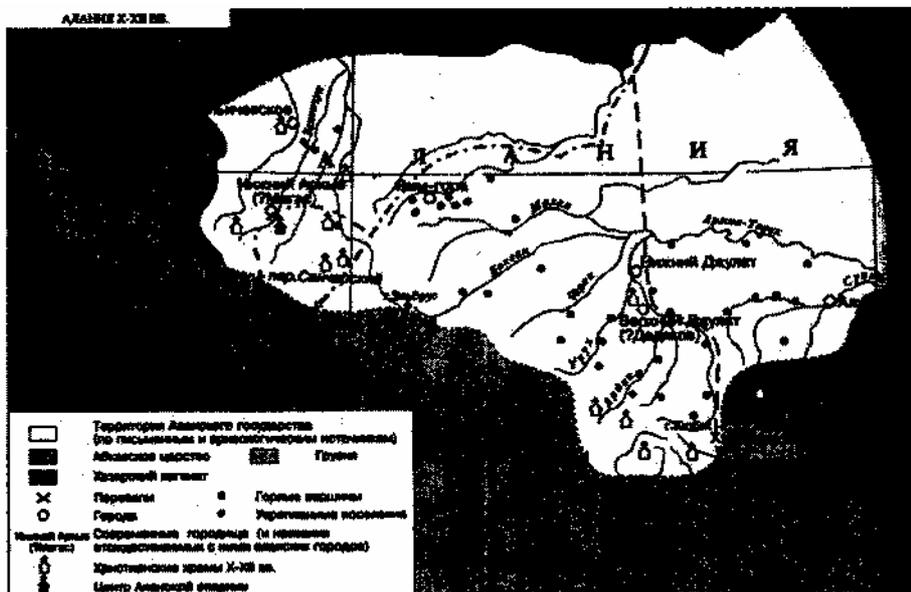

Рис.11. Алания в пору расцвета (ист.: Исторический атлас Осетии. Владикавказ, 2002)

Все эти агрессивные рейды вызвали ответную военную кампанию могущественных Сельджукидов против зачинщика агрессии - грузинского царя Баграта IV (1067 г.)¹⁷⁷.

Одновременно укрепились позиции сельджуков на Восточном Кавказе, где они заняли Дербент с округой (1067 г.), превратившийся «в военно-политический аванпост Сельджукской империи на Кавказе» .

В этой империи сложилась передовая для своего времени, блестящая культура, которая является предметом тысяч научных работ, к которым мы и отсылаем наших особо любознательных читателей. Здесь же мы хотели бы подчеркнуть, что культура державы Сельджукидов оказывала благотворное влияние и на сопредельные регионы* С., сельджукидского юга на Северный Кавказ шли веяния мусульманской культуры, касающиеся различных сфер - от ремесленного производ-

ства до письменности. Это касается и населения Алании, которая давно но была связана с разными дагестанскими княжествами.

С последней трети XI в. активизировалась деятельность мусульманских проповедников на Северном Кавказе, в дальнейшей исламизации которого «значительную роль сыграли тюрки-сельджуки»¹⁷⁹. Ссылаясь на разнообразные источники, этнограф Н.Г. Волкова пишет, что ислам в Центральном Предкавказье, видимо, был известен еще в XI в.¹⁸⁰, т.е. именно тогда, когда возник «сельджукский фактор».

Важный для нас источник домонгольского времени - персидская рукопись «Чудеса мира» (*Аджаиб ад-дунья*) датируемый кон. XII - нач. XIII вв., прямо гласит, что «Аланийя - город между Абхазом и степями кипчаков, в нем много мусульман»¹⁸¹. Очевидно, здесь речь идет не о «городе», а о стране алан, действительно располагавшейся в регионе, указанном летописью.

Упоминавшаяся вовлеченность аланских правителей в те или иные конфликты с мусульманскими государствами не препятствовала существованию в Алании мусульманской общины (то же самое было, как мы знаем, и в Хазарии). Связи алан с более развитым - и, стало быть, привлекательным - исламским Востоком неизменно возобновлялись. Даже родичи аланских царей — православные Багратиды не только вступали в союз, но и роднились с мусульманскими владельцами. Так, зятем (мужем дочери) грузинского царя Дмитрия был дербентский эмир Абу-ль-Музаффар (XII в.)¹⁸², дочь царицы Русудан - Тамар стала женой сельджукского султана Рукнаддина.

В том же XII в. аланские владельцы вступали в союзы, где участвовали и мусульманские фигуранты. Так поступил, например, аланский царь Росмик (видимо, искаж. от *Урусмек/Урусбек*, ср. имена нартов: *осет. Урузмаг*, кар.-балк. *Oruzmek*) носивший византийский титул *эксусиократор Алании*. В «Алексиаде» Анны Комниной освещается сражение между войсками норманнов вторгшихся в 1107-1108 гг. в Византию, и армией провизантийской коалиции. В последнюю входили войска византийского *стратига* Кантакузина. отряды печенегов, аланские отряды во главе с Росмиком и мусульманские отряды тюрков-сельджуков¹⁸³.

В данной связи обращают на себя внимание нумизматические находки XII века из султанатов сирийских и иракских Сельджукидов, найденные на Центральном Кавказе, в т.ч. медные монеты атабека Нусрат ад-Дина Джахан-Пахлавана из дома Ильдегизидов и атабека Санджар-шаха ибн Гази из дома Зенгидов.

Связи алан с сельджукидскими государями, судя по всему, продолжались и в последующее столетие. Не случайно в коалиционном войске, которое сельджукидские «султаны Рума, Сирии, Армении и всего этого края» собрали против хорезмшаха Джалаладдина в 1227/8 г. (625 г.х.), участвовали и аланы - наряду с кавказцами (грузинами, сванами, чанами), абхазами, кипчаками, дагестанцами (из Сарира, Лакза) - фигурируют (*Джувейни*)¹⁸⁴.

Сохранялись материальные свидетельства связей алан с исламским миром в сельджукидское время. Почти сто лет назад, еще в царское время у станицы Змейская на территории Северной Осетии был выявлен аланский катакомбный могильник. Его исследование археологи продолжили в 1950-е гг. В одном из здешних захоронений, а конкретно - в катакомбе №14) была найдена шелковая ткань с вышитой на ней арабской куфической надписью. По палеографическим признакам она была датирована востоковедами В.А.Крачковской и Л.Т.Гюзальяном самым началом XII в.¹⁸⁵ Кроме того, в катакомбе №23 найдена цветная сирийская ваза из стекла¹⁸⁶.

Добавим, что в Змейском выявлен аланский мусульманский могильник XIII-XIV вв.¹⁸⁷

Исламские проповедники с сельджукидского юга проникали и к степным племенам, обитавшим на Северном Кавказе и в соседних с ним регионах. Здесь после каганата обитали многие народы огузы (печенеги, «черные клобуки», берендеи русских летописей, гузы), половцы (кипчаки, куманы), алано-асские племена. Практически у всех этих народов исламизация имела место до монголов.

После распада каганата жившие на его территории алано-асы из числа мусульман расселились в единой Волжской Болгарии (на севере) и единоплеменном Аланском царстве (на юге). Согласно Абу Хамид аль-Гарнати (XII в.), в стране башкир /Bashgird/ существовало две группы мусульман — «потомки народов Запада» ("awlad al Maghariba") и «потомки Хорезмийцев» ("awlad al-Khwarazmiyyin")¹⁸⁸. Под последними очевидно разумели вчерашних арсиев, т.е. мусульман алан-асов, мигрировавших из Хорезма и некогда составлявших опору хазарских царей.

С алано-асскими племенами ислам достиг и Венгрии, куда откочевала часть куманского и асского населения. Как сообщал венгерский ученый Ерней, после победы Святослава над булгарами в 969 году из Булгара в Венгрию переселились «мусульмане, их называли ясами»¹⁸⁹. Иными словами, речь идет о миграции на запад асов-мусульман.

Согласно венгерской летописи "Anonymi gesta Hungarorum", составленной в 1196-1203 гг., в правление князя Та&зопу (955-972) в Венгрию прибыла группа «измаильтян» (Ishmaelites), т.е. мусульман, из {егга Вилар (Булгария) под руководством полуполюгендарных царей Billa u Vocsu¹⁹⁰.

Абу Хамид аль-Гарнати проживал в Венгрии в 1150-1153 гг. и проповедовал ислам среди тамошних кочевников (в их числе были асы), которые «в значительной части» были исламизированы и «составляли важнейшую ударную силу в руках венгерских королей». По утверждению этого путешественника, у венгерских тюрок «больше 10 000 мест, где в пятницу произносят хутбу явно и тайно»¹⁹¹.

В XI веке мы видим исламских проповедников и у печенегов. После 400-го года хиджры (ок. 1009 г.), пишет ал-Бакри, «случился у них пленный из мусульман, ученый богослов, который и объяснил ислам некоторым из них, вследствие чего те и приняли его. И намерения их были искренни, и стала распространяться между ними пропаганда ислама». Часть печенегов отвергли ислам и «дело кончилось войной» между двумя печенежскими группировками. «Бог же дал победу мусульманам, - сообщает летописец, - хотя их было только 12 000, а неверных вдвое больше». Оставшаяся в живых часть побежденных приняла ислам. «И все они теперь мусульмане и у них есть ученые и законоведы, и чтецы Корана», гласит летопись¹⁹², хотя, конечно, это не касается всего обширного массива печенежских племен.

Добавим, что имело место соприкосновение печенегов с алаано-асским населением, о чем свидетельствует наличие «печенежского следа» в карачаево-балкарской и осетинской культуре (нартский антропоним «Бадзанаг» у осетин, топоним «Бызынгы» у балкарцев и др. связываются именно с печенегами).

В домонгольское время известно ислам проник и к другим соседям алаано-асских племен - куманов (половцев)¹⁹³ причем истоки исламизации шли с Южного Кавказа¹⁹⁴. Свидетельством тому выступают каменные и кирпичные усыпальницы (кезене), которые у половцев в XIII веке фиксирует Гильом Рубрук. Куманы, пишет он, «строят также для богачей пирамиды, то есть остроконечные домики и кое-где ... большие башни из кирпичей, кое-где каменные дома, хотя камней там не находится»¹⁹⁵. Как видим, уже тогда обращается внимание на то, что такие постройки не соответствовали исконной архитектурной традиции этого кочевого народа, который не знал каменного зодчества. Справедливо полагать, что навыки ремесла каменщиков были привнесены оттуда, где усыпальницы такого рода строились уже не первый век.

Можно привести и описание г.Саксина у аль-Гарнати (XII в.): «На огромной реке в стране хазар находится город Саксин, в котором живут хазары и гузы... И есть в нем соборные мечети, в которых совершают пятничное моление хазары... А в середине города живет эмир жителей Булгара, у которых тоже есть большая соборная мечеть, в которой совершается пятничное моление, и вокруг нее живут болгары. И есть еще другая соборная мечеть, в которой молится народность, которую называют «жители Сувара», она тоже многочисленна»¹⁹⁶.

Мусульмане-«сарацины» (Saracens) в дунайской Болгарии упоминаются папой римским Николаем в 866 г.¹⁹⁷ По-видимому, эта группа болгар появились на Балканах с востока, со стороны Великой Степи и, в особенности, Поволжья, которые были ареалом распространения исламской культуры. Иного вряд ли могло быть, поскольку в дунайскую Болгарию ислам не мог попасть ни с Юга (Византия), ни тем более - с Запада, где также утверждалось христианство. У волжско-камских болгар, ислам, как уже отмечалось, являлся государственной религией.

Племена бывшего каганата и после его падения продолжали поддерживать связи с мусульманским Востоком. Тот же аль-Гарнати, бывший на Восточном Кавказе и около 20 лет живший на территории исторической Хазарии, в городе Саксин (предположительно, бывший г.Итиль), пишет, что три раза плывал с Нижнего Поволжья в Хорезм¹⁹⁸.

После первого похода монголов и их ухода с Северного Кавказа (нач. 1220-х гг.) связи Алании с Южным Кавказом, включая мусульманские регионы, судя по всему, восстановились. На это косвенно указывают находки на Северном Кавказе:

- монет хорезмшаха Джалаледдина, грузинских монет чекана царицы Русудан (Дербент, Кубань, Азов, Ингушетия, Северная Осетия);

- фрагментов поливной керамики и деталей архитектурного декора, считающихся артефактами "северовостоchno-азербайджанского" происхождения (Майртуп, Курчалой, Верхний Джулат), аналогии которым из Азербайджана датируются XII- XIII вв.

Все это вместе позволяет современным исследователям говорить «о возрождении торгово-экономических (и иных) взаимоотношений с Закавказьем, продолжавшихся вплоть до второго нашествия Чингизидов» в конце 1230-х гг.¹⁹⁹

Как видим, в XI- нач. XIII! в. на территории Центрального Кавказа функционировали мусульманские общины, шли процессы освоения достижений культуры соседних исламских народов и стран...

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

АЛАНИЯ-ЧАСТЬ МУСУЛЬМАНСКОЙ ИМПЕРИИ (ЗОЛОТООРДЫНСКИЙ ПЕРИОД ИСЛАМИЗАЦИИ. XIII-XIV вв.)

Глава 4

АЛАНЫ В ПОЛИТИЧЕСКОЙ ИСТОРИИ ЗОЛОТОЙ ОРДЫ

4.1. ГОСУДАРСТВЕННАЯ РЕЛИГИЯ

В ходе монгольских походов 1221-1223 гг. аланские этнополитические образования на Северном Кавказе были разгромлены, но их присоединение к империи Чингизидов началось лишь в 1238 г., со «вторым пришествием» монголов. К тому моменту аланы были раздроблены на уделы. Известно красноречивое описание ситуации, которое дает Юлиан (1235 г.) о раздробленной Алании; где «сколько местечек, столько и князей, из которых никто не считает себя подчиненным другому. Здесь постоянная война князя с князем, местечка с местечком».

Поступательное, методичное продвижение завоевателей привело к вхождению аланских территорий в состав державы Чингизидов в 1240-50-е гг. Правда, в нагорной части региона действовали непокорные группы алан, что фиксируют современники, в т.ч. Плано Карпини (1246 г.), Гильом Рубрук (1253-1254 гг.). Автор Симеоновской летописи сообщает о захвате в 1278 г. города «Дедеякова», жители которого, видимо, восстали против захватчиков.

Но весьма дальновидная политика Чингизидов, проявлявших готовность к мирным формам присоединения, веротерпимость, имперскую толерантность к фактору многонациональности со временем дала свои плоды. Алано-асские племена не только признали свое вхождение в чингизидскую империю, но и стали важной силой в механизме её функционирования (около 30 тыс. асских воинов к сер.XIV в, находилось на службе чингизидской династии Юань).

После выделения из империи её западной части - Золотой Орды (улуса Джучидов) в торговом сословии последней влиятельную часть составило алано-асское купечество, а в золотоордынской армии одну из наиболее боеспособных компонентов являли собой алано-асские отряды. Кстати, последнее обстоятельство и обусловило поход на Северный Кавказ войск Тимура в 1395-1396 гг., уничтожившего верные золотоордынским ханам удельные княжества алано-асов. Этот поход, в общем-то, и завершил историю собственно алан, место коих заняли их потомки - карачаево-балкарцы и осетины.

В рассматриваемое время исламизация затронула преимущественно равнинную и предгорную часть Алании, которая ранее и прочнее высокогорий интегрировалась в политико-правовое и культурное пространство Золотой Орды.

Четвертая (после арабского, хазарского и сельджукского этапов) волна распространения ислама на территории Центрального Кавказа, судя по всему, затронула местное население еще до того, как мусульманство стало государственной религией Золотой Орды. На это указывают и современные специалисты по кавказскому средневековью, профессионально весьма осторожные в освещении данного вопроса. В этой связи можно отметить, например, работу осетинского медиевиста Р.Ф.Фидарова, который, опираясь на анализ археологических материалов, прямо указывает на возможность принятия ислама частью алан бассейна Терека *с сер. XIII в.*²⁰⁰

Другой осетинский исследователь, доктор исторических наук Р.С.Бзаров, также пишет, что «во второй половине XIII века ислам стал религией части городского населения Алании», так как «об этом надежно свидетельствуют археологические материалы»²⁰¹.

Распространение мусульманства в Золотой Орде, включая и Аланию, было связано с именем первого государем, исповедовавшим ислам - хана **Берке**, занявшего престол в 1256/7 г. уже мусульманином» Предания гласили, что он «в момент рождения, сколько ни хотели дать ему молоко..., не брал молоко своей матери, пока одна из женщин-мусульманок не дала ему молоко и не вскормила». Отсюда, как пишет автор «Родословия тюрков» (*Шаджарат аль-атрак*)²⁰² полагали, что «Берке-хан родился от матери (уже) мусульманином»²⁰².

Будущий хан, судя по летописям, изначально «был расположен к мусульманам», «уважал ученых и почитал благочестивых, которым у него (оказывался) почет». Сообщается о том, что у него побывало однажды «множество людей из Хиджаза» (т.е. той области, где распо-

ложена Мекка), коих он принял благосклонно и коим оказал «чрезвычайный почет»²⁰³.

По свидетельству восточных летописей, Берке-хан придерживался ханифитского мазхаба, «пригласил к себе ученых из всех краев да шейхов со всех сторон и концов, чтобы они научили людей уставам религии», щедро одаривал их, «оказывал покровительство науке и ученым»²⁰⁴.

Судя по источникам, имам и муэдзин имелись у каждой жены хана, у каждого из его эмиров. «Для детей же, - пишет далее летописец, - у них есть училища, в которых они читают Коран»²⁰⁵.

Летописи сообщают о передвижных (походных) мечетях мусульман Золотой Орды: «мечети свои, состоящие из шатров, они возят с собою», имеются «у них имамы и муэдзины, и совершаются у них (все) 5 молитв (мусульманских)»²⁰⁶. Как пишет анЧНувейри, жена Берке - Джиджек (Чичек), сделавшись мусульманкой, «устроила себе мечеть из шатров, которую возила с собой». Кроме того, по приказу хана в стране строились мечети и школы²⁰⁷, внедряются мусульманские обряды и такие исламские нормы как уплата ежегодной подати верующего (*зекят*), обязанности участия в джихаде и др.²⁰⁸

Исповедовали ислам и некоторые из ближайших преемников Берке-хана, других представителей дома Джучидов, включая Туда-Менгу-хана, который «привязался к шейхам и факирам» (суфиям), и сын Токта-хана²⁰⁹. Сам Тохта (1291-1312), по некоторым данным был мусульманином (аль-Муфаддаль)²¹⁰, а по другим (ад-Дахаби) - лишь «особенно уважал мусульманство»²¹¹.

Об исламе в Алании во втор. пол. XIII в. свидетельствуют письменные источники золотоордынского времени. Так, Аль-Казвини /+1283/ в своем географическом словаре «Памятники стран и анналы их обитателей» (*Атар аль-билад уа-ль-ахбар аль-'ибад*) повторяет сведения о неприступной крепости аланов (*кап 'ат ал-Лан*) на земле аланов (*ард ал-Лан*), расположенной наверху горы, именуемой «Аланские ворота» (*Баб ал-Лан*). Он пишет, что аланы «не повиновались одному царю, но каждое племя имело своего собственного вождя», причем среди них были не только христиане, но и мусульмане²¹². В целом сведения аль-Казвини характеризуют картину кон. XIII - нач. XIV вв., когда Алания состояла из соперничающих между собой феодальных уделов.

Государственной религией Золотой Орды мусульманство сделал преемник и племянник Токты - **Узбек-хан** (1312-1342). Первые годы правления он «проводил жизнь со всем своим илем и улусом в странах северного (арка) Дешт-и-Кипчака, так как (ему) нравились (вода и

воздух) тех стран и обилие охоты (дичи)». Приобщение хана к исламу связывают с именем суфийским авторитетов (см. ниже)²¹³.

На основе исследований погребальных памятников Алании той поры, В.М.Батчаев пишет, что в рассматриваемое время ислам приняла «значительная часть населения в... предгорно-плоскостных районах Алании», о чем свидетельствуют многочисленные археологические данные. «Большинство известных на сегодняшний день грунтовых захоронений XIV столетия из Нижнего Джулата, Татартупа, Хамидие, Кызбуруна Третьего и др. совершены *по строго мусульманскому обряду* (курсив наш, - Р.Х., МБ.)». Более того, «продолжает возрастать число не введенных пока в научный оборот синхронных захоронений омусульманившейся знати в кирпичных мавзолеях».

Как отмечает далее тот же исследователь, «о масштабах исламизации плоскостной Алании можно судить хотя бы по тому обстоятельству, что целенаправленные поиски данной категории древностей пока еще не производились», а уже известные многочисленные памятники, «за единичными исключениями, представляют собой лишь побочный, т.е. непредвиденный результат полевых археологических исследований»²¹⁴.

Касаясь Золотой Орды и её «городов Черкесских, Русских и Ясских», современник Узбек-хана - летописец аль-Омари (ум. 1348/9), пишет, что «в настоящее время между ними уже распространен ислам и засиял над странами их свет правоверия»²¹⁵.

Именно при Узбек-хане империя достигла пика своего могущества и подъема «как в экономическом, так и в культурном отношении». Торговый путь «был оборудован ямами (ямскими дворами) с гостиницами, конной подставой, волами и верблюдами», а торговцы «из Индии, Средней Азии, Китая, Генуи и Венеции, посещали как столицу, так и другие города Золотой Орды». Тогда же «послы разных государств Запада и Востока толпились в ставке Узбек-хана», у которого «шла оживлённая дипломатическая переписка с египетскими мамлюкскими султанами и государями Запада»²¹⁶.

Ибн Араб-Шах (1388-1450) пишет, что выезжающие караваны из Хорезма «едут себе на телегах спокойно, без страха, без опаски, вдоль до (самого) Крыма, а переход этот (требует) около 3 месяцев». Эти «караваны не возили с собою ни продовольствия, ни корму для лошадей и не брали с собою проводника вследствие многочисленности (тамошних) народов, да обилия безопасности, еды и питья у живущих там людей». А с распадом империи, «в тех местностях, от Хорезма до

Крыма, никто из тех народов и людей не движется и не живет, и нет там другого общества, кроме газелей и верблюдов»²¹⁷.

Как отмечают исследователи, в период расцвета Золотой Орды происходят бурные процессы этнического смешения, «усиленные воздействующим влиянием исламизации», что приводит «к значительному увеличению удельного веса не просто мусульман-горожан, но и новых социальных прослоек и групп населения, сложившихся в ходе исламизации». Указывая на сообщения источников на городских "начальников", "эмиров", "муфтиев", "суфиев", "шейхов", "кадиев" и т.д., Е.И.Нарожный выдвигает тезис «о возможном доминировании к этому времени, представителей новой социальной элиты» Золотой Орды, а именно - мусульманской. «Усиление роли ислама в государственной жизни, - пишет он, - активное расширение мусульманской элиты, особенно на местах, вероятно, приводило и к увеличению роли мусульманского права и судопроизводства... Преобладающая роль ислама, вероятно, должна была означать полное вытеснение или же - утрату опоры на "Великую Ясу"», т.е. чингизидское /монгольское/ право²¹⁸.

Археологические данные золотоордынского времени пока говорят «об отсутствии каких бы то ни было признаков проникновения ислама в высокогорную зону Центрального Кавказа»²¹⁹. Некоторые археологи еще более категоричны, считая, что «до XV века ислама в горах не было»²²⁰. Видимо, этот вопрос требует отдельного рассмотрения и со временем можно будет внести коррективы в данный тезис. Общеизвестно, что в высокогорье все мировые религии проникали с запозданием по сравнению с равнинной частью регионов...

Расселению алан в городах, возникновению и развитию аланского купечества способствовала безопасность сухопутных коммуникаций Золотой Орды во время её расцвета. Это обуславливало и то, что возникали поселения и предгорно-равнинной части Алании. Рассмотрим археологические и письменные данные относительно функционирования **исламских общин алан**, преимущественно в городских поселениях золотоордынского времени.

У южной окраины города *Усть-Джегута* (Карачаево-Черкесия), расположенного в зоне Мелового хребта, существовало аланское городище с мусульманским населением, на что указывают находки золотоордынского времени, когда, по мнению археологов (Т.М.Минаева, Е.П.Алексеева), «здесь было мусульманское кладбище»²²¹.

На территории Северной Осетии, между левым берегом р.Терека и Кабардинским хребтом, напротив с.Эльхотово располагается аланское городище **Верхний Джулат (Татартун)**. Здесь, у "Эльхотовских ворот"¹¹ - стратегически важном пункте на выходе из Дарьяльского ущелья к Владикавказской равнине, находился один из ордынских центров со смешанным (коренным и пришлым) населением. В городище выявлены остатки архитектурно-культурных строений как христианских, так и мусульманских - датируемых не ранее XIV в.²²²

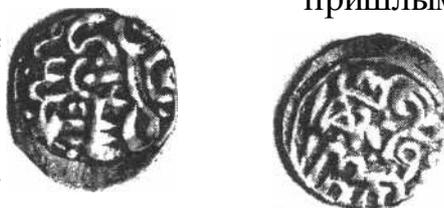

Рис.12 Находки в Карачаево-Черкесии. Джучиды. Токта-хан. Дирхем. Серебро. Сарай аль-Махруса. 715 г.х. (1315-6 г.). Из фондов КЧМЗ

Наше внимание здесь привлекают погребения мусульманского типа аланского катакомбного могильника, а также «отдельное мусульманское кладбище начала XIV века»²²³.

При раскопках на этом городище экспедицией О.В. Милорадович (1959 г.) был найден джучидский анонимный пул с тамгой, ориентировочно датируемый 1370 гг.²²⁴

Можно добавить, что Верхний Джулат давно отождествляется с аланским городом «Дедеяков» (вариант «Титяков»), который упомянут под 1277-1278 гг. в русской *Симеоновской* летописи. Последняя сообщает, что русские «князи мнози с бояры и слугами поехали на войну с царем Менгутемером, и поможе бог князем русским, взяша славный град Яський Дедеяков зиме месяца февраля в 8, на память святого пророка Захарии, и полон и корысть велику взяша, а супротивных без числа оружием избиша, а град их огнем пожгоша».

Никоновская летопись локализует этот город «за рекою за Теркою, под великими горами под Яскими и Черкасскими, у града Титякова, на реце Сивинце, близ Врат Железных...».

Под рекой «Сивинц» разумеют р.Сунжу (известен в источниках как *Сунж*), а под «Вратами Железными» - Дарьяльский проход.

Турецкий путешественник Эвлия Челеби (XVII в.) сообщает о Татартупе, где «видны остатки древних зданий... На дверях сохранились надписи и даты... Когда смотришь на этот город с высоты, то видишь 800 старых зданий».

В 1829 году у Татартупа побывал Александр Пушкин, оставивший следующий строки описания памятника аланского исламского зодчества:

"Легкий, одинокий минарет свидетельствует о бытии исчезнувшего селения. Он стройно возвышается между грудями камней, на берегу

иссохшего потока. Внутренняя лестница еще не обрушилась. Я взобрался по ней на площадку, с которой уже не раздается голос муллы. Там нашел я несколько неизвестных имен, нацарапанных на кирпичах славолюбивыми путешественниками" (*"Путешествии в Арзрум"*).

Великий поэт увековечил эту местность и в своей неоконченной поэме «Газит», где читаем такие строки:

*В нежданной встрече сын Гасуба,
Рукой завистника убит
Вблизи развалин Татартуба.*

Царский наместник на Кавказе фельдмаршал князь М.С.Воронцов стремился сохранить архитектурный объект ("иметь наблюдение за сохранением этого памятника старины", как говорится в его приказе командиру Владикавказского казачьего полка). Он повелел отремонтировать минарет, установить железную дверь у входа и обнести железной решеткой второй ярус минарета. Однако позднее решетки были похищены, а «ремонтровка обрушилась» (В.А.Кузнецов).

Другое аланское городище *Нижний Джулат* находится в Кабардино-Балкарии у п.Майского. Оно имело «внешний вал, скрытый в 30-40-е годы XIII века и восстановленный во второй половине XIV века»²²⁵. Здесь также выявлены памятники мусульманской культуры, которые несколько подробнее освещены будут ниже.

В связи с топонимом «Джулат» напомним, что он встречается в Кумыкии (у с.Доргели имеется гора *Джулат-Тау*, у подножья которой до революции существовал хутор *Джулат-Махи*)²²⁶.

В Нижне-Джулатском городище археологической экспедицией И.М.Чеченова (1967 г.) были обнаружены золотоордынские монеты 1380-1390 гг., битые в Сарае, Сарае аль-Джедиде, Крыму²²⁷.

К равнинной части Алании в период её могущества относилось верхнее и среднее течение р.Кумы, где еще в золотоордынское время возник город *Маджар*. Он располагался у впадения в р.Куму её притока р.Буйволы (тюрк. *Бибала*), где ныне находится г.Буденновск Ставропольского края. Население его было смешанным, включая в себя алан, половцев (куман, кипчаков) и др. Современные историки считают его «крупнейшим населённым пунктом на Северном Кавказе в золотоордынское время», имевшим право чеканить свою монету. В списке таких 26-ти городов Золотой Орды, упомянуты *Маджар* и *Маджар Джедид* «Новый Маджар»²²⁸. Рашид-ад-Дин в своем труде

«Продолжение сборника летописей» упоминает город в форме *Сарай Маджар*²²⁹.

Арабский географ XIV века Абу-ль-Фида упоминает «*Ку-Маджар*, в Татарской земле называемый *Борка*, который находится почти в середине между *Железными Воротами* и *Азаком*» /Азов/. (Ср.: «Борка» и «Боргон/Бургон Маджар»).

Другой арабский путешественник, Ибн-Баттута (1333 г.) в своей книге «Подарок созерцающим о диковинах городов и чудесах странствий» сообщает о своём посещении этой местности: «Поехал я в город Маджар, город большой, (один) из лучших городов тюркских, на большой реке, с садами и обильными плодами... В Маджаре мы совершили соборную молитву...»²³⁰.

Об этом городе упоминает русская летопись, которая сообщая об убийстве в Орде князя Михаила Тверского (1319 г.), гласит, что послано было «тело блаженного в Маджжъ чары /Маджар/ с своими бояры» для отпевания в тамошней христианской церкви²³¹. Последнее обстоятельство указывает на то, что хан-мусульманин Узбек вел традиционную для Чингизидов Орды политику веротерпимости.

Алано-асские колонии из числа мусульман имелись и за пределами Алании и всего Кавказа, в том числе - и в столичных городах Орды. Ценное свидетельство об этом мы находим у Ибн Баттуты, который, посетив *Новый Сарай* (Сарай Берке), отмечает большую протяженность столичного города. «В нем, - сообщает книга, - тринадцать мечетей для соборной службы; одна из них шафийская. Кроме того, еще чрезвычайно много [других] мечетей». Фиксируются здесь факихи не только ханифитского, но и шафиитского, и маликитского мазхабов.

Далее Ибн Баттута пишет, что в столице живут «разные народы, как - то: Монголы это [настоящие] жители страны и владыки ее; некоторые из них мусульмане; *Асы, которые мусульмане*, Кыпчаки, Черкесы, Русские и Византийцы, которые христиане». Указывается на этнические кварталы столицы: «каждый народ живет в своем участке отдельно; там и базары их». Относительно купцов и иных чужеземцев из Ирака, Египта, Сирии и других мест говорится, что они «живут в [особом] участке, где стена окружает имущество купцов»²³².

Данное сообщение находит отклик у современного испанского (каталонского) алановеда проф. А.Алеманя, который заключает что «аланы, похоже, единственный полностью мусульманский народ» в г.Сарае. А потому, «принимая во внимание, что хан Узбек был одним из самых главных защитников и распространителей исламской веры в

Орде», данный факт может «указывать на близость к власти (или даже выдающееся положение) аланов»²³³.

Некоторая часть алан, безусловно, проживала и в Приазовье, давнем регионе обитания алано-асских племен. Следует полагать, что среди приазовских алан также были мусульмане. Кстати, Руины мечети времен Золотой Орды были недавно найдены археологами и в центре г. Азова (золотоордынский город Азак, где в XIV веке проживало около 30 тыс. чел.). Здание мечети, отмечает старший научный сотрудник Андрей Масловский, «было возведено, как и многие мечети Средней Азии того времени, из дешевого дерева, а потому, увы, недолговечно». Археологи раскопали фундаментные траншеи, где были установлены колоннады; установлено, что длина стороны с запада на восток составляет порядка 30 метров. Это самое старое мусульманское сооружение на территории Ростовской области²³⁴.

Одна из первых золотоордынских мечетей на юге современной России была выявлена осенью 2009 г. на месте городища «Ангелинский ерик» у станицы Ивановской (Краснодарский край). Оно отождествляется с городом Шакрак (площадью в 250-270 га), численность которого составляла 10-15 тыс. человек. Он располагался на пути из Тамани в Азов. Здание мечети «было украшено ярко синей многогранной мозаикой, которую прежде находили только в Западном Иране». Внешняя стена мечети - толщиной больше метра, а внутри строения - база колонн главного зала. «Снаружи располагались колонны внешней галереи, вдоль стен — навес, под которым можно было прятаться от дождя и солнца». Как отмечает археолог Игорь Волков, в этом городе фиксируется «кирпичная архитектура, особая планировка, которая была у мусульманских городов, дымоходы, к примеру, находились под лежанкой. На каждый блок домов создавался общественный водоем. Оттуда жители брали воду». Здесь, а также близ станицы Полтавской были выявлены остатки двух золотоордынских мавзолеев²³⁵.

Аланы-асы в ту пору жили не только в Приазовье, но и еще дальше - в Крыму, о чем свидетельствуют письменные источники золотоордынского времени²³⁶.

Общины алан-мусульман имелись и за пределами Золотой Орды, в т.ч. числе - и на Ближнем Востоке. Их возникновению там способствовала работоторговля, процветавшая в средние века. Из детей и юношей, приобретаемых на невольничьих рынках Средиземноморья, взращивались будущие султанские гвардейцы - *мамлюки*, из которых

наиболее способные достигали высоких командных и начальствующих постов, становились заместителями областей, а затем и правителями стран. Именно от мамлюков монголы понесли своё первое поражение (разгром в битве при Айн Джалуте в 1260 г.), остановившее их натиск на страны ислама в западном направлении.

С 1250 г. объединённым султанатом Египта и Сирии правили государи, вышедшие из мамлюкской среды. Они со временем установили военно-политический союз с Золотой Ордой, откуда, кстати, поступали и невольники из числа разных народов, включая и кавказцев. Эйлани правильно говорит об источнике пополнения мамлюков Арабского Востока: увезённые в плен монголами дети разных народов («тюркские народы и племена кипчакские, алланские, асские, авлакские, черкесские и русские») отвозились для продажи «в земли сирийские и египетские». Как пишет далее летописец, «от них-то /и произошли/ мамлюки» разных подразделений - Адилья, Камилья, Ашрафия, Муаззамия, Насирия, Азизия, «оставившие прекрасные следы в государствах мусульманских»²³⁷.

Например, в 1317 г. на одном лишь посольском корабле, который прибыл в Г.Александрию от Узбек-хана «из Дешт-Кыпчакских степей», находилось 500 рабов, из коих 300 - мужского пола»²³⁸.

А несколько ранее, в итоге разгрома мятежного Ногай войсками Токта-хана (в 1299 г.), было пленено «множество и несметное скопище» женщин и детей, которые из Орды «были проданы в разные места и увезены в (чужие) страны». В их числе - Египет, где «султан и эмиры накупили множество людей». Кстати, эти пленники приняли ислам, «старательно и с любовью творили молитвы», а мужчины из них впоследствии «острием меча защищали религию пророка»²³⁹. Иными словами пленники становились мамлюками.

Не случайно Аль-Омари сообщает, что большая часть войска египетского состоит из невольников из *Дешт-и-Кыпчака*²⁴⁰ как тогда обозначали не просто Великую степь, а именно Золотую Орду.

В числе мамлюков, несомненно, были и представители алано-асских племен. Как пишет В.Г.Тизенгаузен, в мамлюкском Египте служило «немалое число разных эмиров и должностных лиц», имена которых указывали на их происхождение, в т.ч. «Ас» (الاص), «Маджарец» (الماجرى), «Сараец» (السراى) др., которые были родом из разных регионов Золотой Орды²⁴¹.

Напомним, что в мамлюкском султанате царствовали мамлюкские династии из двух групп - «Бахри» (условно - кипчакская) и «Бурджи» (условно - «черкесская»). Вначале правили султаны-бахриты (1250-

1382), а затем их сменили султаны-бурджиты (1382-1517). Агусти Алемань справедливо отмечает, что аланы были в обоих мамлюкских подразделениях, но главным образом - в числе бахритов²⁴².

Согласно египетским хроникам, аланский мамлюк Сайфадин Бахадур управлял провинцией Сафад в Сирии и был эмиром в Дамаске (ум. 19 сафара 730 г.х. = 12.12.1329 г.). Семь других мамлюков XIV в. носили тот же самый титул и то же тюркское имя, и возможно, что «один или многие из них также были аланами». Источники упоминают и о трех мамлюках по имени Сайфадин Аллан, двое из них - в Сирии. Али Ибн Асакир (ум. в 571 г. х. / 1176) в своей «Истории города Дамаск» упоминает о функционировавшей здесь мечети народа алан²⁴³.

Разумеется, все аланские мамлюки были мусульманами.

4.2. АЛАНСКАЯ ОБЩИНА МУСУЛЬМАН В ГОДЫ «ВЕЛИКОЙ ЗАМЯТИИ»

Мусульмане-аланы (асы) не только жили и торговали в золотоордынских городах, но и несли государственную, в первую очередь - военную службу. Египетский историк Ибн Фадлаллах аль-Омари (ум. 1348/9 г.) сообщает, что в правление Узбека у государя Золотой Орды есть «рати черкесов, русских и ясов», жителей «городов благоустроенных, людных, да гор лесистых... Они (Черкесы, Русские и Ясы) не в силах сопротивляться султану и потому /обходятся/ с ним как подданные его, хотя у них есть /свои/ цари»²⁴⁴. Последние это, видимо, удельные князья, имевшие определенную автономию.

Справедливым будет полагать, что хан-мусульманин Узбек стремился к тому, чтобы его силовая опора также была исламской. В первую очередь это касалось командного состава рати, в нашем случае - аланской (асской).

Тридцатилетнее правление Узбек-хана стало пиком могущества мусульманской Золотой Орды, ее политического и культурного расцвета. Как и все империи, она должна была неизбежно распасться и этот процесс не заставил себя ждать после ухода великого правителя. Он умер весной 1342 г. (шавваль 742 г.х.), оставив трех сыновей²⁴⁵. Старший из них, *Тинибек* правил около года, но в 1343 г. (743 г.х.) был убит восставшим против него средним сыном Узбека - *Джанибеком* /, который и утвердился на троне. Но его тринадцатилетнее правление, отмечают исследователи, «является периодом постепенного упадка былого могущества Золотой Орды»²⁴⁶.

Обозначившийся закат империи совпал с ударами различного рода бедствий. Именно в правление Джанибека I была занесена (видимо, из Китая) чума, которая через территорию Орды распространилась далее на запад, в Европу, и на юг, в Переднюю Азию. О чуме в Золотой Орде, включая и Северный Кавказ, сообщает под 1346 г. русская летопись, которая гласит, что был «мор силен на Бесермены и на Татарове и на Ормены и на Обезы и на Жиды и на фрязы и на Черкасы и на всех томо живущих». Не находилось тех, кто мог хоронить жертвы («не бе кому их погребати») ²⁴⁷. Примечательно упоминание кавказских территорий - «Черкасы», «Обезы» (Абхазия).

Зайнадин Умар ибн аль-Варди пишет, что в 747 г. (весна 1346/7 г.) «приключилась в землях Узбековых чума, /от которой/ обезлюдели деревни и города». Затем «чума перешла в Крым» (где погибло 85 тыс. чел.), потом - «в Рум» (Византию), а в раджабе 749 г. (осень 1348 г.) - и в Сирию ²⁴⁸ и далее - по исламскому миру. В одном Египте, как сообщает сирийский летописец Бадрадин Махмуд б. Ахмад Элайни (1361-1451), «Великий мор» унес за два месяца до 900 тыс. чел. Больших эпидемий странах ислама, пишет Элайни, «насчитывается пять; это шестая, и не было в нем /в исламе/ чумы сильнее этой, потому, что она охватила и мусульман неверных во всех странах, особенно в землях франков, и обезлюдил большую часть стран» ²⁴⁹.

В 1357 г. Джанибек I был убит заговорщиками, во главе которых стоял его сын *Бердибек* ²⁵⁰. Методы политического террора не уберегли хана от посягательств на его власть, которой он - вместе с жизнью - лишился в ходе нового дворцового переворота в 1359 г.

С этого времени начинается полоса смут, которую русские летописи именуют «великой замятней». На протяжении 20-ти лет золотоордынский престол занимали более 25-та ханов ²⁵¹.

После убийства Бердибека полгода правил хан *Кульна* (предположительно сын Иренбека, сына Узбека), которому подчинялись и северокавказские территории, включая и земли Алании. Об этом свидетельствует чеканка в 1359 г. монет с его именем не только в Новом Сарае, Гюлистане, Хорезме, Бельджимене, но и в г. Азаке ²⁵².

Борьба за власть над Ордой в целом и над ее кавказскими территориями была ожесточенной. В том же 1359 г. воцаряется новый хан - *Науруз*, чьи монеты также чеканились на Северном Кавказе (г. Азак) ²⁵³.

В 1361 г. власть переходит к *Хизиру* из закаспийских Джучидов, но и он был вскоре убит собственным сыном *Тимур-Ходжа*. Того через месяц с небольшим тоже физически устраняют и к власти в Ор-

де, опять же, ненадолго приходит его кузен *Орда-Шейх*. Последний, судя по его монете, выпущенной в Азаке в 1361 г., контролировал и Северный Кавказ²⁵⁴.

В том же году в Азаке чеканит свои монеты *Кшъдибек* (внук Узбека)²⁵⁵, который контролировал и Маджар²⁵⁶, но и его власть оказалась кратковременной.

Вскоре на политическую сцену выступает зять покойного хана Бердибека - эмир *Мамай*, личность довольно мощная и неординарная. Ему довелось играть важную, зачастую - ключевую роль в тех событиях, которые происходили в Юго-Восточной Европе и на Северном Кавказе на протяжении двух десятилетий.

Поначалу, видимо, он намеревался всерьез захватить трон Чингизидов. На это указывает то, что в 1361 г. этот деятель чеканит в Азаке свою монету с титулом «Мамай — царь правосудный». Но затем, учитывая своё нечингизидское происхождение, он мудро отказывается от притязаний на мишуру и внешний блеск публичной власти и довольствуется властью реальной. Поэтому на троне оказывается первый подставной хан Мамаю - султан-чингизид *Абдуллах*, царствовавший в 1362-1369 гг. (764-770 г.х.). Известны монеты с его именем, которые на северокавказских монетных дворах Золотой Орды - в Азаке (с 762 г.х. = 1361/2)²⁵⁷, Маджаре (с 767 г.х. - 1365/6 г.)²⁵⁸. /Рис.7/

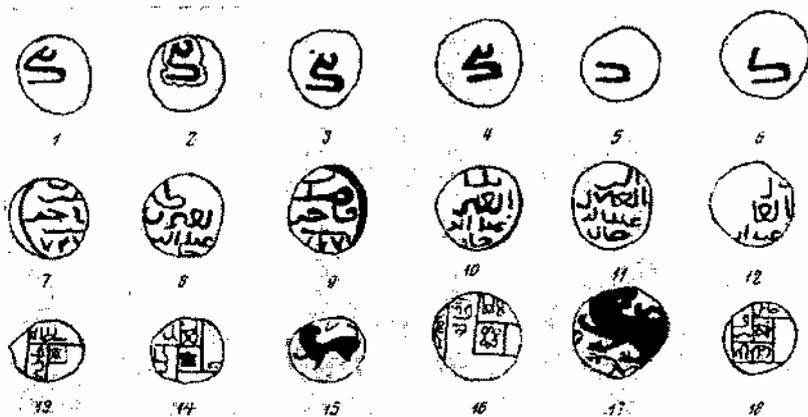

Рис.13 Медные монеты, чеканенные в Маджаре в период Смуты.

1-6 – монеты с надчеканкой; 7-12 – монеты Абдаллаха 767 г.х.;

13-15 – монеты Джанибека II (по Э.В.Ртвеладзе, 1972)

Правда, в 1366/7 г. (767-768 г.х.) в Маджаре выпускается монета *Джанибека II*, который, видимо, отбил город и удерживал его не менее года. Однако «в конце концов Мамай и Абдаллах взяли верх и вновь захватили Маджар», поэтому после 768 г.х. здесь нет монет

Джанибека II, а обнаруженные на территории Маджара медные монеты этого хана надчеканены именем Абдаллаха.

По-видимому, хан попытался перестать играть роль номинального правителя, поэтому Мамай избавляется от него и сажает на трон второго подставного хана — *Мухаммеда Булака* (1370-1378 г. = 771-779 г.х.).

Полагают, что при повторном захвате Маджар «был подвергнут сильному разгрому», поскольку здесь было найдено лишь несколько монет конца 1360-х и первой половины 1370-х гг. По-видимому, Мамай перенес город на новое место, ибо известны серебряные монеты с именем Мухаммада Булака, чеканенные в Новом Маджаре (*Маджар аль-Джадид*)²⁵⁹ (рис.8).

Хан Мухаммад стал обретать популярность среди населения и знать, что побудило Мамайа убить и этого правителя. Об этом под 1380 г. гласит Никоновская летопись: «Увидя же, яко любять татарове царя его и убояся, егда како возмужав отыметь от него власть и волю его, и того ради уби его, и всех верных и любящих его»²⁶⁰.

Но то было последнее цареубийство могущественного временщика. Возведенный на престол третий подставной хан, Тулук-бек не скрывал, что действует по указке Мамайа (в своём ярлке этот хан пишет о себе, что поступает «Мамаевою дядиною мыслию»)²⁶¹. В том же 1380 г. Мамай был разгромлен в сражении на Куликовском поле, а затем убит. С ним исчез в небытие и его подставной государь.

Итак, в 1370-е гг., таким образом, территория Алании и прилегающих земель, включая Маджар, находилась в пределах орды Мамайа.

Рис.14 Дирхем маджарского чекана 774 п.х. (1372 г.) Хан Мухаммад Булак.

Господство над Северным Кавказом дало Мамаю возможность пополнять свою армию наиболее боеспособными отрядами. В их числе были и наёмные подразделения из алано-асских племен. Как сообщает русская летопись, перед Куликовской битвой Мамай "понаймовал рати Бессермены и Оурмены, Фрязи, Черкессы и Ясы, и Буртасы".

Здесь под «бесерменами», как полагают, разумеются мусульмане из Крыма; «оурмены» - крымские же армяне; «фрязи» - это «франки» восточных летописей, в данном случае - жители итальянских (генуэзских и венецианских) колоний Причерноморья (Е.И.Нарожный).

«Ясы» и «черкесы» - отряды из населения черноморско-каспийского, т.е. северокавказского междуморья, а относительно буртасов нами уже говорилось выше.

Вскоре после разгрома Мамайя территории Золотой Орды были вновь объединены под властью *Тохтамышиа*, которому в этом деле активно и существенно помог среднеазиатский властитель Тимур (1336-1404), вошедший в историю многих народов как «Железный Хромец» /*Аксак Тимур; Асхак Тимур*/.

После утверждения на троне Тохтамыш, однако, изменил своему благодетелю, против которого предпринимал враждебные акции, в которые были вовлечены и жители Алании. Так, в конце 790 г.х. (начало зимы 1388 г.), «соответствующего году крокодила», огромная, «не поддающаяся счету» армия Тохтамыш, в которой были аланы, черкесы, болгары, кипчаки, баширды и русские, вторглась в среднеазиатские владения Тимура²⁶².

Поход оказался неудачным, однако хан продолжал враждебные акции против бывшего покровителя. И он серьезно «подставил» алан.

Следует признать известное долготерпение Тимура, который почему-то много лет не спешил наказать золотоордынского правителя. Ранней весной 1395 года он двинулся на Северный Кавказ с юга, через Азербайджан и Дагестан. Тимур прошел «до реки *Самур* и выстроил рядами войска на краю горы *Эльбурз*» (так именовался Главный Кавказский хребет). Как пишет его придворный летописец Низамеддин Шами, завоеватель прошел через *Дербенд* и дошел до *Дарки* (т.е. Тарки), где стал лагерем.

Выйдя из лагеря «лично с отборными войсками, пройдя ночью, утром» Тимур атаковал у р.Кой авангард ордынцев, которым командовал эмир Казанчи и заставил бежать их. Затем войско Тимура дошло до «реки *Сунджу*» (р.Сунжа), а оттуда вслед за маневрирующим Тохтамышем «перешел через реку Терек», а хан двинулся к реке «*Каурай*» (р.Кура?).

Тем временем Тимур, «во второй раз спустившись по берегу реки, отправился и *Джулату*», т.е. на территорию Алании, где «дал там войску провиант» и перегруппировал силы». Здесь до Тимура дошло «известие, что Тохтамыш-хан, вторично устроив войско, идет по берегу реки Терек и что на этот раз он решился на бой и намерен сражаться». После этого Тимур «повернул обратно и пошел ему навстречу, построил правое и левое крыло, выслал вперед авангард и на другой день, подойдя к войску врага, стал лагерем»²⁶³.

В генеральном сражении 15 апреля 1395 г. Тохтамыш был разгромлен и бежал на север.

В 798 г.х., «который тюрки называют *годом мыши*», а точнее зимой 1395/6 г. Тимур выступил из Азака к Кубани, где стал лагерем, откуда направил мирз Мухаммед-Султана, Мираншаха и эмира Джеханшах-бахадур «на черкесов». Те «дошли до черкесов, ограбили их, взяли много добычи», после чего вернулись к лагерю Тимура.

После этого завоеватель направился на *Буракана*, поэтому «велел вырубить леса и сделать дорогу». Во время этого похода «они попали к горе Эльбурз», где они «нашли много крепостей и без числа больших областей». Здесь они «много сражались с врагами веры и взяли бесчисленную добычу из имущества неверных».

Следующий удар был направлен «на *Кулу* и *Тауса*» и «все это были области эльбурзцев», у которых крепости «были на вершинах гор, а дороги (к ним) крайне трудны и тяжелы, так что из-за их большой высоты у наблюдающего темнело в глазах, а у смотрящего шапка падала с головы». При этом крепость Тауса «имела особенно прекрасное высокое строение и приятный климат; стрела не достигала снизу до верху крепости, и без усилия ум не мог представить взятия ее». Крепость была захвачена, «многие из области Иркуаун были убиты», а Кула и Таус - взяты в плен, но их «не доставив к Тимуру, убили по пути».

Затем Тимур направился на *Пулада*, по пути к которому «один день простоял в местности Балкан». Затем он возобновил движение и направил к Пуладу посла с требованием выдать бежавшего к нему ордынского эмира Удургу, занимавшего крепость *Кабчигай*. Но Пулад сказал: «Удурку искал у нас убежище. Пока душа будет в теле, я его не выдам, и пока останется один вздох от духа, буду защищать его». Тимур атаковал крепость и занял его (правда, Удургу бежал и был пленен позже), подверг разгрому феодальное владение Пулада.

Щами сообщает, что далее Тимур «прошел через гору Эльбурз и стал лагерем в местности Абаса», где к нему привели плененного Удургу. Затем завоеватель расположил войско «среди Беш-тага», после чего сделал набег и «завоевал всю область Симсима», а позднее нанес удар в район горы Аухар. После этого «он пошел обратно через Бешкенд и украсил эту область благословениями справедливости и благодеяния», причем «жители этих местностей /уже/ раньше покорились», а «Тимур издал указа, чтобы войско совершенно не трогало их и не причинило им ни малого, ни большого ущерба». После этого был набег «на область Чудур-казак», которая была разграблена. После этого Тимур «пришел в местность Бугаз-кум и провел там зиму». Шами

сообщает, что «вся область Мамукту» (переводится как «все области кумуков») выразила покорность завоевателю. После этого сообщается о походе в Хаджи-Тархан и Сарай, которые были захвачены. Далее Тимур вновь «прошел через местность Тарки и дошел до местности Ушкуджан», откуда рассылал отряд для набегов по окрестностям. Тем временем шамхал Казии-Кумухский поднял мятеж, но был разбит и убит. Тимур приказал привести к нему сподвижников шамхала и с укором спросил: «Что было причиной того, что вы бросили войну за веру и даже стали помогать неверным?». Мятежники раскаялись и попросили о пощаде и Тимур простил их. Он дал им почетные одежды и другие подарки и повелел: «Возвращайтесь и скажите своим вельможам и эмирам, что если они, подобно вам, признают свою вину, придут к нам и расскаются в своих злодеяниях, то мы их обласкаем и утвердим за ними область». Те вернулись к своим, склонив шамхальцев к подчинению. В ходе горных рейдов Тимур захватил непокорные крепости, после чего через Дербент вернулся в Ширван и далее на юг²⁶⁴.

В ходе северной экспедиции, пишет персидский историк Шерефеддин Йезди (ум. 1454), «все области Дешт-и-Хазара, правое и левое крыло улуса Джучиева и прочие северные страны были покорены», а войска Тимура, сделав набег на земли «Укека, *Маджара*, русских, черкесов, башкирдов, Мнкес, Бальчимкина, Крыма, Азака, Кубани и *аланов.*, выказали свою силу и полную власть»²⁶⁵.

Как видим, аланы были наказаны за верность своему золотоордынскому сюзеру.

Падение Тохтатмыша вновь ввергло Золотую Орду в годы смуты, где с самого начала выдающуюся роль стал играть могущественный эмир Эдигей - предок ногайских князей, который возводил свое происхождение к племени курейшитов.

Вначале он поддерживал хана *Тимур-Кутлука* (1396-1399), который воцарился на приволжских и северокавказских территориях. После кончины этого государя, Эдиге выдвинул в качестве подставного хана другого чингизида - *Шадибека*, от которого сохранились монеты, битые на Кавказе (Азак, Дербент, Баку), в Крыму (Каффа), Астрахани и даже в Хорезме. При этом хане «в последний раз в истории Золотой Орды произошло объединение всех прежних улусов Джучиева дома»²⁶⁶.

После низложения Шадибека, восставшего против Эдигея (1407 г.) действовали два конкурирующих хана – *Пулад*, или *Булат-Султан* (от партии Эдигея) и *Джалаледдин* (от Тохтамышевичей). На Волге,

Дону и Северном Кавказе поначалу утвердился Пулад (810-813 гг.х.), ставленник все того же Эдигея.

Этот хан погиб в борьбе с Джалаледином, который подчинил некоторые территории на юге - Крым, черноморское побережье, Азак и др. Тогда же, в 1411 г. под Азаком появляется новый ставленник Эдигея - хан *Тимур*, сын покойного хана Тимур-Кутлуга, а Джалаледдин бежал в Литву²⁶⁷.

Но, укрепившись на троне, Тимур-хан изгнал некогда могущественного Эдигея, который бежал в Хорезм и вел борьбу оттуда. Междоусобица сыграла на руку Джелаледдину, который напал на орду Тимур-хана и разгромил её. К нему и перешла власть (814-815 гг.х.^1411-412 г.), в т.ч. и над Северным Кавказом, коим некогда владел его отец Тохтамыш²⁶⁸.

Тимур-хана убил и сменил на престоле брат *Керим-Берди* (осень 1412 г.), монеты которого чеканились в Крыму, Сарае и Астрахани. Но и он спустя 5 месяцев уступил трон своему брату - *Кепеку* (Кёбек), чьи монеты выходили в 1414 г. в Астрахани и Булгаре. Этот правитель также был убит одним из своих братьев, а в 1414-1416 гг. в Орде, Сарае, Булгаре, Астрахани, Бек-Базаре чеканит монету новый хан *Чекри* (Чингис-оглан), пришедший к власти при поддержке Эдигея²⁶⁹.

В 1416 г. этот хан погибает от рук конкурента - *Джаббар-Берди*, которых овладел «улузом /хана/ Узбека»²⁷⁰. Но он правил весьма недолго и с 1417 г. монеты чеканит его преемник *Дервиш*, подставной хан Эдигея. Монеты с именами этого хана и самого «эмира Идеку бекка» (Эдигея) с 1419г. чеканили в Астрахани, Сарае, Дербенте, а потом - в Каффе²⁷¹.

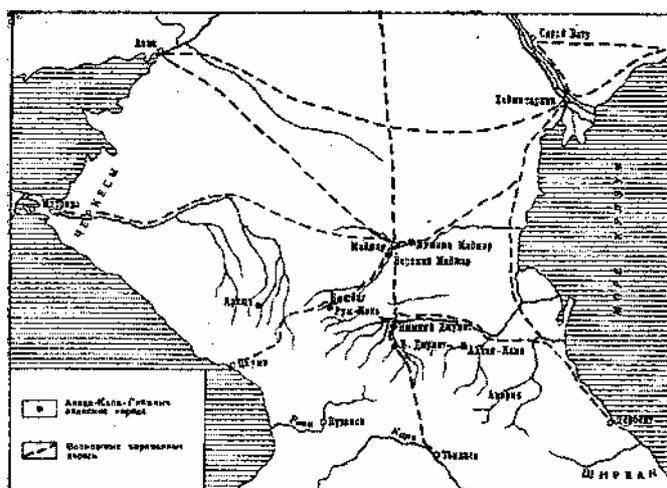

Рис.15 Караванные дороги и города Кавказа в период Золотой Орды (по Э.В.Ртвеладзе)

В 1420 г. ханом был провозглашен сын Тохтамыша - *Кадыр-Берди*, мать которого была «наложница из племени черкес»²⁷². Но он не успел укрепиться на троне и погиб в том же году в борьбе (и вместе) с Эдигеем - старым врагом Тохтамышевичей. Ордынский престол в конце 1421 г. унаследовал *У лук-Мухаммед*, однако ему пришлось бороться с «параллельными» ханами, из которых вначале в Орде верховодил *Худайдат* (1422), а затем *Барак* (1422-1423)²⁷³, овладевший «большой частью» улуса Узбек-хана²⁷⁴.

Примерно в 828 г.х. (1424/5 г.) «перевес между ними» /претендентами/ одержал *У лук-Мухаммед*²⁷⁵, а в 830 г. (1426/7 г.) монеты с именем чеканятся в Астрахани и Булгаре²⁷⁶.

В 1437 г. на ханском троне в Орде утверждается потомок упоминавшегося золотоордынского Тимур-хана - *Кичи-Мухаммед*, который получает контроль над Северным Кавказом, по крайней мере - его степной зоной²⁷⁷.

При его жизни с отпадением независимых ханств - Казанского (1438 г.) и Крымского (1443 г.) - Золотая Орда перестаёт существовать даже номинально и вместо неё остаётся *Большая Орда*.

В 1459 г. *Кичи-Мухаммед* умирает, а за его наследие разворачивается ожесточенная борьба. Вначале, кажется, верх одерживает его сын *Махмуд*, который правил до 1465 г., а затем на престоле утвердился второй сын покойного хана - *Ахмат* (1465-1481). Бежавший Махмуд основывает Астраханское ханство, которое также отпадает от Большой Орды. Но последняя продолжает удерживать обширные территории от предгорий Северного Кавказа на юге до границ Русского государства на севере.

Преемники Ахмата контролировали аланские равнины до конца XV в. Летописи сообщают, что Большая «орда пашню пахала на Куме» (1492 г.), обретается «в Пяти горах, что под Черкасами» (1500 г.)²⁷⁸. В 1502 г. Большая Орда прекращает свое существование, а народы наследники алан открывают новую страницу своей истории. По сути, с этого времени мы и можем говорить о позднем средневековье Северного Кавказа. Но это, как говорится, уже другой разговор...

4.3. Страны ислама в системе внешних связей Во второй половине XIII в. резко упало значение многих традиционных маршрутов, связывавших Северный Кавказ с Южным. Это было связано с войной между двумя ветвями Чингизидского дома - Джучидами (Золотой Ордой) и Хулагуидами (Иран и прилегающие южнокавказские территории), которая началась в 1262 г. и с перерывами шла почти столетие²⁷⁹. Старые нагорные и предгорные пункты

транзитной торговли Алании, начавшие «усыхать» еще до монгольских завоеваний, в прежнем объеме, кажется, так и не возродились.

Поскольку сухопутные магистрали внешнеэкономических связей сместились с нагорья в равнинную часть Центрального Кавказа (в тот же Маджар), аланское купечество «размещало капиталы» именно в равнинных пунктах транзитной торговли. Иного и быть не могло, так как купец может воспроизводить капитал только в таких пунктах. Этим и объясняется то, что мы не обнаруживаем кладов золотоордынских монет в горной части Алании, хотя здесь и встречаются их отдельные находки.

Большое значение имели морские коммуникации, которыми Золотая Орда была связана со странами бассейна Черного и Средиземного морей. Именно они позволили заключить стратегический военно-политический союз Золотой Орды с мамлюкским Египтом. Между крымским портом Каффа и египетской Александрией постоянно курсировали торговые суда, которые доставляли и дипломатические миссии. Арабские источники сообщают, что в 659 г.х. (1260/1 г.) мамлюк-ский султан Аль-Малик Аз-Захир, больше известный как Бейбарс, направил золотоордынскому хану Берке послание, в котором сообщал, что получает вести о принятии этим ханом ислама. Исходя из этого, султан указывал, что с этого времени для Берке обязателен джихад, «так как он /Берке/, вступив в религию ислама, должен воевать с неверными». Конкретно же речь шла о Хулагу - монгольском правителе Ирана, который умертвил последнего в Багдаде халифа из дома Абба-сидов. Для нас здесь важно, что послание от султана хану Берке доставил один «из алланских торговцев»²⁸⁰.

По-видимому, аланская торговая прослойка уже не первый год развивала связи между Северным Кавказом и странами мусульманского мира. Об этом косвенно свидетельствует само указание на аланскую национальность торговца, которому, по сути, доверили налаживание дипломатических отношений между двумя мусульманскими государями. Торговцы аланского происхождения неоднократно упоминаются арабскими летописями и в последующем, напр., «аланские купцы» в Крыму - под 1298/9 г.²⁸¹ (Кстати, Аль-Муфаддаль сообщает, что при хане Берке в Крыму обитало «множество кипчаков, русских и аллан»²⁸²).

Свою миссию купец-дипломат, судя по всему, выполнил успешно, поскольку произошел обмен посольствами. В Золотую Орду прибыло египетское посольство в составе эмира Сейфеддина Кушарбека ат-Тюрки (некогда служившего при дворе хорезмшаха) и факиха

(правоведа) Меджеддина ар-Рудзравери. Когда те пустились в обратный путь, вместе с ними в 1263 г. в Египет направилось золотоордынское посольство в составе коего называются эмир Джелаледдин сын кадия Дауката и шейх Нуреддин Али (по другим данным - Иззеддин Ат-Туркмани) и другие лица. Они прибыли морем в Александрию. Ханские дипломаты подтвердили принятие ислама правителем Золотой Орды, от которого передали султану ответное послание. Хан сообщал, что, наряду с ним, ислам приняли и перечисленные им по именам, племенам и родам его приближенные «со своими чадами и домочадцами», «со своими ратями и слугами». Берке уведомлял, что «для вознесения превыше всего слова Аллаха» сразился с Хулагу, хотя он «от плоти и крови моей», но «мятежник», который «не верует в Аллаха и посланца Его». Египетский султан «обласкал послов Берке» и вручил им дары для хана, в числе которых упоминается и Коран, написанный, «как говорят», рукой третьего праведного халифа Османа ибн Аффана²⁸³.

Союз, установленный при Берке, поддерживался на протяжении почти всего последующего столетия. Известно об обмене дипломатическими миссиями 670 г.х. (1271/2 г.); 680 г.х. (1281/2 г.); 682 г.х. (1283/4 г.), 704 г.х. (1304/5 г.), 706 г.х. (1306/7 г.), 711 г.х. (13 И/12)²⁸⁴ и др.

Новый импульс ордыно-египетские отношения получили в правление хана-мусульманина Узбека (1312-13 42), при котором между Ордой и Египтом известны частые обмены посольствами (1314 г., 1315/6 г., 1317 г., 1320 г., 1322 г., 1323/4 г., 1325 г., 1328 г., 1334/5 г., 1336/7 г.)²⁸⁵.

Арабские источники сообщают о браке египетского султана Аль-Малика Ан-Насира и племяннице («дочь брата») Узбек-хана в 1320 г., с которой в Египет прибыл шейх Нуреддин²⁸⁶. Источники дают её имя и родословие (кажется, сокращенное). Одна версия: Тулунбай (ум. 1364) - дочь Тугаджи, сына Хинду, сына Бекра (Берке?), сына Джучи, сына Чингиз-хана²⁸⁷. Другая версия гласит, что Хинду был сыном Теку, сына Джучи²⁸⁸.

Египетских и ордынских государей связала их близость к суфизму. Как и ханы, египетские султаны покровительствовали суфийскому движению, стимулировали появление суфийских обителей (*ханака*, *завийа*, *рабат*)²⁸⁹.

Конечно, не случайно на месте золотоордынских поселений и погребений встречаются материалы египетского происхождения (напр., динар султана Бейбарса²⁹⁰, импортные предметы из Маджара²⁹¹ и др.).

На то, что аланское купечество было связано с торговым сословием стран ислама указывают и другие многочисленные находки на местах аланских городов той поры разнообразных предметов импортного производства.

В *Рис.16* Находки в Маджаре. Золотой динар из Делийского султана. XIV в.

Маджаре это предметы, включая

монеты, из стран мусульманского мира - Ирака (Джалаириды), Ирана (Хулагуиды), Хорасана (Чагатаиды), Средней Азии, а также Грузии, Руси, Китая, Византии и других стран²⁹².

О связях Золотой Орды с Индией свидетельствует обнаружение в Маджаре золотых динаров делийских султанов Алауддина Мухаммада (1296-1316) и Мухаммада Таглака (1325-1351) /*Рис. 16*/, сообщение летописи «о посылке индийскими купцами в Крым каравана верблюдов с мускусом»²⁹³.

Со временем владычества Золотой Орды связано и возрождение *денежного обращения* на Северном Кавказе. О вовлечении аланского населения в товаро-денежные отношения косвенно свидетельствуют находки джучидских монет на равнинной и горной частях территории исторической Алании.

В Джучидском улусе монеты начал чеканить Батый (Бату-хан), который выпускал их от имени верховного хана Монгольской империи Мункэ. Эта традиция продолжилась в правление хана Берке, выпускавшего монеты от имени верховного хана Арын-Буги. От своего же имени впервые золотоордынские монеты стал чеканить и внук Баты - хан Менгу-Тнмур, царствовавший в 1266-1282 гг.²⁹⁴.

Находки джучидских монет, битых в XIII в. в нагорной и предгорной части региона весьма редки²⁹⁵. Все это в целом свидетельствует о том, что в XIII в. товаро-денежные отношения в регионе только начали возрождаться. Централизованный характер Джучидского государства позволял осуществлять успешную эмиссию денег в течение довольно длительного мир времени. Как известно, одним из важнейших условий успешной эмиссии является непрерывное воспроизводство монетного сырья.

В джучидское время основная часть монетной массы, которой располагали аланы, была сосредоточена в руках купечества. Соответственно, именно оно использовало монеты не только в качестве средства обращения, но и в качестве средства накопления. Так как деятельность аланского купечества протекала вне предгорий, то, следовательно, вне предгорий и следует искать клады аланских купцов. В любом случае, использование населением рассматриваемого региона (в т.ч. аланами) монет в качестве средства накопления несомненно.

Значительную роль в вовлечении местного населения в товарно-денежные отношения, безусловно, сыграла и активность итальянских, в первую очередь генуэзских купцов, деятельность которых охватывала весь Северный Кавказ, (включая горные районы) от Причерноморского побережья до Дагестана включительно.

Как отмечает Г.Е.Федоров-Давыдов, в Орде практиковалась т.н. «свободная» или «открытая» организация монетного дела²⁹⁶. Это означает, что серебро поступало *от населения*, которое сдавало в монетные дворы различного рода серебряную утварь, лом и т.п., из которого чеканились монеты (по строго предписанной стопе) и возвращались хозяину серебра. Естественно часть денег удерживалась и шла на выдачу жалованья работникам монетного двора, поступала в казну. О такой практике в организации денежного дела города Азак на побережье Азовского моря, где находилась итальянская колония Тана, сообщает финансист Пеголетти (XIV в.): «И когда кто-либо относит серебро на монетный двор Таны, то из каждого из названных соммов (весовых единиц) монетный двор делает 202 аспра (аспром итальянцы называли ордынский дирхем, авт.) по счету. И хотя монетный двор делает из сомма 202 аспра, но отдает посторонним 190 аспров и считается, что остаток идет за работу и в доход монетного двора. Так, что 190 аспров приравниваются по оценке к танскому сомму»²⁹⁷.

Другим немаловажным источником поступления серебра была *дань, взимаемая Ордой с вассально зависимых земель*. Известно, например, что в конце XIV в. Московское княжество уплачивало Орде дань в 5 320 рублей ежегодно. Отметим, что рубль того времени являл собой брусок серебра весом в 204,756 г²⁹⁸. Следовательно от Москвы Орда получала в год 1 тонну 89 кг 302 г серебра. Поскольку вес золо-тоордынского дирхема в ту пору составлял 1,59 г²⁹⁹, можно легко вычислить, что из «московского» серебра ханы могли начеканить более 685 000 дирхемов. Для того, чтобы хотя бы частично сориентироваться в значении этой суммы приведем пример. В названное время на- I дельный заработок рядового ремесленника на Руси составлял от 2,5 до 7 денег, т.е. в среднем около 5 денег. Годовая же зарплата такого ремесленника была в среднем 260 денег (52 недели в году x 5 денег), или же 1,3 рубля (1 рубль = 200 деньгам). Это означает, что за сумму, которую Москва уплачивала Орде можно было в течение целого года

содержать 4 092 человека т.е. население небольшого города! И это только от одного из многих подвластных земель.

Третьим значительным источником поступления массы серебра были *торговые пошлины*, взимающиеся с купцов, следовавших в портовые города Орды или проходивших через ее территорию по магистральным караванным путям или речным торговым маршрутам.

Конечно же, существенную роль в воспроизводстве серебряного сырья играли рудники. В том числе и северокавказские. Некоторые исследователи полагают, что именно благодаря наличию серебряных и медных месторождений на Северном Кавказе в этом регионе впервые после хазар появились местные монетные дворы. Совершенно справедливым нам представляется положение, выдвинутое

Е.И.Нарожным о том, что самостоятельная денежная эмиссия в Маджаре могла быть обусловлена «лишь наличием собственной сырьевой базы, обеспечивавшей монетное дело» и связью топографии источников этого сырья с месторождениями металлов в горах Центрального Кавказа³⁰⁰.

Таким образом правители Золотой Орды обеспечивали себя драгоценным металлом, необходимым для успешной эмиссии. В городищах аланских территорий выявляются монеты, чеканившиеся на следующих *монетных дворах*:

- *Сарай* «Дворец» (на монетах и как *Сарай аль-Махрус* «Дворец /Бого/хранимый»), локализуется на месте у современного

с.Селитренного Хабалинского района Астраханской области;

- *Хаджи-Тархан* (Астрахань),

- *Сарай Берке* (на монетах - *Сарай аль-Джадид* «Новый Сарай»;

- *Гюлистан*.

Отметим, что Новый Сарай и Гюлистан пока точно не локализованы, идут споры об их нахождении на месте Царевского городища (у совр. с.Царева Ленинского района Волгоградской области).

В Приложении 3 мы приводим упоминаемые в электронных публикациях основные монетные дворы Золотой Орды. Но в данном

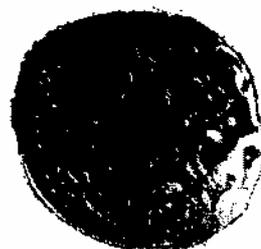

Рис.17 Находки в Карачаево-Черкесии. Дирхем. Тимуриды. Махмуд и Тимур. 1390-е гг. Серебро. Самарканд. Из фондов КЧМЗ

Рис.18 Пул. Медь. Билярский аналог джулатской монеты. (по А.З. Сингатуллиной)

перечне отсутствуют два северокавказских монетных двора - нижне-джулатский и ново-маджарский. Непосредственно на аланской территории, в *Нижнем Джулате* (терр. совр. Кабардино-Балкарии), монетный двор был открыт уже в правление хана Токты (1291-1312).

Пока известна лишь одна монета данного монетного двора — медный пул, битый в 692 или 696 г.х. (1293 или 1297 гг.)³⁰¹. Эта монета найдена в Нижне-Джулатском городище. Она опубликованная еще Х.М. Френом (1826 и 1832 гг.). «Это анонимная монета с тамгой и искаженной датой - 292 г.х. (вместо 692 или 696 г.х.)». Но А.В.Пачлаков, сомневается в джулатском чекане, указывая на то, что казанский нумизмат А.З. Сингатуллина аналогичную монету относит к чекану Биляра. «Такое чтение вполне вероятно как по палеографии имени, так и по сходству рассматриваемой монеты с чеканом Б-лара (близость в оформлении монетных типов и одно время - конец XIII в.)»³⁰².

В свое время О.Блау (1876 г.) упоминал о медной монете с изображением львиной головы и с тамгой (год неясен), выпущенной в Целлаёе (?). Но и здесь А.В.Пачлаков указывает на то, что «известны серебряные монеты Булгара с изображением головы льва»³⁰³.

Как Джулату, так и Булару может относиться дирхем с неясным именем хана из клада XIV в., найденного в Татарстане, и упоминаемый НЛЗагоскиным (1884 г.)³⁰⁴.

К чеканке Джулада, по мнению В.Г.Тизенгаузена (1899 г.), относился чагатаидский дирхем из собрания Эрмитажа, опубликованный А.К. Марковым (1896 г.)³⁰⁵.

А.В.Пачлаков, полагает, что отсутствует монета, которая может иметь бесспорно джулатскую атрибуцию, относит Джулат «в разряд "мифических" монетных дворов Золотой Орды»³⁰⁶,

Такой вывод нам представляется поспешным и излишне категоричным.

Ближайший к Алании монетный двор располагался в упоминавшемся *г.Азаке (Тане)*, где чеканились монеты, выпущенные ханами Кульпой (760 г.х.=1359 г.), Наурузом (760 г.х. = 1359 г.), Орда-Шейхом (1361 г.), Мамаем (762 г.х.), Абдуллахом (762 г.х.), Кильдибеком(1361 г.)³⁰⁷.

Третий из известных нам северокавказских монетных дворов располагался в *г.Маджаре*, где открыт он был также при хане Токте. Само название этого города впервые зафиксировано именно на джучид-ских монетах - серебряных дирхемах, битых в 710 г.х. (1310/11 гг.), чеканенных от имени этого хана³⁰⁸. Монеты маджарской чеканки обнаружены далеко за пределами Центрального Предкавказья, вплоть до

Тулы и Астрахани, что указывает на обширные торговые связи Мад-жар. О том же свидетельствуют находки здесь значительного количества монет, битых в других монетных дворах Золотой Орды. Анализ состава монетных находок в Маджаре (по состоянию на 1963 г.) показал, что почти 70% их принадлежит чекану ханов Узбека и Джанибека³⁰⁹. С наступлением в Орде периода раздробленности, южные области (включая Северный Кавказ) обособляются от центра. В 1361-1362 гг. Маджар попадает под власть Кильдибека, а вскоре, видимо, включается в состав какого-то самостоятельного владения, о чем говорит выпуск с 763 по 767 гг.х. маджарских монет без имени какого либо хана³¹⁰. Впоследствии здесь чеканились монеты с именами Абдуллаха (подставной хан темника Мамаю) /с 767 г.х./, Джанибека II (767/768 гг.х.) и, наконец, Тохтамыша (1380-1395), которому временно удалось объединить Золотую Орду³¹¹.

Четвертый из зафиксированных источниками (нумизматическими) монетных дворов находился в Новом Маджаре, располагавшимся, видимо, у села Бургон-Маджар в 30 км к востоку от города Маджар³¹². Известны дирхемы, чеканенные здесь от имени Мухаммеда, второго подставного хана Мамаю³¹³.

Анализ находок джучидских монет на Центральном Кавказе показывает, что подавляющая их часть бита в период с кон. XIII в. до 1360-х гг. Согласно Г.Е.Федорову-Давыдову, по месту монетные находки в целом относились в основном к чекану Сарая и Нового Сарая (серебра - более 70%, меди - свыше 45%), в меньшей степени - Гюлистана и Хаджи-Тархана, а также Азака и Маджара³¹⁴.

Но с началом «смутного времени» в Золотой Орде (1360-е гг.) резко сокращается приток сюда монет, чеканенных в других центрах Орды. По подсчетам, сделанным Э.В.Ртвеладзе, из общего числа найденных в Маджаре монет, битых в 1359-1370-х гг., абсолютное большинство принадлежит к маджарскому т.е. местному чекану - 76%, что указывает на «нарушение в период феодальных смут обычных торговых и экономических связей» города Маджар с городами Нижнего Поволжья»³¹⁵.

В Золотой Орде (Джучидском государстве) господствовал серебряный монометаллизм, золотая монета не чеканилась. Основной денежной единицей; был серебряный дирхем, вес которого почти не менялся за всю историю монетного дела Джучидов. Курс валюты регулировался эмиссией медных монет-пулов: время от времени правительство выпускало «новые

пулы», обращавшиеся по принудительному курсу, а «старые» медные монеты из обращения изымались. Таким способом удавалось в течение длительного времени поддерживать устойчивый вес дирхема.

Основная масса типов дирхемов имела стандартный облик: на аверсе помещались имя и титул хана («султан справедливый»), на реверсе - место и дата чекана.

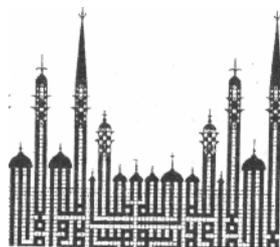
В целом золотоордынская нумизматика в отношении серебряных монет следовала традиции монэпиграфичности, господствовавшей в мусульманском мире. Употребительны были различные знаки, на медных монетах - изображения некоторых животных, о чем мы подробнее скажем ниже.

Нашими предшественниками уже давно говорилось о научной ущербности привычного стереотипа, окрашивающего весь период пребывания Северного Кавказа в составе Золотой Орды в неизменно темные тона. Если бы в течение почти 150 лет Золотая Орда и вправду только тем и занималась, что угнетала, грабила и изничтожала местное население, то непонятно, отчего же в тяжелые годы борьбы с Тимурамом аланы неизменно поддерживали Орду, причем даже после её разгрома. Очевидно, что аланы, будь они по-настоящему угнетенным народом, не могли бы создать целый квартал в самом сердце державы своих «угнетателей» - г.Сарае. Именно в период владычества Золотой Орды на всем Северном Кавказе возрождается экономическая жизнь, возникают города, восстанавливаются старые и устанавливаются новые караванные маршруты. Уместным будет заметить, что в недалеком прошлом точно такой негативней подход существовал в отечественной историографии в отношении Хазарского каганата, пока не было окончательно доказано, что «роль хазар в истории была прогрессивной»³¹⁶.

Нельзя обойти молчанием то, что Золотая Орда (как каганат) была не, просто имперским государством, созданным путем насильственного объединения стран и народов, а империей особого рода, где представители этих же стран и народов могли достигать высшего положения в правящем классе.

ГЛАВА 5

МУСУЛЬМАНСКАЯ КУЛЬТУРА АЛАН

5.1. ИСЛАМСКАЯ АРХИТЕКТУРА

Наиболее ярким выражением достижений материальной культуры у народов средневековой эпохи выступали объекты зодчества. Здесь мы заострим внимание на некоторых категориях объектов архитектуры золотоордынского времени.

А) МОДЕЛЬНЫЕ СООРУЖЕНИЯ

Верхний Джулат (*Тартуп*)

Мусульманские памятники здесь датируются XIV веком³¹⁷. В центральной части городища выявлена Большая /соборная/ мечеть

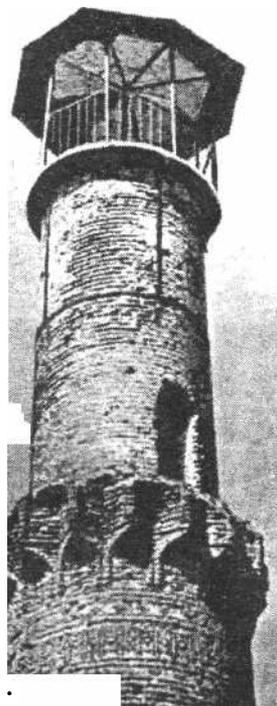
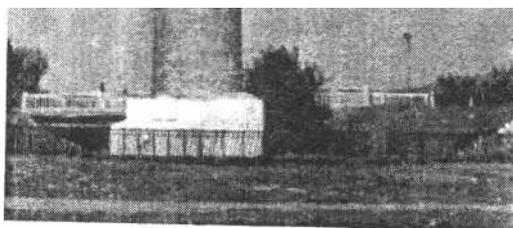

Рис.19. Тартупский минарет

общей площадью 198-210 кв.м, высотой стен свыше 6 метров. Она «была исследована на две трети» и представляла собой прямоугольное в плане здание, вытянутое с запада на восток, размерами 22,8x11,4 м³¹⁸.

«В южной стене, - пишет В.А.Кузнецов, - находилась ниша михраба с остатками облицовочных кирпичей с бирюзовой поливой, пол был выложен квадратным кирпичом. Мечеть имела два входа: один — в западной стене против входа в Татартупский минарет и предназначенный для сообщения с последним, второй, главный, — в северной стене против михраба и оформленный в виде арочного портала».

Отмечается, что «неясным остается характер перекрытия соборной мечети, ибо никаких признаков наличия внутренних устоев нет. Обычно это каменные базы несущих деревянных столбов, членящих интерьер на три-четыре продольных нефа». Однако «в Верхне-Джулатской мечети каменных баз нет. Это заставляет предположить, что при ширине интерьера 10 м по осевой линии здания должны были стоять деревянные столбы, опиравшиеся на деревянные базы, до нас не дошедшие. В таком случае перекрытие мечети было бескупольным и представляло двускатную стропильную крышу, снаружи покрытую черепицей»³¹⁹.

Другие авторы также отмечают, что не совсем понятно, на что опиралась крыша Большой мечети, поскольку «внутри здания не было обнаружено никаких следов колонн»³²⁰.

Рядом с Большой мечетью (2,5 м) находился знаменитый *Татартупский минарет* (Рис.19), высотой 20,8 м. Он имел прямоугольный в плане цоколь (3,55 x 4,25 м) высотой 2,35 м, сложенный комбинированной кладкой из кирпича и каменных блоков на толстом известковом растворе. Ствол минарета, целиком кирпичный, имел коническую форму и состоял из двух частей (высотой 13,1 м и 5,35 м), которые расчленял двойной сталактитовый пояс. Этот пояс имел как орнаментальное, так и конструктивное назначение» - поддерживал расположенный на высоте 15,5 м кольцевой балкончик *шерефэ*, «на который выходил муэдзин, возвещая о наступлении часа молитвы». Сейчас от шерефэ, расположенного, сохранился только узкий выступ вокруг ствола да вход. В сталактитах в определенном порядке были расположены круглые изразцы («тарелочки») бирюзового цвета диаметром 8 см. Ниже их шел «пояс из таких же круглых изразцов в сочетании с кирпичными ромбами, а под ним — орнаментальный пояс, рисунок которого представляет стилизацию куфической надписи». Еще ниже располагался еще один пояс из кирпичных ромбов в сочетании с бирюзовыми «тарелочками»³²¹.

Упомянутый орнаментальный письменный пояс состоял из многократного воспроизведения куфической надписи «Аллах»³²².

Французский ученый и путешественник Дюбуа де Монпере в 1834 году фиксирует на цоколе минарета «остатки весьма поврежденной арабской надписи», видимо, *нисбу* - строительную надпись, оставляемую мусульманскими зодчими на своих творениях, с указанием имени мастера и года строительства (В.А.Кузнецов).

Минарет обрушился вследствие деятельности советских гореставраторов в июне 1981 г.

Единственное изображение Большой мечети «с полным входным проемом» в сторону Татартупского минарета помещено на «Карте пограничной линии Российской Империи между Каспийским и Азовским морями земель близ линии лежащей» (1782 г.) в РГВИА³²³.

У Большой мечети, как полагают, находился и мусульманский мавзолей.

Вторая, Малая /квартильная/ мечеть была ориентирована длинной осью в меридиональном направлении и имела размеры 9,8х6,6м. «Внутри пространства мечети находились остатки шести квадратных устоев, которые были расположены в углах помещения и посередине восточной и западной его стен»³²⁴.

Она также имела минарет, цоколь которого (2,6 х 2,4 м) был встроен в северную стену здания (у его северо-восточного угла). Минарет имел фундамент глубиной 2,8 м.). «Судя по наличию шести пристенных выступов — пилястр, делящих интерьер на две равные части, перекрытие здания было двухкупольным. Переход от квадратного помещения к куполу осуществлялся при помощи кирпичных тропов в углах. В южной стене находилась культовая ниша — михраб, но никаких следов декора в виде поливных изразцов не обнаружено; мечеть была не только небольшой, но и весьма скромной» (В.А.Кузнецов). Малая мечеть датируется XIII веком (О.В.Милорадович)³²⁵.

Обе мечети возводились на булыжном фундаменте из квадратного кирпича «золотоордынского типа».

В Верхнем Джулате существовала и третья мечеть, что засвидетельствовано дореволюционными авторами (И.Гюльденштедт, И.Ф.Бларамберг). Отмечаются сведения о том, что минарет этой мечети «находился на берегу Терека и был им смыт во время сильного паводка» (В.А.Кузнецов).

Здесьние постройки долгое время пользовались почитанием местных народов. Русские этнографы 1880-х гг. сообщают, что балкарцы

(«горские татары») и кабардинцы почитают Татартуп. «Самой важной присягой татары считают присягу, произносимую на башне (верно: на минарете, - Р.Х., М.Б.) Татартюба, около Эльхотова, по дороге из Пятигорска в Владикавказ, т.е. ту же, что и кабардинцы. Татартюб такое же мусульманское святилище для кабардинцев, как и для горских татар. Произнесши, вслед за именем Бага, имена двух братьев (Татартюб и Пенджехасан, миссионеров, принесших мусульманство в Кабарду), татарин и кабардинец одинаково считают себя обязанными говорить правду под страхом самых тяжких последствий и для своего рода за всякое, даже малейшее уклонение от истины»³²⁶. (Пендж-е Хасан - святилище, о котором упоминает турецкий путешественник XVII в. Эвлия Челеби; название происходит от персидского *пендж* «пять» + имя соб. *Хасан*, и было связано с будто бы хранившемся в том святилище отпечатком кисти (пятерни) Хасана - внука пророка Мухаммада). Почитание Татартупа до революции фиксируется не только у балкарцев, кабардинцев и осетин, но и «у некоторых ногайцев, живущих около Пятигорска». У них, сообщается в печати той поры, «есть обычай сходить перед Новым годом на поклонение в урочище Татартуп. Обычай этот перешел к ним от кабардинцев, питающих до сих пор глубокое уважение к курганам и остаткам, напоминающим существование близ Татартупа какого-то города»³²⁷.

В целом следует отметить суеверный страх, религиозные установки горцев относительно старинных развалин³²⁸.

Нижний Джулат

Самая большая соборная мечеть на Северном Кавказе была распорана на аланском городище Нижний Джулат в Кабардино-Балкарии.

Ее площадь составляла 436 кв. м. Фундамент был сложен из речного булыжника, а сами стены, как предполагают, из кирпича. К системе перекрытия относились помещенные внутри здания каменные базы колонн, поставленные на фундаменты из обожженного кирпича («строение этих фундаментов совершенно такое же», как и в мечети Селитренного го-

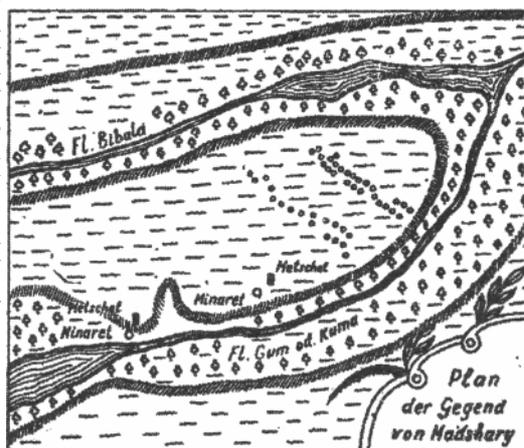

Рис.21 Мечети и минареты на карте Маджарского городища (рис. И.Гюльденштедта, 1773)

родища, т.е. в столичном г.Сарай-Бату). Пол мечети был выложен кирпичом. К стене мечети примыкал прямоугольный в плане цоколь минарета размерами 5,8 x 4,75. «Кладка его, выполненная из больших тесаных каменных блоков, чередующихся с фигурно выложенными стопками кирпичей почти идентична кладке цоколя Татартупского минарета»³²⁹. Внутри цоколя находилось круглое в плане помещение со следами деревянной лестницы, видимо, минарет мечети Нижнего Джулата был аналогичен Татартупскому минарету³³⁰.

Внутри мечети выявлен подземный склеп с мусульманскими погребениями (см. ниже).

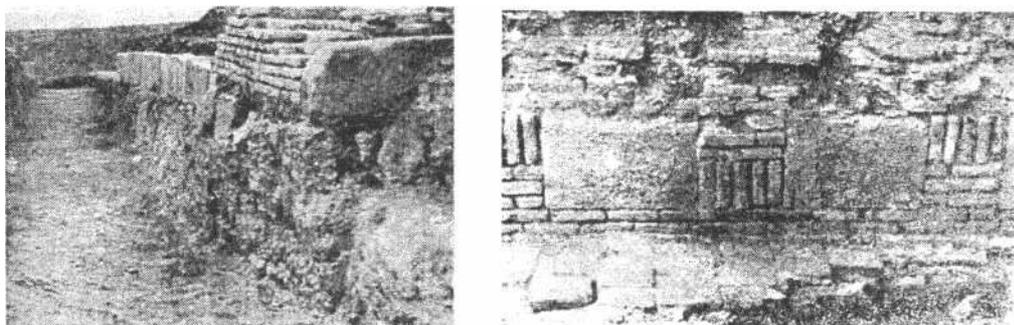

Рис.20 Раскоп Нижне-Джулатской мечети

Маджар

Академик-натуралист С.Г.Гмелин (сентябрь 1772 г.) первым дал подробное описание памятников исламского зодчества Маджара. «Развалины сии, - пишет он, - свидетельствуют, что город был велик и великолепен; это видно из некоторых уцелевших остатков зданий. Другие менее сохранились; большая часть так разрушена временем, что видны только груды обломков и обвалившиеся основания сводов». Он сообщает, что наиболее сохранившиеся «и любопытнейшие остатки почти все находятся на краях» городища, «они и огромнее прочих, и кирпичи в них больше, украшений также более, самые строения более удалены одно от другого»³³¹.

Примерно в 500 саженьях западнее от мавзолеев академик И.Гюльденштедт (1773 г.) отмечает «руины магометанской мечети с находящейся при ней башней или минаретом», а еще 500 саженьей западнее - «другие развалины такого же молитвенного дома». Ученый допускает, что между обоими строениями, «вероятно, стояли жилища, от которых не осталось никаких следов»³³².

Гмелин пишет, что маджарские «здания вообще разного вида: четырехугольные, осьмиугольные и круглые в вышину от 4 до 9 сажень». При этом «на четырёх- и осьмиугольных зданиях или надстроена

острая пирамида или вообще пирамидой они оканчиваются». Это, безусловно, мавзолеи. А когда упоминаются «лестницы в стенах, винтом сделанные редкие более 15 вершков в ширину имеющие», которые «ведут в пирамиду или на купол»³³³, очевидно, что речь идет о минарете.

Здания в Маджаре, отмечает Т.М.Минаева, «возводились из хорошо обожжённого кирпича, имевшего квадратную форму, и из естественного камня». Они украшались особым «обделочным» кирпичом, лицевая сторона которого покрывалась глазурью голубого, зелёного, красного и жёлтого цвета. Такие, глазированные кирпичи иногда украшались растительным орнаментом, зачастую делалась орнаментальная мозаика «из мелких глазированных кусочков... в виде звёзд, цветных зигзагов и других геометрических фигур». Украшения такого рода размещались «на карнизах зданий, косяках дверей и окон, стенах и полах» общественных зданий, на сооружениях над погребальными склепами и в частных жилых домах знати.

Стены мечетей и медресе, помимо того, «украшались рядами глазированных плиток с цитатами» из Корана. «На темносинем или голубом фоне ярко выделялись белые или чёрные арабские письмена». Стены мавзолеев также «были украшены цветными глазированным кирпичами и причудливым орнаментом»³³⁴.

Возможно, мечети принадлежит бронзовая дверная ручка из Маджара, на которой помещена арабская надпись «Кто пришел сюда, спасён будет» (Рис.22).

В зданиях, включая, очевидно, мечети и суфийские обители, использовалась совершенная для той поры система отопления, при которой помещения обогревались посредством дымоходов, проведённых под полами. Сама топка располагалась вне жилых комнат, но под одной с ними крышей, в сенях. «Эту систему отопления принесли, по-видимому, среднеазиатские мастера»³³⁵.

Хранители мечети, видимо, использовали для её нужд и городской водопровод (длиной 648 м с четырьмя изгибами-коленами), который прокладывались от берега р.Кумы в виде сети глиняных цилиндрических труб в неглубокой канаве, облицованной квадратным кирпичом (после прокладки канава засыпалась землёй). Головное сооружение «находилось в севере-

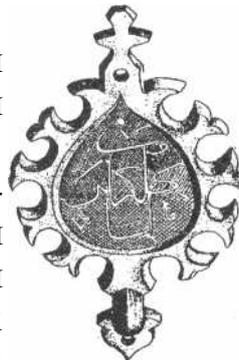

Рис.22
Дверная ручка
с арабской
надписью
(по Т.М.Минаевой)

западной части города и имело вид высокого вместительного кирпичного свода». Водопровод вел с северо-запада на юго-восток города³³⁶. Аналогичная водопроводная система выявлена и в других мусульманских городах Кавказа. Как справедливо пишет археолог Т.М.Достиев, подземные гидросооружения, разветвленные канализационные линии и другие фактические материальные доказательства в таких городах «свидетельствуют о заботливом отношении к благоустройству и необходимых мерах, проводимых городским управлением».

Такой «высокий уровень благоустройства города, был связан с высоким общим культурным уровнем горожан для тех времен, с существованием древних традиций, с расширением экономическо-культурных связей, со строгими гигиеническими требованиями Исламской религии»³³⁷.

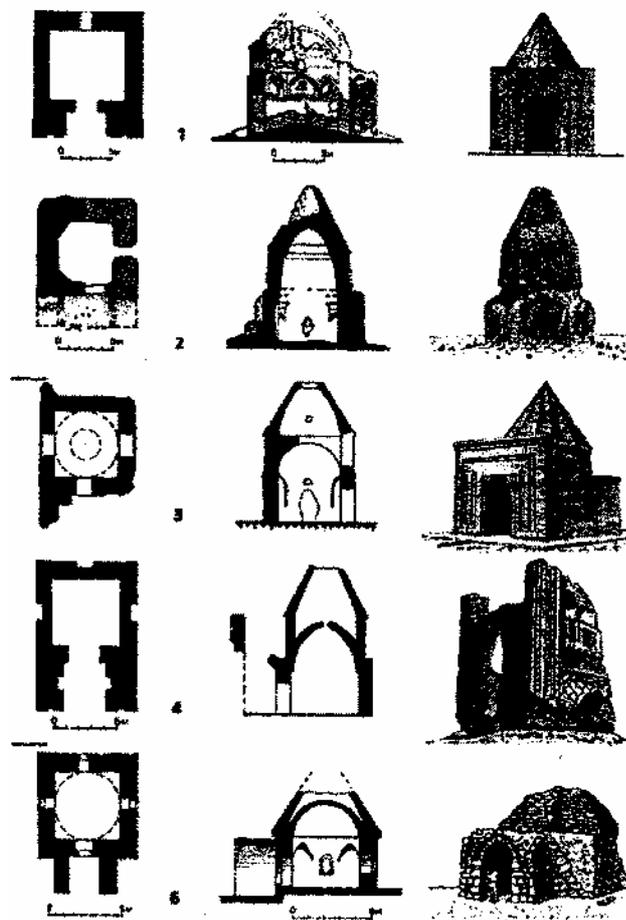

Рис.23

Мавзолеи Золотой Орды. XIII-XIV вв.
(И.Измайлов, Б.Хамидуллин. Ислам в Золотой Орде.
Казань: Татар.кн.изд-во,2008. С.40)

Б) МЕМОРИАЛЬНЫЕ ПОСТРОЙКИ

В золотоордынских городах Северного Кавказа выделяется несколько типов мусульманских погребений: внутри оградок из сырцового кирпича (Ставрополье); в грунтовых ямах (напр., Верхний Джулат); в кирпичных склепах; в мавзолеях (Маджар, Пятигорье, Борга-Каш), один раз - в каменном ящике. Покойники были уложены вытянуто на спине с разворотом на правый бок, все - головой на запад, лицом к югу, т.е. к Мекке. Любопытно, что «во всех случаях отмечались следы деревянных гробовищ»³³⁸. Как видим,

захоронения в гробах вовсе не чужды были кавказским мусульманам золотоордынской поры.

Здесь мы затронем архитектурные объекты мемориального характера, а именно - усыпальницы.

Карачаево-Черкесия

К югу от г. Усть-Джегуты, на месте карьера по добыче речной гальки у головного сооружения Большого Ставропольского канала, на правом берегу р. Кубани были выявлены «остатки мавзолея золотоордынского времени». Примерно на четырехметровой глубине был задет 3-метровый оградный столб, на одной грани которого помещались «тщательно вырезанные арабские племена».

Как пишет обнаружившая этот памятник Т.М. Минаева, этот столб ко времени осмотра «оказался разбитым на мелкие куски и прочесть надпись не представлялось возможным. Он, вероятно, являлся карнизом небольшого здания — мавзолея. Вместе с обломками карниза найдены типичные квадратные золотоордынские кирпичи - остатки погребального склепа и разбитые кости человеческого скелета»³³⁹.

Как отмечалось, находки свидетельствуют о располагавшемся здесь мусульманское кладбище.

Пятигорье

Группа мавзолеев золотоордынского времени располагалась в районе города Эссентуки. Памятники зодчества просуществовали несколько веков и были разрушены (или разобраны) в конце XVIII - начале XIX вв. колонистами, использовавшими кирпичи из мавзолеев для хозяйственных целей.

Вновь памятники исламского зодчества Эссентуков открылись науке во второй половине XX в.

Эссентукский мавзолей №1 был найден и раскопан в 1953 г. археологом-краеведом А.П. Руничем на второй надпойменной террасе правого берега р. Подкумок, около Красной Балки, между железнодорожными станциями Скачки и Золотушка. Эта усыпальница являла собой квадратное в плане однокомнатное помещение с порталом ориентированное строго по линии север - юг (рис.24 а). Её ниша образована выступающими вперед на 2 м стенами основного объема.

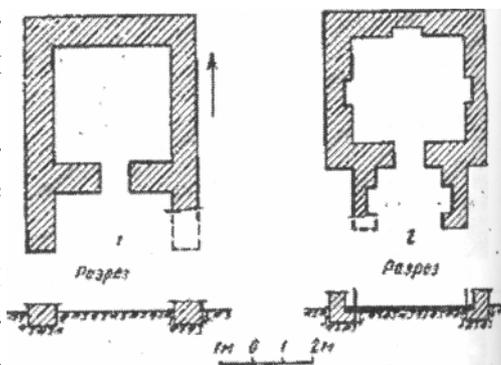

Рис. 24 а, б Эссентуки.
План мавзолеев №1 и №2.
(По Э.В. Ртвеладзе)

Основные параметры: общая длина по внешнему обмеру (вместе с порталом) — 7,70 м, ширина — 5,70 м; размеры по внутреннему обмеру 3,97 X 3,90 м. Толщина стен мавзолея составляла 90 см, фундамент был углублен на 40 см от пола.

В южной стене был устроен дверной проем шириной 96 см. К моменту обнаружения от здания сохранились лишь фундамент и часть цоколя (высота сохранившейся части - 38 см), выведенные из обработанных плит мергеля и известняка на глинистом растворе.

Кладка фундамента и цоколя была осуществлена «в перевязку», а пол выровнен и смазан глиной. Для строительства использовались разные типы кирпича (квадратный жженный; брусковидный с продольными фасками кирпичи; трапециевидный в сечении с поливой голубого цвета на лицевой стороне, поливной кирпич с орнаментом в виде растительных побегов)³⁴⁰.

Мавзолей №2 располагался на левом берегу р.Подкумка в 400 м к северо-востоку от вокзала ст. Белый Уголь и был раскопан в 1963 г. Эссентукским народным музеем при участии сотрудника Пятигорского музея Е. Е. Ивашнева и учительницы Т.Б.Палимпсестовой. По преданию, именно в этой усыпальнице был похоронен легендарный Эссен-тук.

Этот мавзолей также представлял собой почти квадратное в плане однокомнатное помещение с порталом, ориентированное по линии север-юг (Рис.24б). Его параметры: общая длина по наружному обмеру вместе с порталом - 7,1 м, ширина 5,5 м, по внутреннему обмеру 3,90x3,52 м.

Стены (толщиной от 78 до 84 см), были выложены «в перевязку» из квадратного жженого кирпича на известковом растворе. В срединной части северной, западной и восточной стен имелись ниши глубиной 37 см, шириной от 0,8 до 1,05 м. Вход был устроен с юга (ширина проема 98 см).

Устои портала выступали вперед от южной стены на 1,95 м; с внутренней стороны в них имелись маленькие ниши глубиной 27, шириной 90 см. Пол в интерьере и между устоями портала был вымощен кусками жженого кирпича. Судя по сохранившимся

Рис. 25
Эссентуки. Раскоп портално-купольного мавзолея.

фрагментам, стены имели белую штукатурку. Фундамент был возведен из мергеля и известняка на известковом растворе и углублен в землю на 40 см³⁴¹.

В начале 1970-х гг. в районе Эссентуков были выявлены еще 6 мавзолеев. Мавзолей, стоявший на возвышенности левого берега р.Большого Эссентучка (Рис.25) являл собой квадратную (кубическую) отштукатуреную кирпичную постройку на каменном фундаменте и «с купольным сводом и порталным входом с южной стороны».

Внешние размеры (без портала) составляли 5x5,5 м. Вокруг усыпальницы обнаружено несколько погребений более позднего времени и остатки нескольких других наземных погребальных сооружений³⁴².

Из всех эссентукских мавзолеев один в плане представлял собой десятигранник, а семь - прямоугольник (с порталами). Любопытным представляется то, что один из этих мавзолеев - двухкамерный, углы которого фланкированы трёхчетвертными колоннами³⁴³.

Усыпальницы были построены из жжёного кирпича и облицованы поливными изразцами в основном в правление Узбек-хана.

Кабардино-Балкария

Под полом мечети Нижне-Джулатского городища был сооружен «уникальный в своём роде подземный двухкамерный "склеп-мавзолей"», который был впервые выявлен и описан балкарским археологом И.М. Чеченовым (1969 г.).

В северо-западном углу Нижне-Джулатской мечети археологи выявили постройку из обломков обожженных кирпичей, «стены которой были поставлены на пол мечети и пристроены вплотную к стенам последней». Она считается «мавзолеем более позднего времени».

Весьма интересным сооружением, найденным в пределах этой мечети, выступает подземный склеп-мавзолей (расположен ниже уровня пола мечети). Он имел высоту примерно 2 м и «был перекрыт восьмигранным куполом».

Склеп был двухкамерным, сводчатым. Северная (*гур-хана* ~~- собственно погребальная камера) и южная (*зиарат-хана* - помещение для посетителей)) прямоугольные в плане камеры «были разделены высоким и широким порогом». Стены обеих камер были побелены и имели стрельчатые ниши, вырезанными в грунте.

Вход в усыпальницу производился через дверь в восточной стене северного помещения, которая крутой лестницей соединялась с поверхностью - с мечетью.

Здесь было 5 мусульманских захоронений XIV века, два из которых, в индивидуальных грунтовых ямах -- в гур-хане, одно - в зиярат-хане, одно - на пороге между северным и южным помещениями. Отмечается захоронение в деревянном гробу. Антропологический анализ двух черепов позволил отнести одного к аланам (узколиций европеоид), а другого к «ногайцам или их предкам (южносибирский монголоид). Само сооружение этого склепа под полом мечети, пишет Е.И.Нарожный, вступает в формальное противоречие с правилами шариата. «Однако, здесь, как и во многих других случаях, мы сталкиваемся со стремлением поместить могилу в святое, освящённое место, либо наделить её священными свойствами, которые будут помогать погребённому на том свете»³⁴⁴.

На территории этого же региона находился и *мавзолей Кобан-хана*, датируемый 860 г.х. (=1455 г.). Он, по словам академика Г.Ю.Клапрота (1807-1808 гг.) находился «на восточной стороне речки Яман-куль, в 3 верстах от Боташева Кабака, на равнине у северного подножья второго Гребня» (Малая Кабарда).

«Это сооружение из вытесанного камня, - пишет академик, - а вокруг него находятся около сотни земляных холмиков, прозванных буграми, которые, вероятно, обозначают могилы князей. Сооружение восьмиугольное, каждая сторона которого измеряется 6 футами. Арочная дверь обращена на юг, а по обеим сторонам ее, на расстоянии в 2 ярда, простираются стены. С восточной и западной сторон в 9 футах над землей расположены два схожих друг с другом окна. Высота стен составляет около 12 футов». В нижней части усыпальницы был виден «глубокий склеп, каменные опоры которого упали, так что более не видны правильные стороны центрального проема, ведущего в склеп».

Данная часть мавзолея была засыпана камнями (видимо, обрушившимися стенами) так, «что нельзя обнаружить никаких останков тел». Западная сторона мавзолея в основном разрушилась и там толщина стен не превышал 2 футов³⁴⁵.

Почти вся западная сторона сооружения пребывает в руинах, а стена там толщиной не превышает 2 футов».

Памятника за истекшие двести лет исчез.

Северная Осетия

В округе Верхнего Джулата исследователями отмечается наличие 5-ти мавзолеев, а еще одного мавзолея - на самом городище, однако, к сожалению, подробных описаний этих мавзолеев не сохранилось. В научной литературе отмечается лишь то, что мавзолеем Верхнего Джулата кирпичный, квадратный, беспортальный.³⁴⁶

У селенья Заманкул в фиксировались остатки восьмигранного мавзолея с надписью, указывающей на 1347 год³⁴⁷.

Ингушетия

Сохранился донныне мавзолей *Борга-Каш* на Горе Шейха к северо-западу от селения Плиево - квадратный в плане (4,13 м x 5,56 м), высотой надземной части 3,18 м, перекрытый полусферическим куполом. Он построен из камня желтоватого цвета. Исследователями указывается на то, что прямоугольный портал усыпальницы, порезанный широкой стрельчатой аркой, сооружен слитно с корпусом самого зда-

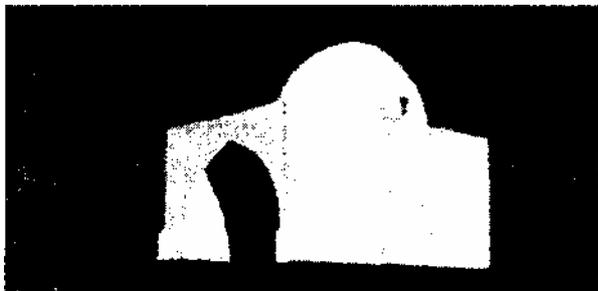

Рис.26. Ингушетия. Борга-Каш

ния, фасаду которого равен по ширине и высоте. Мавзолей строился из двух частей - надземной и подземной (где располагалась погребальная камера), куда ведет отверстие в полу.

Строительный модуль архитектуры Борга-Каш, пишет

В.Б.Виноградов, оказался тождествен архитектуре эссентукских мавзолеев, которые хронологически предшествуют ему. Причем усыпальница, «связывается с этнографической группой борган, известной на Северном Кавказе по русским письменным источникам начиная с XVI века и оставившей след в фольклоре многих народов». Это племя проживало в равнинной зоне от устья Сунжи до нынешнего Владикавказа, и с ним исследователи связывают топонимы Брагуны, Боргустан и др.³⁴⁸

Мавзолей впервые фиксируется в русских документах в 1747 г. как место упокоения брагунских князей. В этой мусульманской усыпальнице находилось несколько погребений в гробах. Над дверью мавзолея помещалась арабская надпись, которая датирует его 808 г.х., т.е. 1405/6 г.³⁴⁹

Как мавзолей «Брагунка-кечана» и «могилу нетлеющего тела» усыпальницу упоминает подполковник Л.Л.Штедер (1781 г.). «Над могильным сводом. — пишет он, - стоит четырехугольное продолговатое

строение из гладкого тесаного камня в 3 сажени длиной и в 1,5 высотой; вследствие прочности постройки она мало пострадала от времени. Купол построен из такого же камня и имеет два наклонных отверстия для освещения». Внутри усыпальницы тогда стояли в четырех углах «горящие светильники». Здесь находилось несколько трупов, лежавших «в направлении строго с запада на восток на по большей части сгнивших дубовых досках». Штедер отмечает у входа в ущелье «три камня с арабскими надписями; на одном из них написана фамилия, на другом дата, на третьем - фраза из Корана»³⁵⁰.

Памятник мусульманской культуры подвергался актам вандализма. Сначала в 1876 году старообрядческий протоиерей Стефан Загороднов из станицы Алхан-Юрт по поручению своего архиепископа Антония Шутова забрал из мавзолея три высохших человеческих тела и отправил в Москву, где Антоний, считая их "за тела христианских мучеников", направлял части этих трупов во все епархии старообрядцев³⁵¹. Затем в июне 1888 г. приехавшие «из города Грозный на фургоне какие-то неизвестные люди» облили мавзолей фотогеном и подожгли его. Далее священник, который «навязывал ингушам православие», уничтожил плиту с арабской надписью на мавзолее. По воспоминаниям ингушских стариков, тот вандал в рясе не только пытался крестить осетин ингушей, но и, забыв традиции веротерпимости православия, «искал камни с арабскими надписями и уничтожал их»³⁵².

Вообще-то, акты вандализма в отношении памятников — как мусульманских, так и христианских — архитектуры в колониальный период имели место и в других местах (Маджар, Эссентуки, Нижний Архыз и др.). Некоторые из таких деяний мы упоминали, а отдельных еще коснемся.

Маджар

Памятники мемориального зодчества имелись и здесь, в равнинной части расселения алан на Центральном Кавказе в золотоордынское время.

Рис. 27 Маджарский мавзолей
(рис. Я.Потоцкого, 1798 г.)

Основу маджарских мавзолеев «составляло кубическое здание с одним или несколькими выступающими арочными порталами», которое имело 2 вида перекрытия - купол или многогранный барабан с шатровым покрытием. При этом преобладали мавзолеи *портально-шатровые*; «преимущественно они квадратные в плане». Последние, как полагают, близки архитектуре Южного Кавказа (Азербайджана и др.), а мавзолеи *портально-купольные* - «весьма похожи на среднеазиатские постройки»³⁵³. В то же время в Маджаре известны и много-
354
гранные в плане портально-шатровые мавзолеи.

Рис.28 Типы маджарских мавзолеев
/Ист.: Н.Г.Волкова. Маджары //КЭС, Вып.5/

По словам академика Гмелина (1772 г.), здания здесь «не обширны, имеют своды, оканчиваются шпилем» и «похожи на караульные персидские башни». Внутри «сих башен находится овальное отверстие, ведущее в погреб со сводом, в поперечнике от 3 до 4 футов, и заложное обтесанным камнем». Эти «строения украшены муравленными /глазурованными/ кирпичами синими, зелёными, красными, серыми», выложенными «с большим вкусом, снаружи и внутри, в виде трёх и четырёхугольников, ромбов, крестов, сердец и других фигур»³⁵⁵.

Нетрудно догадаться, что речь идет не о «погребе», а о склепе, что и заметил Иоганн Антон Гюльденштедт, побывавший в Маджаре в следующем году (июль 1773 г.). Он указывает, что это - «мавзолеи, все снабженные подземными склепами»³⁵⁶.

П.С.Паллас (1793-94 г.) даёт самое подробное описание маджарских мавзолеев. Он пишет, что «между Бибалой и Кумой» имеются остатки «древних татарских строений... под названием Большие или Верхние Маджары». Здесь в 1780 г. было 32 построек («частью целых, часть, разрушенные»).

Рис.29 Маджарский мавзолей В первом ряду находилось 4 мавзолея, у всех
(пис. М.Некласова, 1742 г.) которых портик был обра-

щен к югу. Один из них, уже разрушающийся, находился в 200 сажнях от р.Кумы и 250 - от р.Бибалы. Он имел размеры 36 английских футов в длину и 25 — в ширину, был покрыт «вьющимися виноградником и отличался от остальных трех архитектурой, размерами и формой купола».

К востоку от него заметно было основание другого строения, рядом с ним - «такое же основание в 16 квадратных футов». Далее, в 57 шагах от первого мавзолея располагался другой мавзолей таких же размеров (35x25 футов), имевший «круглый купол», вместо окон - проемы («отверстия») на восточной и западной стенах. В 18-ти шагах от него имелся фундамент в 15 кв.футов, а еще в 10-ти шагах - другой фундамент (36x26 футов). За ними, «примерно в 92 шагах к северу и несколько отклоняясь от прямой линии» находились «развалины конического строения, имевшего 61 в окружности».

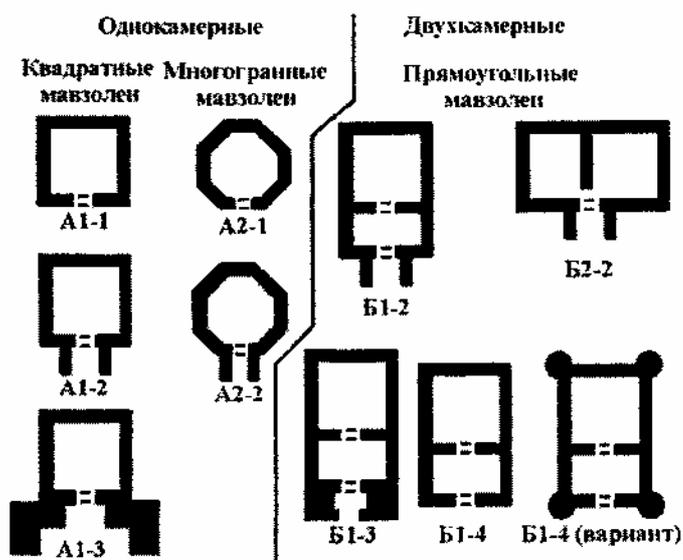

Рис.30 Маджар XVIII в. (По П.С.Палласу)
(Ист.: Н.Г.Волкова. Маджары //КЭС, Вып.5)

В другом ряду (около 100 шагов от первого) располагались «два совершенно целых» мавзолея. Самый восточный из них (длиной в 26 ф. и шириной - 24 ф.) имел выступающий перистиль в 8 ф. и октаго-нальные (8-гранные) колонны. Второе здание этого ряда (по 28 ф. в длину и 26 в ширину) находилось в 75 шагах от первого. Оно имело вестибюль в 8 ф. высотой, «украшенный двумя октагональными колоннами позади перистиля».

Эти мавзолеи, пишет Паллас, «в просторном входе с южной стороны... имеют придел с каждой стороны со сводчатой нишей и низкий вход в нее». Купол покоился на восьмиугольном основании³⁵⁷.

Анализ усыпальниц Золотой Орды позволил исследователям определить их типологию по планировке (по Д.В.Васильеву).

К первом типу («группа А»), согласно Д.В.Васильеву, относятся *однокамерные* мавзолеи. Одна их разновидность - квадратные мавзолеи:

в Алании

однокамерный без портала

В. Джулат

однокамерный с узким арочным порталом - ширина портала уже фасада здания
 глубокие квадратные портално-шатровые мавзолеи лом-пештаком
 Маджара, мавзолей Борга-Каш

Ессентуки лом, т. е.

Другая разновидность этого типа - многоугольные усыпальницы.

виды	в Алании
без портала	10-гранный мавзолей из Ессентуков 8-гранный мавзолей у с. Заманкул (Сев. Осетии)
с узким порталом	многогранные портално-шатровые мавзолеи Маджара

Ко второму типу («группа Б») отнесены двухкамерные усыпальницы:

Группа Б (двухкамерные) виды
в Алании прямоугольный подземный склеп-мавзолей Ниж.
Джулата с пештаком, (условно); составляющим
прямоугольные двухкамерные мавзолеи одно целое с
Ессентуков зиарат-ханой

Большинство золотоордынских мавзолеев - квадратные однокамерные (без портала и с порталом), а «многоугольные мавзолеи встречаются преимущественно на Северном Кавказе». Как предполагается, прямоугольные двухкамерные мавзолеи (с зиарат-ханой) произошли путём развития однокамерных упомянутых мавзолеев с мощным и глубоким *порталом-маштаком*, который «трансформировался в зиарат-хану»³⁵⁸.

Как видим, на Северном Кавказе встречается большинство всех тех видов усыпальниц, которые известны в Золотой Орде, и этот факт имеет своё объяснение.

Перед исследователями давно встаёт вопрос об *истоках* мусульманского зодчества Алании. В отечественной истории давно определено, что «монументальная архитектура городов Золотой Орды развивалась в соответствии с общим направлением мусульманского культового зодчества Средней Азии и Закавказья»³⁵⁹.

Изучение мавзолеев Золотой Орды позволило нашим медиевистам обратить внимание на богатство номенклатуры кавказских мавзолеев. «Интереснейшим регионом, - пишет Д.В.Васильев, - оказывается в данном ракурсе Северный Кавказ», где «представлены практически все известные типы мавзолеев». Это связывается им «с тем, что распространение архитектурных традиций надмогильных сооружений шло в Золотую Орду именно через Северный Кавказ, из Закавказья». При этом указанный автор не отрицает «и влияние традиций среднеазиатской архитектуры на Улус Джучи». Например, "башенки" трёхчетвертные колонны по углам двухкамерных мавзолеев Северного Кавказа, Укека, Нижнего Поволжья «имеют истоки в традиционной

архитектуре Хорезма, где они являются рудиментами оборонительных башен по углам сельской или городской усадьбы»³⁶⁰.

Наибольшее влияние мусульманской архитектуры, пишет археолог-медиевист Г.А.Федоров-Давыдов, «ощущается в наземных мавзолеях», раскопанных в числе прочих в Маджарах и в некоторых других районах Предкавказья³⁶¹.

Декоративное оформление Татартупского минарета, пишет Э.Д.Зиливинская, «использование в облицовке резных кирпичей и изразцов, создание орнаментальных и сталактитовых поясов стилистически связывает его с памятниками Нахичеванской школы Азербайджана. Наиболее близким аналогом ему является Минарет в Шамхоре, известный по рисунку Г. Гагарина. Сходное строение имеют и минареты Малой Азии сельджукского и ранне-оттоманского периодов»³⁶².

Данный вывод исследовательница подтверждает анализом не только минаретов, но и «всех раскопанных в настоящее время золотоордынских мечетей», которые почти все относятся к одному типу. «Это квадратные или прямоугольные в плане здания, внутреннее пространство которых разделено рядами колонн, поддерживающих плоское перекрытие в виде балок или аркад. Такая планировка наиболее характерна для малоазиатских мечетей сельджукского периода»³⁶³.

Та же исследовательница полагает, что верхнеджулатская Большая мечеть «более всего напоминает небольшие столпные сооружения Средней Азии» (напр., трехкупольная мечеть при мавзолее Хаким-ат-Термези, XI в.; двухкупольная мечеть Ходжа-Иса (XI в.) в Тохаристане). Но возможен и другой вариант - «сводчатое перекрытие с подпружной аркой, характерное для сельских мечетей Азербайджана» (напр., в ханеги на р. Пирсагат и в поселке Ханлар). В пользу второго варианта - «и близкое сходство Татартупского минарета с минаретом в Шамхоре»³⁶⁴.

Археолог В.А.Кузнецов признает, что «пропорции и общий абрис» Татартупского минарета «сближают его с минаретами ширвано-апшеронского круга мусульманских памятников Азербайджана XIII-XV вв.». Но им отмечается и «некоторая разница - минареты ширвано-апшеронского круга более приземисты, кладка и декор их только из камня». Кроме того, «в Татартупском минарете винтовая лестница шла до конца ствола, и это может свидетельствовать о том, что минарет имел два *балкончиа-шерефе*. В Северном Азербайджане минареты с двумя шерефе неизвестны».

Исследователь видит генетические истоки не в ширвано-апшеронском регионе, а южнее, где выявляет «прямые аналогии в ар-

хитектурном декоре, не объяснимые какой-либо случайностью». Так, «на кирпичной «башне» (tomb tower) 1300 г. в г.Рее (Северный Иран) можно видеть орнаментальные пояса с применением ромбических кирпичей и кирпичей, поставленных под углом, как мы это видим в орнаментации Татартупского минарета, т.е. применение одних декоративных приемов». Типологически сходны с Татартупским минаретом и минареты XIV в. Дар-ал-Батих в Исфагане.

Кроме того, смешанная техника кладки (хорошо отесанные каменные блоки лежат в обрамлении кирпичей - как бы в кирпичных рамках) в кубическом основании Татартупского минарета выявлена в Азербайджане в раскопках Старой Ганджи XI-XIII вв. Наибольшую близость исследователь к Татартупскому минарету усматривает в «Шамхорском столпе» XII-XIII вв. близ г.Шамхор в западном Азербайджане, южнее долины р.Куры. Эти «памятники сближает не только архитектурный образ, но и то, что оба они возведены из кирпича»³⁶⁵.

Отметим, что «ганджинская» техника кладки фиксируется и в минарете соборной мечети городища Нижний Джулат³⁶⁶. Правда, некоторые авторы (Е.И.Нарожный), признавая внешние истоки архитектурной культуры Золотой Орды, не принимают версию об "азербайджанских истоках архитектуры" мечетей Верхнего Джулата, об участии "азербайджанских строителей" в возведении объектов мусульманского культа³⁶⁷.

5.2. ПИСЬМЕННОСТЬ И ОБРАЗОВАНИЕ

Самые ранние эпиграфические памятники мусульманской культуры на территории Центрального и Северо-Западного Кавказа были выявлены в Нижнем Архызе, т.е. в нагорной части Алании. Здесь в 1961 г. в кладке средневекового христианского храма под условным названием «№10» археолог В.А.Кузнецов обнаружил две плиты с арабскими надписями, которые тогда были доставлены в Институт археологии АН СССР (Москва). На одной из них была помещена кувическая надпись: *Во имя Аллаха, Милостивого, Милосердного! Нет бога, кроме Аллаха, Мухаммад — посланник Аллаха.* В.А.Крачковская сочла возможным сузить датировку до третьей четверти XI в.³⁶⁸

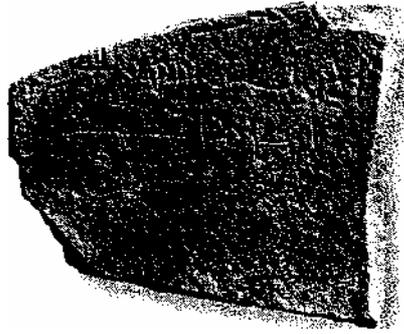

Рис.31 Арабиграфичный памятник 436 г.х. (1044 г.). Нижний Архыз (По В.А.Кузнецову),

Более ранней оказалась надпись на второй плите (Рис.31), где стояла дата:

...لاول سنة ستة و ثلاثين و اربع
ماية

«/аль-авваль четыреста тридцать шестого /года»

Поскольку в календаре лунной хиджры есть два месяца, названия которых заканчиваются на «ал-аввал» (букв, «первый»), то указанную дату можно читать либо как раби ал-аввал 436 г. (26.09.-25.10.1044 г.), либо как джумади ал-авваль (24.11.-23.12.1044) по прочтению Л.И.Лаврова.

В то же время В.А.Крачковская предложила читать третье слово как سبع (семь), а дату в целом как раби ал-аввал 437 г. х. = 16.09.-15.10.1045 г.

«Открытие арабских надписей XI века в ущелье Большого Зеленчука, - пишет выявивший их В.А.Кузнецов, - имеет крупное научное значение. Это самые ранние мусульманские надписи на всем Северо-Западном Кавказе. Они свидетельствуют о том, что ислам проникал сюда уже в XI веке, несмотря на расцвет христианства, мусульмане какое-то время жили среди населения Нижне-Архызского городища»³⁶⁹.

Ссылаясь на разнообразные источники, д.и.н. Н.Г.Волкова пишет, что ислам в Центральном Предкавказье, видимо, был известен еще в XI в., что подтверждается эпитафическими памятниками, выполненными «фигурным куфи»³⁷⁰.

К XI-XII вв. исследователи относят эпитафические памятники в равнинной части Алании, т.е. той, которая была наиболее близка к Дагестану, откуда шел сильный импульс исламского миссионерства. В

нашем случае речь идет о среднем течении р.Кумы, а еще точнее - о районе, где возник город Маджар. В числе памятников письменности «сельджукского периода» - фрагмент надгробного камня с арабской надписью из села Маслов Кут недалеко от Маджарского городища (Рис.).

Рис32 Маджар (Маджары) и его окрестности
(по Н.Г.Волковой)

Данная надпись была выполнена почерком «фигурное куфи», а все арабские надписи, выполненные таким почерком, по мнению специалистов, укладываются в рамки XI-XII вв.

Теми же веками датируется надгробный памятник (в форме длинного корыта) с арабскими надписями из села Федоровка близ Маджара, найденный в 1804 г.³⁷¹

Кстати, маджарская поливная керамика была характерна не только для золотоордынского времени, но и для XI-XII вв.³⁷²

Все это в целом позволяет допускать, что Маджар возник еще до монгольского нашествия. Такое мнение было выдвинуто и научно обосновано еще сорок лет назад³⁷³.

Добавим, что мусульманское («сельджукское») культурное влияние на Северный Кавказ и прилегающие территории фиксируется и после монгольского нашествия». Так., один из корифеев отечественной медиевистики, археолог. Г.А. Федоров-Давыдов еще несколько десятилетий назад отмечал, что «влияние зодчества Азербайджана и сельджукской Малой Азии» на архитектуру Золотой Орды .

Другой археолог старой школы, д.и.н. В.А.Кузнецов сближает не-

которые северокавказские (аланские) исламские памятники архитектуры времен Золотой Орды с образцами на южнокавказской территории державы Сельджукидов XI-XIII вв.³⁷⁵

Э.Д.Зиливинская, исследующая золотоордынское зодчество, включая и памятники Северного Кавказа, также отмечает их аналогии в сельджукидской Малой Азии³⁷⁶.

Добавим, что в империю Сельджукидов входили как Малая Азия, так и Азербайджан, Иран и Средняя Азия.

Очевидно, культурная экспансия с исламского юга не ограничивалась влиянием в сфере материальной культуры. Носители таких культурных веяний, надо полагать, несли с собой и установки собственной религии и иные компоненты духовной культуры. К числу таковых мы относим и навыки арабской письменности, которые на Северном Кавказе, включая и территорию Алании, определенно имелись еще до монгольского нашествия.

Самая западная точка на территории исторической Алании, где выявлен исламский эпиграфический памятник *золотоордынского* времени (XIV вв.) находится в Карачаево-Черкесии. Это южная оконечность *г. Усть-Джегуты*, где, как отмечалось, находилось мусульманское кладбище. Это была стела с вырезанными на ней арабскими письменами³⁷⁷,

Археолог Е.И.Крупнов выявил в *Нижнем Джулате* фрагмент каменной плиты XIV в. с арабской надписью & \ («Аллах»), фотографию которого передал в 1947 г. в Государственный исторический музей (г.Москва)³⁷⁸.

Над входом упоминавшегося мавзолея Кабан-хана имелась каменная плита с вырезанной на нем арабографичной трехстрочной надписью по-тюркски. Г.Ю.Клапрот приводит фрагмент сохранившегося текста с датой: «Кобан-Хан, сын Берды-Бега, в 860 году»³⁷⁹.

Описывая мавзолей *Борга-Каш* (Ингушетия), Л.Л.Штедер в 1781 г. упоминает у входа в ущелье «три камня с арабскими надписями; на одном из них написана фамилия, на другом дата, на третьем – фраза из Корана»³⁸⁰. Надпись над входом мавзолея, согласно Л.И.Лаврову, гласит³⁸¹:

верхняя справа: «*Восемьсот восьмой год*»:

سنة ثمان وثمانية مئة

верхняя слева: «*Постройка ...*»

عمارت سايى تاحلال

нижняя: «Бек Султан б. Худайнад»

بك سلطان بن حدايناد

(808 г.х. = 29.06.1405-17.06.1406)

Кроме того, на территории Кабардино-Балкарии известна арабская надпись с датой 860 г.х. (=1455 г.), помещенная на мусульманском мавзолее³⁸²

На упомянутом выше мавзолее у селенья *Заманкул* (Северная Осетия) помещена была арабская надпись с датой, указывающей на 1347 год³⁸³.

Надписи, сделанные «буквами, напоминающими куфические», на двух из надмогильных камней *Маджара* приводит академик Г.Ю.Клапрот (1807-1808 гг.). Первая из них гласит:

هذا تربق المرخوم المحتاج الي رحمة الله خلد
سينا بن محمد
بن خليل ا... قاش الرو... في تاريخ سنة
سبعة اربعين
و سبعمائة

«Здесь погребено тело умершего, нуждающегося в милосердии Бога в загробной жизни, Сина, сына Мохаммеда, сына Халиля... в 747» году хиджры³⁸⁴ (1346/7 г).

Вторая надпись³⁸⁵:

القاضي المسلمين قاسي
محمد بن تاج الدين
سنة سبعة سبعون و سبعمائة

Перевод Л.И.Лаврова:

*Судья /кади/мусульман строгий
Мухаммад б. Таджаддин.*

Год семьсот семьдесят седьмой (2.06.1375 -20.05.1376)³⁸⁶.

В целом известные к настоящему времени эпиграфические находки (в основном случайные) указывают на то, что письменность - а стало быть, и носители арабском грамотности - появились на территории Алании задолго до монгольского нашествия.

Во времена Золотой Орды распространение письменности было напрямую связано с политикой её правительства, которая благоприятствовала всесторонней исламизации этой трансконтинентальной империи.

Зарождение образовательной системы следует отнести к домонгольскому времени. В хазарской столице при кварталных мечетях (а их, как уже отмечалось, в этом городе было несколько десятков) функционировали школы - *мектебы* — для обучения Корану³⁸⁷. О них упоминают разные письменные источники (*Ибн Русте, аль-Масуди, Гардизи и др.*). Наличие стольких образовательных, пусть и начальных, учреждений позволяет считать тогдашний Итиль крупнейшим в Восточной Европе центром исламского просвещения.

Следует подчеркнуть, что мечеть - и в этом ее принципиальное отличие, например, от церкви - сама по себе выступает не только богослужебным, но и просветительским центром. Верующий не только еженедельно получает представления о своей религии в ходе пятничной проповеди-хутбы, каждая из которых посвящена отдельной теме, но и обменивается последней информацией о жизни общины, обсуждает вопросы политической и социальной жизни своей округи. Традиционно мечеть не только храм, но и своего рода мужской клуб.

К эпохе Золотой Орды можно отнести возрождение и развитие исламской образовательной системы на Центральном Кавказе. Ибн Баттута (1334 г.) упоминает *талибов* (учащихся, студентов) в числе тех, кому покровительствовал золотоордынский хан Узбек. Кроме того в окружении этого государя путешественник упоминает «шейхов, кадиев, правоведов, шерифов, факиров», в числе коих упоминается «почтенный сейид», глава шерифов Ибн Абдельхамид, верховный кади Шихабеддин ас-Саили, кади Хамза, имам Бадраддин аль-Кавами, имам и *преподаватель* Хусамеддин аль-Бухари³⁸⁸.

Упоминание преподавателей и талибов, естественно, указывает на наличие учебных заведений в городах Золотой Орды. Важнейшая роль в их возникновении принадлежит *суфийскому движению*, которое было привнесено сюда с крупнейших для того времени исламских культурных центров Средней Азии. Суфийские обители (ханака, завийа), «как правило, одновременно являлись и начальными школами»³⁸⁹, поэтому в феодальную эпоху они выступали на исламском Востоке просветительскими центрами.

Их функционирование в равнинной части Алании (г.Маджар) известно точно и свидетельство об этом принадлежит самому Ибн-Баттуте. Он остановился в завийа «благочестивого, религиозного, престарелого шейха» Мухаммеда аль-Батаиха, родом/ из Батаиха Иракского», который «был преемником Ахмеда Эр-Рефаи». В этом завийа тогда жили около 70 суфиев /видимо, мюридов шейха/ «араб-

ских, персидских, тюркских и румских женатых и холостых», и, по словам путешественника, «живут они подаяниями». В данном сообщении указывается, что «жители этой страны питают большое доверие к факирам /суфиям/ и каждую ночь приводят в скит лошадей, коров и овец»³⁹⁰.

В Маджар привлекались преподаватели из Средней Азии. Например, оттуда был приглашен алим Иззеддин (или Меджеддин), «один из правоведов и знаменитостей Бухарь». Источник сообщает, что у него «было множество учеников и чтецов, читавших перед ним». Он вел проповеди в соборной мечети Маджара, а перед его возвращением на родину для него, по призыву упомянутого шейха аль-Батаиха, был организован сбор вещей и дорожных припасов³⁹¹.

Именно через суфиев в ислам пришли и западные ветви царственного рода Чингизидов (золотоордынские Джучиды, иранские Хулагуиды и др.).

Так, Берке-хан, согласно источникам, приобщился к исламу еще при жизни своего брата Бату-хана (*Батья* русских летописей). Тогда, пишет автор «Родословия тюрков», Берке «временами по приказу брата совершал путешествия в разные стороны» и однажды «путь его случился» к Бухаре. Здесь он «явился к одному из шейхов (своего) времени и от него удостоился наставления (*талъкин*)». Этим шейхом называют Сайфеддина Бахарзи, который считался «один из великих преемников шейха Наджмеддина Кубра» - основателя-эпонима суфийского ордена *Кубравийа*³⁹².

Другие источники гласят, что будущий хан попал к тому шейху не случайно, а совершил визит преднамеренно. Как пишет Ад-Дахаби в своей «Летописи ислама», в 640-е гг. хиджры Берке отправился из Саксина в Бухару «для посещения» шейха Сейфеддина Бахарзи, причем «простоял у дверей его скита до утра, потом вошел и поцеловал ноги шейха». Тогда же «вместе с ним приняли ислам многие из его эмиров»³⁹³.

По сведениям Элайни, в свое время основатели шейх Наджмеддин аль-Кубра разослал «последователей своих в города великие для установления обрядов мусульманских». В Хорасан был направлен Саадеддин аль-Хамави, в Туркестан - Камаледдин аш-Шарйаки (?), в «Кипчак» Низамеддин аль-Дженди, в Бухару - Сейфеддин аль-Бахарзи.

Последний, «устроившись в Бухаре», отправил к Берке одного из своих учеников, «пользовавшегося у него большим значением». На встрече посланец «поучал его /Берке/, внушал ему любовь к исламу

и разъяснил ему (будущий) путь его». Тогда то Берке и «принял ислам из рук его» (т.е. не от самого шейха Бахарзи, а его посланца).

Затем «захотелось ему /Берке/ почтить шейха чем-нибудь в знак благодарности, и приказать изготовить *пайцзу* (своего рода мандат) «на страну, в которой тот /шейх/ находился, с тем чтобы она «служила на пользу бедным и благочестивцам и на сбор денег её /страны/ для него /шейха/».

Получив пайцзу, шейх спросил у принесшего: «Что это такое?». Тот ответил: «Это будет в руках шейха (служить) для охранения всякого, на котором оно будет находиться». На это Бахарзи сказал: «Привяжи это (пайцзу) к ослу и затем пошли его (осла) в степь; если оно охранить его от гибели (или волков?), то я приму его, но если оно не защитит его, то нет в нем (никакого) прока для меня». Шейх отказался принять дар, а посланный к нему вернулся к Берке и изложил слова Бахарзи.

Тогда Берке лично отправился к шейху в Бухару. Он «три дня простоял у ворот шейха», который «не позволял ему войти к нему, пока с ним не переговорил один из его последователей, сказавший /шейху/: «Это великий царь; он пришел из дальней страны, просит благословения у шейха и /разрешения/ побеседовать с ним; в дозволении ему /этого/ нет ничего дурного».

После этого шейх разрешил войти Берке, который вошел и приветствовал Бахарзи. По тот «был покрыт покрывалом и не раскрыл перед ним лица своего». Берке вложил в руку шейха пищу и тот «поел часть её». Берке, подтвердив свою веру («повторив перед ним свой ислам»), вернулся обратно»³⁹⁴.

Как видим, встреча с шейхом Бахарзи, который подверг Берке испытанию «на гордыню», была подготовлена в результате усилий самого шейха, стремившегося привлечь в ислам столь крупного государственного деятеля, родного внука Чингиз-хана.

Аль-Омари даёт датировку встречи шейха и Берке, сообщая, что этот эпизод был в дни воцарения Мункэ на троне верховного хана империи Чингизидов (1248 г.). Берке, по приказу Бату-хана, во главе 100-тысячной армии утвердил Мункэ на троне /в Каракоруме/, а на обратном пути, «проходя мимо Бухары», остановился в этом городе. Здесь он встретился «с шейхом Шемседдином Аль-Бахарзи», одним «из последователей... Неджмеддина Кубра». После того, как «укрепилась дружба» Берке с шейхом, Бахарзи посоветовал принцу вступить в переписку с сидевшим в Багдаде халифом аль-Мустасимом и «присягнуть ему и послать ему подарки». Берке выполнил совет и с тех они с

халифом стали «посылать друг к другу послов, письма, дары и приношения»³⁹⁵.

Кстати, одной из причин последующей войны между Берке и Хулагу было умерщвление последним аббасидского халифа в Багдаде, пишет Ад-Дахаби (ум. 1348/9)³⁹⁶.

О мистической помощи суфиев Берке-хану имеется следующее сообщение. Он по предписанию шейха Бахарзи отправился «в Дешт-и Кипчак перед Хаджи-тархан с небольшим войском», и «на берегу реки Идилъ произошла встреча с бесчисленным войском Хулагу-хана». Берке одержал победу «благодаря духовной помощи дервишей святого». После этого Хулагу-хан, «который имел намерение (направиться) в Дешт-и Кипчак, бросил свое намерение, повернул назад, ушел в сторону Азербайджана, от сильного огорчения заболел и умер в Тебризе»³⁹⁷.

Привязанность хана к суфиям продолжилась и в последующие годы. Аль-Муфаддаль сообщает о том, что у Берке был «факир (суфий) из жителей Фаюмских» - шейх Ахмед аль-Мисри. *Нисба* этого шейха примечательна (Миср араб. «Египет»)³⁹⁸.

Современный арабский автор А.Аль-Хатиб в своей работе «*Аль-Бутуляту уа-ль-фида'у гъинда-с-суфийати*» («Героизм и освобождение у суфиев», Дамаск, 2000), помимо известного нам шейха аль-Бахарзи, упоминает и *Саидуддина б. ХаммуайН*. Сообщается о книге «Сияющие звёзды», где сказано, что «он был аскетом (за/шд), усердно поклоняющимся (*абид*) Аллаху, говорящим об истине». Этот шейх «боролся за дело Ислама физически и духовно», причем «встречался с правителем татар и изменил его в лучшую сторону». Кроме того, Саидуддин «строил там свои обители (*ханака*)» и «там его принимали с почетом», а «татары продолжали толпами входить в ислам». У Хулагуидов мусульманином стал Газан-хан (1271-1304), который принял ислам «из рук Ибрахима Джувайни, который являлся суфием (722 г.х.)»³⁹⁹. Как видим обе ветви чингизидского дома - Джучиды и враждовавшие с ним Хулагуиды перешли в ислам под влиянием суфийских авторитетов.

Среди тех богословов, которые в то время проповедовали ислам в Золотой Орде называется «ученейший» *Мухтар б. Махмуд б. Мухаммад аз-Захиди аль-Кармини*, или *Неджмедди Абуриджа* (ум.658 г.х. = 1259/60 г.). Последний обучался у хорезмского алима *Юсуфа ас-Секаки* (555-626 г.х. = 1160-1228/9 г.), автора книги «Ключ». Аль-Кармини (вар.: аль-Газмини) сам являлся автором нескольких книг: «Дорожный запас имамов» (законоведение), «Избранное по части ос-

новных правил», «Сборник по части регул и обязательных постановлений», толкование к книге «Мухтасар» аль-Кудурия. Он *и написан* также послание «Насирийа», которое было сочинено именно для Берке-хана⁴⁰⁰.

Летописи называют имена лиц, приобщивших к исламу хана Узбека, в т.ч. «шейха шейхов и мусульман, полюса мира, святого Зенги-Ата» и его преемника - «главнейшего сейида., святого Сейид-Ата», а дату принятия ислама - «в месяцах 720 г. хиджры (1220/1 г.), соответствующего тюркскому году курицы». Именно Сейид-Ата дал хану мусульманское имя «Мухаммад» (полное: султан Мухаммад Узбек-хан)⁴⁰¹.

Узбек-хан лично посещал в Сарае суфийскую обитель имама и факиха, шейха Нуманеддина аль-Хорезми; в том же столичном городе были и другие обители суфиев (напр., благочестивого хаджи Низамеддина)⁴⁰².

Такие завийа, как отмечалось выше, создавались и в кавказских городах Золотой Орды.

Суфийские деятели находились под покровительством Узбек-хана в силу признания их особых духовных заслуг. При поддержке ордынского правительства в этой империи сложилась **интеллектуальная прослойка**, в основе своей - суфийская, в которой ученые совмещали занятия богословием с естественнонаучными (медицина, астрономия) и гуманитарными (философия, логика, правоведение) исследованиями и преподавательской деятельностью.

Так, при Токте-хане и его преемнике известность получил знаменитый ханифитский шейх Алааддин б. Даулетшах б. Али ан-Нуман аль-Хорезми (рл259 г.), который «объехал /разные/ страны, сходиллся со знаменитостями, изучал логику, диалектику и медицину»⁴⁰³.

К числу таких же влиятельных священнослужителей-суфиев с многогранным талантом принадлежал имам *Ибн Иджем*, он же - *Абдурахман б. Абдурахман б. Наср аль-Маусили* (652-730 = 1254/5-1330 г.), уроженец иракского города Мосул, а затем переехавший «в царство Узбек-хана», В Дамаск он вернулся в 724 г.х. (1324 г.), преподавал в школах «Аз-Захирийа Аль-Беранийа» и «Аль-Джарухийа», заведовал завийа «Аль-Каср». Летописи гласят, что «был он шейхом-факихом и врачом». Шейх был похоронен на дамасском «Кладбище суфиев»⁴⁰⁴.

Ко второй половине XIV в. относится деятельность в Золотой Орде таких мусульманских ученых как *Камаладдин ат-Туркмани (ат-Теркали)*, автор комментария на астрономическое сочинение аль-Чагмани (755 г.х.), *ар-Рази аль-Тахтани* (ум.776 г.х.=1374/5 г.), *Ала-*

аддин Ахмед б. Мухаммад ас-Сейрами (ум.790 г.х.^1388 г.), который «учил и давал фетвы в Хорезме, Сарае, Крыму, Тебризе» и позднее он переехал в Каир, где преподавал в школе «Аз-Захирийа Аль-Баркукийа». Кроме того, в Орде упоминаются маулана *Кутбеддин* и сейид *Джелаяеддин* (предположительно Джелаледдин Ахмед аль-Гудждувани) и «другие знаменитости ханифийские и шафиитские». Позднее в ордынской столице на духовном поприще трудились *Хафизеддин аль-Базази* (ум.827 г.х. = 1423/4 г.), *Ахмед аяь-Ходженди* и др.⁴⁰⁵

Исследователями сделан вывод о том, что «развитие астрономии в Золотой Орде в тот период шло на уровне современных стран Востока, откуда и проникали в ее города астрологическая практика и астрономические знания»; в столичных городах Золотой Орды «действовали астрономические обсерватории», при дворе хана Джанибека (1341-1357) упоминаются астрономы⁴⁰⁶.

О развитии в этой мусульманской империи астрономии и геодезии, отмечает Г.А.Федоров-Давыдов, свидетельствуют найденные в ее городах инструменты и их фрагменты (обломки астролябии и квадрантов)⁴⁰⁷.

Просвещенное духовенство той поры оказывало влияние не только на умы населения, но и на политику Золотой Орды. Так, как сообщает персидский источник, поход Джанибек-хана в Северный Иран в 1356/7 г. был совершен по призыву мигрировавшего оттуда в Сарай-Берке шейха Мухйиддина Бердаи⁴⁰⁸. В целом имеются все основания полагать, что в мусульманском духовенстве Золотой Орды доминировали суфийские авторитеты.

Добавим, что благодаря урбанизации «завоеватели монголы быстро растворились в местной тюркской среде», потеряв свой язык. В золотоордынских городах сложился литературный язык, так называемый *тюрки*, ставший официальным языком этой мусульманской империи. Как отмечают наши медиевисты, «изнеженность чувств, тонкий аромат цветов, красота женщин воспевались на этом языке, и вместе с тем в этой литературе было много и демократических мотивов, и выражении народных мыслей и мудрости»⁴⁰⁹.

Южная разновидность этого языка - «северокавказский тюрки» (на кар.-бал., кумык) и ног, яз. *аджам тин*) остался на Северном Кавказе господствующим языком межнационального общения и литературного творчества вплоть до вхождения региона в состав Российской империи.

5.3. Искусство

В лице Золотой Орды последний раз в своей средневековой истории Северный Кавказ оказался в составе трансконтинентальной империи. Прочный её контроль над территориями, устойчивая система управления, безопасность и развития система коммуникаций на определенное время прекратили кровопролитие междоусобиц и межплеменные раздоры. Местные народы получили возможность приобщиться к достижениям современной (для той поры) цивилизации, обрести черты культурных этносов, развивать свой социальный и правовой уклад.

Время убедительно показало тогдашнее преимущество нахождения многонационального Кавказского перешейка в сильном имперском государстве, где каждая незаурядная личность вне зависимости от национальной и расовой принадлежности получала возможность самутверждения на различных ступенях общественной иерархии. Аланы делали успехи не только на военном поприще и в торговле, но и на пути освоения мирового, в первую очередь - исламского, искусства.

Даже советская историография в лице объективных исследователей признавала выдающуюся роль ислама и исламской цивилизации в культурном развитии народов Золотой Орды. Как пишет Г.А.Федоров-Давыдов, именно «в силу ориентации ханов на мусульманство и городской быт среднеазиатско-иранского типа» в Золотой Орде «пышно распускается... яркая урбанистская восточная средневековая культура, культура поливных чаш и мозаичных

панно на мечетях, арабских звездочетов, персидских стихов и мусульманской духовной учености, толкователей Корана и математиков-алгебраистов, изысканно тонкого орнамента и каллиграфии»⁴¹⁰.

Рис.33 Маджар. Фрагмент поливного сосуда.
Эпиграфический орнамент (?)
(по С.Я.Березину и КИ.Нарожному)

В золотоордынский период наблюдается расцвет **прикладного искусства** на Центральном Кавказе. В немалой степени это обуславливалось усвоением ремесленного опыта развитых традиций стран Востока, откуда в ордынские города Центрального Кавказа поступали товары ремесленного производства. Торговля позволяла приобщаться к культурным традициям других стран, что видно на примере находок в Маджаре образцов, например, импортной керамики из Ширвана, Ирана, Средней Азии (Хорезма и южнее его), Китая, Средиземномо-

рья, с Балкан и др.⁴¹¹ Здесь найдены предметы импорта, включавшие «китайские зеркала, селадоновую посуду, фрагменты облицовочных плиток, типа «чини», талькохлоритовую и глазурованную посуду из Хорезма, стеклянные изделия, янтарные подвески, перламутровые ра-

412

ковины» и пр.

Северокавказские города Золотой Орды выступали крупными — по местным масштабам - ремесленными центрами, где трудились и мастера, которые переселились сюда из восточных стран. Результатом такого влияния считается появление здесь технологии *поливной керамики*, которая применялась как в производстве посуды, так и в облицовке архитектурных сооружений - мавзолеев, медресе, дворцов.

В городах Центрального Кавказа появились и функционировали гончарные мастерские, где изготовлялась обычная и поливная посуда, расписные глазурованные изразцы для отделки зданий, простая глиняная посуда (кувшины различных размеров, светильники, *хумы* для воды и зерна, фляги, украшенные «причудливым рельефным узором»), водопроводные трубы. Найдены и печи для обжига квадратных «золотоордынских» кирпичей⁴¹³. Полихромная керамика выявлена в числе предметов материальной культуры, включая мавзолеи Маджара, Ессентуков, Верхнего и Нижнего Джулата и других памятников мусульманского зодчества Алании⁴¹⁴.

Исследование глазурованной и архитектурной облицовочной керамики Маджара позволило прийти к выводу о том, что их местное производство «находилось под сильным влиянием керамической школы Хорезма». Здесь, пишет Э.В.Ртвеладзе, «налицо общность в технических приемах, в составе и цвете глазурей и подглазурных оснований». Кроме того, выявлена и другая, значительно меньшая, группа маджарской керамики, «происхождение которой связано с Азербайджаном и Крымом»⁴¹⁵. Развивая такую же мысль, Н.Г.Волкова отмечает, что у местных мастеров большое развитие получили «традиции изразцового искусства, пришедшие в Предкавказье из Закавказья, Средней Азии и Персии, о чем свидетельствуют находки множества «поливного отделочного кирпича и поливных изразцов различных

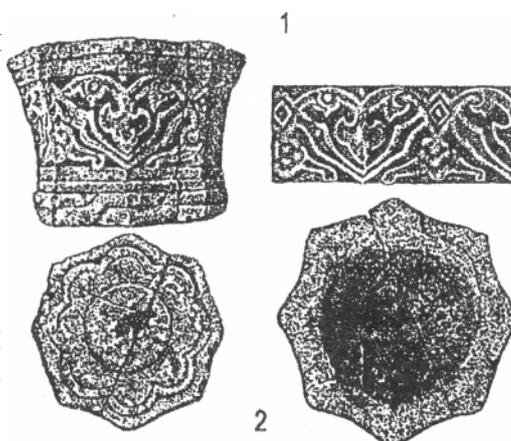

Рис34. Маджар. Ступка. Резьба по камню. Известняк, (по И.В.Волкову)

размеров и формы». Эти изразцы и поливные кирпичи применялись «для украшения жилых домов, мечетей и мавзолеев»⁴¹⁶.

Известно, что «большие общественные здания в золотоордынских городах были покрыты полихромной мозаикой и майоликой», а «в стены рядовых зданий вмазывали обломки изразцов, использовали эти фрагменты и для украшения интерьера». В конечном итоге, в Золотой Орде (и во входящем в ее состав Хорезме «выработался яркий стиль архитектурной майоликовой мозаики», чертами коего были «роскошные узоры синего, бирюзового, ультрамаринового тонов, желтые вставки, белые буквы арабских надписей, желтые и красные цветы» мозаик. В них, «наряду с эпиграфическими орнаментами» встречаются «сложные орнаментальные плетенки и растительные орнаменты». В целом же «декоративные качества золотоордынских мозаик были очень высоки». Помимо мозаики в практике мастеров-керамистов использовалась и майолика, которой украшали те или иные архитектурные формы⁴¹⁷.

Обращает на себя внимание выявление в Маджаре образцов «фаянсовой и глиняной посуды с рельефным орнаментом, вылепленной в деревянных формах». Предполагается, что в здесь изготовлялась штампованная керамика - под влиянием керамической традиции Хорезма, которой такая технология массового производства была характерна в XI-XIV вв. («штампы делались из глины или из камня с довольно сложным геометрическим рисунком»)⁴¹⁸.

Отметим, что в ордынскую эпоху сохранялись и автохтонные традиции керамического ремесла. Не случайно аланские традиции выявлены в ремесленной сфере населения Маджара, которые, очевидно, привнесены были самими аланами. (Примечательно то, что в градостроительстве этого города использовался мрамор, который доставлялся туда из района Теберды⁴¹⁹, т.е. горной зоны западной Алании). Установлено, что в бытовой керамике маджарцев «наблюдаются особенности, говорящие о продолжении аланских керамических традиций»⁴²⁰. Исследователи также отмечают, что группа неполивной керамики Маджара «представляет собой часть массива, развивавшегося на салтовских традициях», т.е. ремесленных традициях салтово-маяцкой культуры, создателями которой были аланы, болгары и хазары. «В основной своей массе это керамика с красным ангобом и лощением, сделанная с помощью спирально-жгутового налёпа»; близкие «технологические традиции развивались в бассейнах Дона и Кубани, по всему Северному Кавказу и Северному Причерноморью, в обеих Болгариях»⁴²¹.

В градостроительстве золотоордынской поры важное значение придавалось и *камнерезному* искусству, произведения которого украшали стены значимых построек. Известно, что в тогдашних городах Центрального Кавказа функционировали соответствующие камнерезные мастерские. В них, например, маджарские мастера изготавливали «резные плитки для украшения богатых зданий и надгробных сооружений - мавзолеев; делали надмогильные плиты с орнаментами и арабскими надписями»⁴²². Местные камнерезы изготавливали и малые формы, как, например, ступы (предположительно, для аптекарских целей), украшенные резным орнаментом (рис 34).

Археологи выявили следы *металлообрабатывающих* мастерских, где местные ремесленники изготавливали орудия труда, оружие, металлическую посуду, замки и т.п. Здесь изготавливались и украшения, а также иные орнаментированные изделия из драгоценных и цветных металлов, о чем свидетельствуют находки каменных литейных форм для отливки украшений⁴²³.

Местными мастерами по металлу, видимо, изготавливались и орнаментированные серебряные футляры для *дуа*., выявляемые в погребениях на территории Алании (Рис. 35).

В городах региона бытовало и *косторезное* ремесло, продукция которых - игральные кости, различные коробочки, ящички, фигурные костяные поделки и пр.⁴²⁴

Выявлены изделия местных мастеров бижутерии, которые изготавливали бусы из горного хрусталя и стеклянные бусы различной формы и цвета, «часто глазчатые, литого стекла, мозаичные»⁴²⁵.

В местных городах имелись ремесленники и других отраслей, о чем свидетельствуют находки в городищах множества орудий труда, включая каменные жернова разных размеров, крупные цилиндрические камни-волокуши для обмолота хлеба, серпы, лемехи, косы, пряслица веретен и грузики и др.⁴²⁶

Относительно освещения сферы *изобразительного искусства* в Золотой Орде на примере центральнокавказских находок мы можем обратиться к изделиям малых форм - к монетам, посуде и т.д.

Сразу же следует подчеркнуть, что в раннем исламе запрет на изображения живых существ не фиксируется какими-либо достоверными

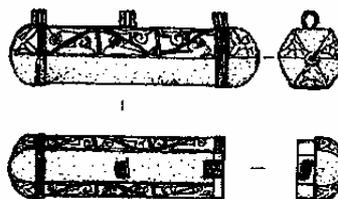

Рис. 35 Футляр для мусульманского амулета (дуа) из могильника XIV в. Серебро. «Сухая Балка» в Северной Осетии (По Е. И. Нарожному)

с научной точки зрения источниками. Наоборот, точно известно, что монеты, содержавшие изображения живых существ, стали выпускаться уже при *праведном халифе Умаре ибн аль-Хаттабе (634-636)* и чеканились до реформы 690-х гг. Они выпускались в виде подражаний монетам соседних держав - Византийской империи и Сасанидского Ирана, что, видимо, имело целью облегчить с ними товаро-денежные связи Халифата, ибо купцы предпочитали пользоваться привычными деньгами. Так вот, на этих монетах помещались портреты иранских и византийских царей, а также традиционные изображения на монетах византийцев (крест на Голгофе) и персов (зороастрийский алтарь огня - *аташдан*). Отличием было то, что халифатские монеты содержали на себе имена Аллаха и Мухаммада⁴²⁷.

Сам факт выпуска таких монет при халифе Умаре I, одном из ближайших сподвижников Пророка, указывает на относительно позднее оформление запрета на изображение живых существ, которого, кстати, нет и в Коране. Кстати упомянутый праведный халиф среди личных вещей имел серебряную курительницу из Сирии с рельефными фигурками людей, причем он пользовался ею не только дома, но и во время пятничных и праздничных молений⁴²⁸.

Кстати, эти очевидные факты указывают на слабость отдельных хадисов в качестве исторического источника.

Специалисты по нумизматике отмечают, что последние предреформенные типы медных и золотых монет Халифата (биты в Сирии, Месопотамии и Омане), несут изображение самого халифа, стоящего в полный рост, в парадной одежде с мечом в руке или на поясе; на реверсе монеты вместо прежнего «византийского» креста выбит *φ*-образный знак или столб с утолщением наверху. А «на серебряных дирхемах, имитирующих сасанидские драхмы, но уже с арабскими надписями, стилизованная фигура халифа заменяет собой аташдан, не нарушая привычной композиции»⁴²⁹.

После реформы на медных монетах (фельсах) продолжали помещать фигуры животных - орла, слона, льва, рыбы, скорпиона, тушканчика, конного всадника⁴³⁰. Известен фельс (предположительно битый испанскими Омейядами) с мужским портретом в шлеме и с бородой, с арабской надписью вокруг «Мухаммад - посланник Аллаха»⁴³¹.

В историографии давно установлено, что «первые определенные свидетельства о неодобрении правоверными богословами ремесла живописца, скульптора или мозаичных дел мастера относятся только к эпохе Аббасидов, начиная с халифов Харуна ар-Рашида и его сына Ма'муна (начало IX в.)»⁴³².

Рис.36 Монета XII в. Сельджукиды – Зенгиды. г.Джазира. 580-е гг.л.х. С территории Алании (с.Майртуп, Чечня) /по В.Б.Виноградову/

этой

мастерам Багдада чеканку золотых и серебряных монето-видных медальонов со своими портретами или полными изображениями в разных позах (во время отдыха, на охоте верхом на коне или восседающими на троне); сохранились также и медальоны с животными сюжетами (орел, верблюд, лев и львица, терзающие антилопу)⁴³³. По случаю женитьбы сельджукидского султана Тог-рул-бека на Сайиде - дочери аббасидского халифа Кайма (1063 г.) в Багдаде была отчеканена золотая медаль. На одной ее стороне было помещено изображение халифа, а на другой - султана⁴³⁴.

Но и при Аббасидах запрет фактически не соблюдался. Халифы из династии заказывали придворным

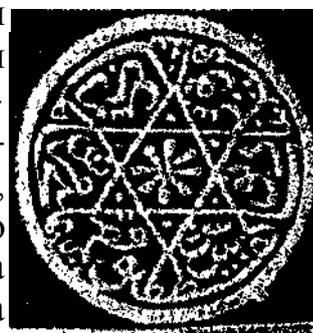

Рис.38 Гексаграмма на турецком клинке (по Э.Г.Аствацатурян)

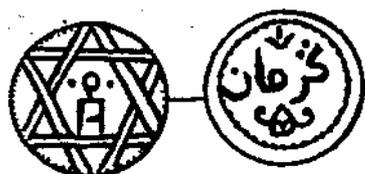

Рис.37 Гексаграмма на джучидской монете. Пул. Медь. (по А.З. Сингатуллиной)

На Центральном Кавказе встречаются монеты мусульманских стран с изображением человеческой головы анфас (напр., монета атабеков Зенгидов, найденная в Чечне) /Рис.36/.

Об изобразительной традиции в нумизматике подробнее см. Приложения 1 и 2 к настоящей работе. Добавим, что изображения живых существ часто встречаются не только на изделиях малой пластики (монеты, медали), но и в зодчестве суннитских стран (Артукидов, анатолийских Сельджуков и атабеков Мосула). В фатимидском, т.е. шиитском Египте и суннитской Сирии эпохи Айюбидов были популярны львы, орлы, козлоподобные существа, драконы, единороги. Например, во дворце Масуда III в Газне были

найлены резные каменные плиты с богатым узором из животных в витках и двумя крылатыми сфинксами по краям; в Рее — горельеф со сценами пиршества, сидящего на троне в окружении придворных правителя, во дворце наместника в Термезе - панели с двухтуловыми одноголовыми львами. В архитектуре Артукидов и анатолийских Сельджуков скульптурные изображения животных открыто использовались и на религиозных зданиях; в медресе в Рее - фриз с толстыми китайского вида фазанами; на башне-гробнице в Харракане (1067-1068) - стоящие друг против друга павлины. Животные в геральдических позах в прикладном искусстве XI в известны *на керамике* Сирии (сосуды *лакаби* и сосуды «sgraffiato», или «champleve») ⁴³⁵.

Сторонники того, что шариат запрещал изображать живые существа, настаивают на своем и указывают на хадисы /рассказы о том, что говорил пророк по тому или иному поводу и как поступал в определенных ситуациях/. Один из таких хадисов

возводят к жене пророка Аише, которая якобы говорила: «Прибыл Посланник Аллаха, а я повесила на брус завесу, на которой были фигуры. Когда Посланник Аллаха увидел ее, то разорвал и сказал: хуже всех людей будут наказаны в день Страшного Суда те, кто подражают творению Аллаха... И сделала я из нее подушку или две». Цитируя этот хадис, ученый совершенно справедливо замечает: а ведь ткань с изображениями, стало быть, в доме пророка все же осталась - пусть и в виде наволочек ⁴³⁶. Такие противоречия в некоторых хадисах позволяют не рассматривать их в качестве бесспорных источников. Вообще-то, хадисы, в отличие от Корана, являют собой продукт человеческих рук, и уже поэтому не могут рассматриваться подлинными учеными-историками как истина в высшей, т.е. Божественной инстанции. Здесь требуется критический подход.

Рис.39 Пентаграмма на джучидской монете. Чекан г.Маджара.
(по

Рис.40 «Узел вечности» на джучидской монете из КЧР. Дирхем. Серебро. Джанибек I (1340-1357).
Фонды КЧМЗ.

Рис.41 «Узел вечности» на надмогильной стеле. Карачай. а.Эльтаркач. 1917 г.

Итак, даже после того, как духовенство формально утвердило такой запрет, он не соблюдался. Доказательство тому - «многочисленные изображения животных и птиц, человеческих лиц и фигур на тканях, посуде, воинской амуниции, в рукописных книгах, на художественных миниатюрах из самых разных уголков мусульманского мира»⁴³⁷.

Особенно много представителей фауны на разменных монетах (медных фельсах) мусульманских стран эпохи средневековья.

Наиболее распространенными знаками джучидских монет XIII в. являлись тамги ханского рода (тамга Бату-хана, т.е. Батыя). На дирхемах встречаются несколько видов тамг (Рис.37).

Различия их связаны, по-видимому, с тем, что ханы, осуществлявшие эмиссию дирхемов, принадлежали к разным ветвям Джучидского дома.

Гексаграмма («Звезда, или печать Давида»), составленная из двух наложенных друг на друга треугольников, вершины которых противоположны друг другу. Этот знак встречается на джучидских медных монетах (Рис.37).

Рис.42 Барс (левый) пуле маджарского (по Э.В.Ртвела

Объясняя причину появления шестилучевой «звезды Давида» на грузинских монетах Д.Г.Капанадзе указывал на то, что она являлась геральдической

эмблемой династии Багратиони, возводившей ^{свою} генеалогию к библейскому царю (Давид) Давиду⁴³⁸. Вряд ли такое объяснение подходит

для джучидских монет, да и не только джучидских, поскольку гексограмма встречается и на среднеазиатских монетах, в орнаменте архитектуры и др.

Гексаграмма является основой защитного дуа «Асхабу-ль-Кахф» (Обладателей Пещеры), которая помещалась на оружии, изготовлявшемся в мусульманских

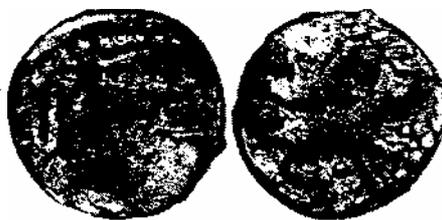

Рис.43 Из монетных находок в Н.Джуглате. Пул с изображением животного (собака?). Медь. г.Сарай (?)
Ист.: Нумизматический форум "Исламская нумизматика" Urus-tegin 3885610.jpeg

странах (Рис.38).

Гексограмма являлась одним из древнейших символов мироздания и выражала философскую идею единства противоположностей: один треугольник обозначал огонь, а другой - воду⁴³⁹.

Этот знак активно использовался в оккультной практике, вышивалась и рисовалась на одежде магов. Шесть лучей гексограмма нередко связываются с шестью «сторонами света»: правой-левой, передней-задней, верхней-нижней.

Рис. 44. Из монетных находок Маджара. Пул с изображением животного (барана?). Джанибек П. Медь. Ист/. Нумизматический форум "Исламская нумизматика. Айасътеп!": 8 11 1042.jp&

На джучидских монетах маджарского выпуска помещалось и изображение другого древнего знака - пентаграммы («звезда, или печать Соломона»), представляющего собой пятиконечную звезду особого начертания (Рис39).

Этот знак также издревле применялся с целью защиты от злых духов, излечения от болезней и т.п.⁴⁴⁰

По некоторым толкованиям, пять лучей означают: 1 луч - Бога, остальные 4 луча четыре стихии, первоэлемента (воздух, вода, огонь, земля).

Любопытно, что перевернутая пентаграмма воспринималась как знак зловещих сил, два луча направленных вверх символизировали рога дьявола.

«Правильная» пентаграмма (с одним лучом наверху) по сей день используется в мусульманской магической практике (в частности, в амулетах-дуа) для излечения больных, отпугивания злых сил и т.п. Встречается он и в символике мусульманских стран (на гербе и флаге Марокко)

Еще одним знаком, который мы встречаем на джучидских монетах (XIУ в.), выявленных на территории исторической Алании, является т.н. «узел вечности» (Рис.40). Данный символ использовался в камнерезном искусстве карачаевцев, размещаясь на надмогильных стелах (Рмс.41).

В золотоордынской нумизматике нашла отражение календарная система, основанная на 12-летнем цикле животного календаря, который возник еще в эпоху Тюркского каганата (У1-У11 вв.). Мы разделяем мнение О.Л.Опрышко о том, что этот календарь у некоторых народов Северного Кавказа утвердился в золотоордынское

время⁴⁴¹. Но не исключаем версию Х.Х.Биджиева, что эти народы впервые могли ознакомиться с циклическим календарем еще в болгаро-хазарскую эпоху⁴⁴². Карачаево-балкарский календарь 12-летнего цикла включает животных в данной последовательности: мышь, корова, тигр, заяц, рыба, змея, лошадь, овца, обезьяна, птица, собака, свинья. Эпоха Золотой Орды оставила ощутимый след в эпосе и фольклоре горских народов Северного Кавказа. Так, согласно исследованиям В.И.Абаева, цикл Батраза в осетинском нартском эпосе обнаруживает «наличие в нем. монгольских влияний», что «дозволяет датировать его окончательное оформление XIII-XIV вв.». Причем в нартском эпосе осетин зафиксировано имя Батыя (Саин-хана) -- «Сайнаг-алдар»⁴⁴³. О том, что город Маджар и джучидский хан Джанибек упоминаются в карачаево-балкарском фольклоре уже упоминалось.

Золотоордынское влияние прослеживается и в денежно-счетной системе народов Кавказа. В первую очередь это касается таких наименований как *сом* (в позднем значении рубль) и *тюмен* (в позднем значении 10 рублей). Кстати, целый ряд денежных терминов в русской денежной системе также имеет ордынское происхождение: *алтын* (монета в 6 денег; от тюрк, «алты» есть), *деньга* (от «тенге»), *пул*⁴⁴⁴.

Таким образом, исследования со всей очевидностью доказывают, что золотоордынское влияние сыграло роль в формировании денежно-счетной системы, календарной системы, эпоса и фольклора народов Северного Кавказа.

Любопытно, что на золотоордынских монетах отсутствуют изображения двух «нечистых» по средневековым представлениям животных - свиньи и мыши, которые имеются в календаре 12-летнего «животного» цикла. Вместо свиньи и мыши изображались соответственно слон и верблюд. Причины того, что именно последние стали «заместителями» первых кроются в воззрениях той эпохи. Согласно бытовавшей у тюрков сказке, объясняющей происхождение этого календаря, собравшиеся в новогоднюю ночь животные договорились, что первый год 12-летнего цикла будет назван именем того животного, который первым увидит на восходе солнце. Верблюд, будучи самым высоким животным, не сомневался, что эта честь будет оказана ему. Но мышь, взобравшись на голову верблюда первой увидела восходящее светило и получила право возглавить цикл. Верблюд же за спесивость вообще не был включенным в число двенадцати животных⁴⁴⁵. Отсюда понятно, почему именно верблюд заменил на джучидских монетах мышь.

Что касается того, что вместо свиньи оказался слон, то это объясняют представлениями той эпохи, согласно которым свинья вышла из кала слона⁴⁴⁶. Все это касается лишь изображений на монетах, а в быту и мышь, и свинья продолжали фигурировать при исчислении лет.

На медных монетах (пулах), битых в г.Маджаре, мы видим изображение животного, очевидно, отряда кошачьих, голова, которого обращена назад (*Рис.42*). Имеются изображения и других животных (*Рис. 43,44*). По-видимому, здесь изображен лев (тигр, барс) ~ один из персонажей циклического календаря.

Эти «фигуранты» джучидской нумизматики связываются с персонажами Зодиака, который был давно известен астрономии мусульманских стран. Среди них: анонимный дирхемы XIII в. с изображением лука и стрелы (знак созвездия *Стрельца*}, двух рыб (знак созвездия *Рыб*}, рогатого бородатого животного (знак созвездия *Козерога*), При хане Узбеке (1312-1339), который сделал ислам государственной религией Золотой Орды, в 737 г.х. были выпущены пулы, на одном из которых (чекан г.Сарая) - знак созвездия *Льва* в виде фигур льва и солнца, а на другом (чекан Хорезма) -- созвездия *Рака* в виде фигуры рака с солнцем в клешнях. Исследователи задались вопросом о том, почему начало 737 г.х. года обозначено двумя зодиакальными знаками. Был сделан вывод о том, что новый год начинался где-то на стыке двух зодиакальных знаков, что устанавливалось астрономическими наблюдениями того времени. Хан Тохтамыш (1374-1398) выпускал самую многочисленную серию медных монет с зодиакальной символикой -- с изображением знаков *Весов*, *Рыб*, *Девы*, *Водолея* (все, кроме Водолея — кувшина с чаркой 788 г.х., даты не имеют). Они чеканились в Хорезме, а также в гг. Сарае, в Новом Сарае, Сарайчике⁴⁴⁷.

Упомянутый мотив льва и Солнца встречается на монетах, найденных на аланских территориях, в т.ч. на монете из Маджара (*Рис.45*), на медном пуле из Рекома (Сев. Осетия), битом в 1336/7 г. при Узбекхане⁴⁴⁸.

Совершенно справедливо З.А.Сингатуллина полагает, что «мотив льва под солнцем является астральным символом» и указывает, что он «впервые появляется на монетах Сельджукидов Малой Азии»⁴⁴⁹. Здесь можно добавить, что позднее изображение льва и солнца стали официальным гербом шахского Ирана, отмененным лишь в 1979 г. в результате революции. Л.Галкин приводит старинную легенду, объясняющую появление мотива льва и солнца на сельджукидских монетах XIII в. Согласно ей, султан из династии румийских Сельджукидов

Гиясаддин Кей-Хосров II (1236-1245), женатый на принцессе Тамар - дочери грузинской царицы Русудан*, пожелал якобы изобразить себя и супругу на монетах. А когда мусульманские богословы воспротивились этому, султан обошел запрет, приказав изобразить себя в образе льва, а жену - в виде солнца. Но это лишь красивая легенда, поскольку, как отмечает упомянутый автор, «39 выпусков этих монет из 40 отчеканены в годы хиджры, начало которых проходило под зодиакальным созвездием Льва»⁴⁵⁰. Таким образом, лев и солнце, изображение которых чеканилось на сельджукидских и джучидских монетах, выступали в качестве символов зодиакального созвездия Льва, а сами монеты чеканены по случаю мусульманского Нового года, наступление которого в то конкретное время приходилось на этот знак зодиака.

Надо сказать, что мусульманской нумизматике не были чужды памятные монеты. Так, в 440 г.х. (1048/9 г.) в аль-Хаусиме шииты выпустили серебряный динар по случаю 400-летия со дня смерти халифа Али, а еще раньше, в 195 г.х. (810/11 г.) был отчеканен дирхем в связи с 50-летием Зубайды — жены знаменитого по «Тысяча и одной ночи» халифа Харуна ар-Рашида. О золотой медали, битой в 1063 г. по случаю бракосочетания сельджукидского султана Тогрул-бека с дочерью халифа Кайма упоминалось выше. Поэтому нет ничего удивительного в том, что на мусульманском Востоке осуществлялась специальная новогодняя эмиссия монет.

В специальной статье, посвященной практике выпуска монет к новому году, сообщается, что еще в IX в. халиф Мутаваккиль (847-861) велел отчеканить однажды 1 млн. дирхемов к новому году по хиджре. В 1315 г., который начался под знаком Зайца по 12-летнему тюркскому циклическому календарю, Осман I (1299-1325), основатель Османского государства, выпустил медные монеты с изображением зайца. В XIX в. в Коканде была отчеканена медная монета с надписью «науруз» - новогодняя⁴⁵¹.

Рис. 45 Из монетных находок в Н. Джулаге. Пул с изображением льва с солнцем. Медь. г.Хаджи-Тархан (?)

Ист.: Нумизматический форум "Исламская нумизматика АИасНеШ: 2718685.jpg%

Как видим, «муллократии» не удалось окончательно внедрить запрет, который не был установлен Всевышним и не предписывался Его пророком. В силу сказанного можно полагать, что монэпиграфичность куфических монет не была связана с запретом изображать живые существа, который в некоторых исламских странах оформился позже.

По-видимому, причина заключалась в другом: теократический характер халифатского государства обуславливал то, что монетное поле, образно говоря, превратилось в поле идеологической борьбы. Монета, как никогда прежде, стала выполнять функции наиболее массового агитационно- пропагандистского средства. Здесь невозможно было (как, например, в христианстве) изобразительным способом отразить единого божества, который в Исламе обрел наивысшую среди монотеистических религий абстракцию.

Поэтому особую значимость обрело письменное слово, и значимость эта возросла до уровня сакрализации его. Письмена с именами Аллаха окружались ореолом святости, их запрещалось бросать под ноги, вносить без футляра или оболочки в отхожие места. Сам Коран должен был помещаться на самом почетном месте жилища, к нему нельзя было касаться без ритуального омовения. Помещая на монетах имя Бога и фрагменты Корана государство ежедневно, ежечасно напоминало человеку о его религиозных обязанностях и духовных ориентирах.

ГЛАВА 6

АЛАНЫ-МУСУЛЬМАНЕ («МАДЖАРЦЫ») В ПАМЯТИ ПОТОМКОВ

6Л. Исторический Маджар

Область Маджар упоминают многие мусульманские авторы и источники золотоордынского времени: Рашид-ад-дин (1310/1 г.) — в связи с походами Батыя; «Аноним Искендера» (1413/4 г.) -• как часть улуса Джучи⁴⁵²; Абу-ль-Фида (XIV в.) - «Ку-Маджар, в Татарской земле называемый Борка» между Дербентом и Азаком⁴⁵³. О сообщении Ибн Баттуты, связанном с городом Маджар, подробнее говорилось выше.

Не желая отвлекаться на языковедческие проблемы, мы обходим вопрос об этимологии термина «маджар». Вкратце укажем лишь на то, что известны несколько *этнонимов* с таким звучанием: племя маджар в «Родословной туркмен» Абу-ль-Гази, XVII в.; народ «мажары» (Молдавия) в русском документе 1657 г.; у казахов - маджар как подразделение племени кипчак (бассейн р.Иртыша)⁴⁵⁴; у узбеков - племя «маджар»⁴⁵⁵ и др.

Предполагается, что город Маджар, располагавшийся по р.Куме, на месте современного г.Буденновска, был назван по имени одного из высокопоставленных ордынских вельмож, получившего в ленное пользование этот район. Такая гипотеза вытекает из полного названия этого города - *Сарай-Маджар* (у Рашид-ад-дина), которое сравнивается с «именными» топонимами ордынских городов - Сарай-Бату, Сарай-Берке (Э.В.Ртвеладзе, 1972). Действительно у Чингизидов был популярен монгольский антропоним Маджар: так звали, например, нескольких потомков Джучи: трех внуков по линии его сыновей Шибана, Шингура, Чимпая, правнука — по линии сына Тангкута.

В правление Узбек-хана (1313-1339) и Джанибек-хана (1339-1357) г.Маджар достиг максимальных пределов. Как и в других золотоордынских городах, здесь не было оборонительных стен, но вокруг го-

рода имелись заставы, посты, именуемые в русских летописях «сторожами» (Никоновская летопись)⁴⁵⁷.

Главная, наиболее крупная и богатая часть города, тянулась по левому, высокому берегу Кумы. Здесь в беспорядке были разбросаны отдельные участки-кварталы, которых даже к середине XIX в. проявлялось порядка 50-ти. К тому времени там же обозначено одно кладбище и 4 основания каменных строений⁴⁵⁸.

Вторая, нижняя часть Маджара (известная позднее как «Кирки») располагалась северо-восточнее, на нижней террасе долины Кумы, где посредством плотин и дамб город защищался от разливов реки⁴⁵⁹. В этом месте располагался торгово-ремесленный район. Сюда, в нижнюю часть города по крутому склону левого берега Кумы вела «широкая лестница, выложенная большими белыми изразцовыми плитами». Она находилась в северной части Маджара⁴⁶⁰.

О развитой торговле Маджара свидетельствует значительное количество найденных здесь монет, подавляющее большинство которых было чеканено при Узбек-хане (1312-1340). По частоте находок затем следуют монеты его предшественника Тохты-хана (1290-1312), а затем - преемника, Джанибек-хана (1340-1357)⁴⁶¹.

Вряд стоит сомневаться в том, что аланы жили в самом Маджаре, в особенности если учесть, что аланский квартал существовал даже в поволжском городе Сарае - столице Орды. Упоминание о Маджаре, приходе (возвращении?) оттуда в горы части предков дигорцев, балкарцев и карачаевцев прочно зафиксировано в фольклоре этих народов, причем в них фигурирует даже имя хана Джанибека (см. ниже).

Выше уже отмечалось, что археологами выявлены аланские традиции в ремесленной сфере населения Маджара, из горной части Алании (Теберды) в этот город привозился мрамор.

Город подвергся погрому во время похода Тимура (1395-96 гг.), но затем жизнь в городе «всё же возродилась», о чем свидетельствуют в значительном количестве монеты XV в. и даже XVI в., найденные среди развалин города. К XVI веку относятся и некоторые надписи на надгробных плитах. «Очевидно, что в XV и XVI веках город или его развалины были обитаемы», заключает Т.М.Минаева⁴⁶². Места находок монет, подражающих монетам Тохтамыша, а также так называемой тимуридской керамики кон. XIV - нач. XV в., позволяет выяснить, что «обживались лишь некоторые участки бывшего торгово-ремесленного предместья и возвышенной части города»⁴⁶³.

В русской «Книге Большому Чертежу», составленной в XVII в. по материалам конца XVI века, говорится: «А по реке Куме, с

правой стороны 7 мечетей татарских *Можаров Юрт* да мечеть по другой стороне реки Кумы *Арак Кешень*»⁴⁶⁴. («Кешень» - видимо, от тюрк. *кешене* «мавзолей»).

Поселение здесь было и в XVII века, в начале которого, как доносит астраханский воевода в Москву (1608 г.), «крымский царь Казы Гирей по Турского царя повелению ставит «город на Можаровом городище блиско Терки, и тот де город немного не доделан, делают де ево восемьдесят мастеров»⁴⁶⁵.

Четверть века спустя, как сообщает другой русский документ (1633 г.) Маджар упоминается в качестве сборного пункта отрядов, участвовавших в походе Большой Ногайской Орды на Казыев улус (Малую Ногайскую Орду)⁴⁶⁶.

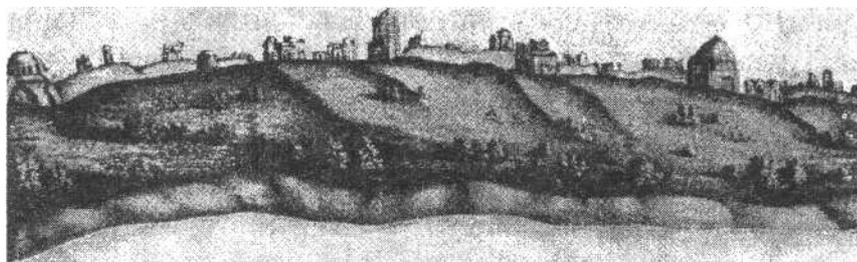
В том же веке Калмыцкий правитель Мончак сообщал, что тарковский шамхал Сурхай «да кабардинские владельцы», равно и «астраханские татары и все вообще мусульмане» установили связь с крымским ханом и азовским пашой. Более того, они «мыслят построить город на крымской стороне на урочище Маджара» для того, чтобы «между Астраханью и Тереком... не было дороги»⁴⁶⁷.

Видимо, город так и не был построен, но в 1667-1672 гг. на Куме появились первые группы казаков-раскольников с Дона, а в 1688 г. рядом с Маджарским городищем примерно около 1,5 тыс. таких беглецов построили земляной городок среди лесов, со рвом, валом. На территории Маджара кочевал калмыцкий хан Аюка (ханская ставка калмыков находилась на Куме у Нижних Маджар и позднее, в 1720-30-х годах)⁴⁶⁸.

Через Маджар проходил путь, связывавший Подонье и Поволжье с Центральным Кавказом. Так, в 1607 г. «через Маджары на Волгу» отправился объединенный отряд «разных татар и казаков до восьмисот», который был нанят «из терских казаков в Татартупе и на Айбулаке» донскими атаманами и татарским царевичем Арпачаем⁴⁶⁹. Русский автор, очевидец турецко-татарского похода к Азову и Астрахани 1677 г., сообщает о прохождении войска «полями Можарскими», где «есть много стен каменных», причем ежедневно «видено бяше по неколику столпов каменных», которые «прежде храмы были». И те войска шли «оними полями Можарскими две недели»⁴⁷⁰. В документе 1777 г. упоминается «Маджарский тракт», по которому «Волжские и Хопёрские казаки вместе с Владимирским драгунским полком выступили в Кавказский край из Царицына»⁴⁷¹.

Путешественники XVIII в. дают сообщения об этой местности. Одним из первых европейцев, видевших её в том столетии, считается

венгерский уроженец Я/. *Туркай*, который перебрался в Россию в 1716 г., стал здесь офицером и служил в форпосте Сулак (Дагестан). О развалинах Маджара на р.Куме он пишет в письме из Астрахани в 1725 г."⁴⁷²

Рмс.46 Маджар XVIII в.
(Ист: НГБолкова Маджары/КЭС, Вып5)

Иоганн Густав Гербер, также служивший на Кавказе в 1720-е гг., пишет, что в том месте, где в р.Куму впадает р.Бирума (совр. р.Буйволы₅) «есть весьма хорошие и приятные поля и рощи и многие остатки древних строений. Особенно видны там остатки разоренного города с хорошим каменными домами и сводами, из которых, так же как и из лежащих между остатками камней, высеченных и частью украшенных резьбой, не что иное заключить можно, как то, что тут был великий и славный город. Эти остатки тамошние соседние народы называют Маджар»⁴⁷³.

Академик-натуралист С.Г.Гмелин (сентябрь 1772 г.) первым дал подробное описание памятников исламского зодчества Маджара. «Развалины сии, - пишет он, - свидетельствуют, что город был велик и великолепен»⁴⁷⁴.

В следующем году академик ИА.Гюльденштедт пишет, что Маджар «содержит на одном месте приблизительно в 400 квадратных саженах приблизительно 50 различных строений из кирпичей»⁴⁷⁵.

Всего учеными той поры фиксируется три кумских Маджара. Так, почетный член Российской Академии наук граф Ян Потоцкий (1798 г.) именуется собственно Маджарское городище «*Большими Маджарами*», а Бургон-Маджарское - «*Малыми Маджарами*»⁴⁷⁶.

Маджарское городище академик Г.Клапрот (1807-1808 г.) назвал «*Средним Маджаром*», а руины зданий в нескольких километрах от него «*Верхним Маджаром*»⁴⁷⁷. Соответственно у него есть и «*Нижний Маджар*», под которым ученый понимает *Бургон-Маджар*

(*Бургон-Маджар*) — в 30 км верстах на Куме к востоку от г.Маджара⁴⁷⁸. Добавим, что Бургон-Маджар отождествляется с историческим г.Новым Маджаром («Джадид Маджар» монетных легенд).

Итак, в золотоордынское время Маджар был крупнейшим городом Северного Кавказа, одной из резиденций самого хана. Уже в то время он прочно ассоциировался у местного населения с великим государством, могущественными правителями и святыми наставниками из обитателей. Это неизбежно вело к сакрализации не только местности (коренное население веками не касалось памятников Маджара), но и самого имени Маджар. С последним стали отождествлять всякий почитаемый архитектурный памятник древности. Еще два века назад Г.Ю.Клапрот подметил, что термин Маджар горцы применяют почти к каждому заброшенному жилищу⁴⁷⁹. Его старший современник П.С.Паллас (1793-94 гг.) пишет, что «на высоких горах около Большого Джинджика», т.е. у р.Большого Зеленчука, на территории нынешней Карачаево-Черкесии, имеется местность «Маджар», называвшаяся у черкесов *Маджар Уна* «дом Маджар»⁴⁸⁰. Известно, что в долине БЗеленчука располагаются строения аланского столицы (совр. Ниж-не-Архызское городище), Также Маджаром сравнительно недавно местное население называло и аланские городища Верхнего и Нижнего Джулатов⁴⁸¹. Под тем же наименованием известно городище на р. Сулак в Дагестане⁴⁸².

В целом сложилось так, что на Северном Кавказе словом *лгаджар*, *мадзар* население обозначало любое каменное заброшенное городище, нередко бывшее *местом поклонения* живших здесь народов /Н.Г.Волкова/. В культовой практике Средней Азии могила того или иного святого, к которой осуществляется ритуальное посещение (*зиарат*), называется *мазар*. Данное название стало отождествляться с термином маджар и, таким образом, произошло фонетическое и семантическое совпадение.

6.2. Маджарцы в карачаево-балкарских и дигорских преданиях

Золотоордынская эпоха прочно запечатлена в памяти населения Кубано-Терского междуречья (исторической Алании). Она отражена, в частности, в преданиях о происхождении части горских народов из Маджара, который нами был неоднократно затронут в связи с различными аспектами излагаемой темы. Рассмотрим фольклорные реликты упоминаний о мусульманах из числа маджарских алан.

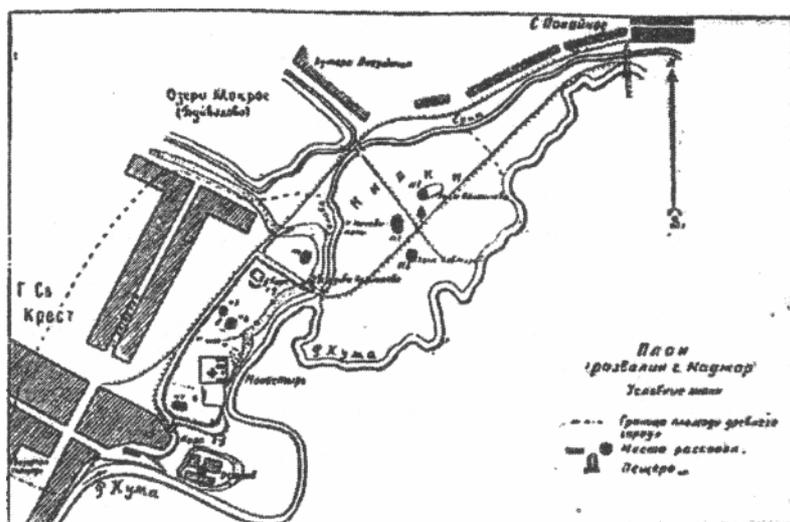

Рис.11. Карта Маджарского городища
(по В.А.Городцову, 1907 г.)

О происхождении *дигорских* князей-баделятов из Маджар первым, кажется, упоминает подполковник Штедер (1781 г.). Он пишет, что «Баделяты были двумя братьями, потомками маджарского хана», которые «после рассеивания Маджар» столкнулись с жителями «спокойных Дигорских долин»⁴⁸³.

О том, что баделяты происходят из Маджар упоминает и Г.Ю.Кларот (1807-1808 гг.)⁴⁸⁴.

В 1865 г. в газете «Кавказ» предание о Баделе публикует К.Красницкий, сообщающий об его огнестрельном оружии, которого в горах никто не знал. Именно применением такого оружия Бадел обрел признание со стороны дигорцев⁴⁸⁵.

Позднее В.Б.Пфаф (1870) указывает, что первым с огнестрельным оружием пришел в Дигорию именно Бадел, из чего делается вывод, что он жил не позднее XV века⁴⁸⁶. Потомками Бадел а считаются тапан-дигорские князья Абисаловы, Битуевы, Кабановы, Караджаевы, Кубадиевы, Тугановы, Чегемовы.

К. Кох также приводит предание о переселении в Дигорию насельников из Маджар на Куме.

Первое упоминание *карачаево-балкарского* предания о происхождении части населения Балкарии из Маджара опубликовано более 200 лет назад. Оно принадлежит Г.Ю.Клароту, который сообщает легенду карачаевцев о том, что они «переселились из Маджара в район, где ныне обитают, до прихода черкесов в Кабарду»⁴⁸⁷.

Относительно балкарцев («бассиан») тот же автор пишет: «Их старики рассказывают, что в давние времена они обитали в степи Кума близ Дона, но когда точно, сказать они не могут, *Их* столица, которая, как говорят, была очень величественна, называлась *Кирк Маджаром*, что на их языке означает «Сорок каменных строений» или «Сорок четырехколесных телег», следуя двойному толкованию, что может быть применено к Маджару. Они утверждают, что руины Маджара, все еще сохраняющиеся, являются остатками этого города». Клапрот поясняет, что «имя бассианов... произошло от главного среди них рода». Речь идет о княжеской сословной группе *басиат* из Верхне-Черекского (собственно Балкарского) ущелья, предок которых носил имя «Басиат». К нему мы вернемся чуть ниже, а здесь упомянем местность «Кирки» в Маджарском городище (Рис. 47), которая, по всей видимости, получила своё наименование от упоминавшегося топонима «Кирк Маджар».

К маджарским истокам балкарцев Клапрот возвращается еще раз: «некоторые племена бассианских татар в высоких горах Кавказа, у истоков Чегема и Череха, утверждают, что они произошли от жителей этого Кирк Маджара»⁴⁸⁹. (*Басиани* — грузинское наименование Балкарии).

Со слов баксанского таубия Мурзакула Урусбиева в 1829 г. предание о маджарском князе записал Ж.Ш. де Бесс⁴⁹⁰,

В 1834 г. И.Ф.Бларамберг повторяет данные Клапрота о приходе карачаевцев на нынешнюю территорию «из Маджар еще до того, как черкесы пришли в Кабарду»⁴⁹¹.

Следующая запись о Маджаре и маджарцах относится к 1883 г. и принадлежит русским этнографам В.Миллеру и М.Ковалевскому. Их информатором был балкарский князь (*таубий*) Абаев, который сообщил предание о том, что из Маджар пришли в Верхне-Черекское ущелье «предки нынешних балкарцев», которые «стали теснить туземцев». Именно во время этих столкновений пришельцев с аборигенами «из Маджар явился в те же места некто Мысака, ставший впоследствии родоначальником некоторых балкарских фамилий».

Поначалу «он со своими поселился отдельно от балкарцев» /пришельцев из МаджараД с которыми «только находился с ними в дружественных сношениях». Лишь затем «балкарцы изъявили согласие признать его своим таубием, если он покорить туземцев». После того, как «ему с дружиной удалось это сделать», Мысака «стал пользоваться среди балкарцев значительным влиянием». После этого Мысака вернулся «к маджарам и привел оттуда с собою своего ленного

властителя Басиата, при котором Мысака в Маджаре состоял узденем»⁴⁹².

Как сообщает тот же информатор, родоначальники балкарских (верхне-черекских) и дигорских князей Басиат и Бадинат были родными братьями, чей отец жил «при Джамбек-хане маджарском» и «быль во враждебных отношениях с своими родственниками». После кончины отца «братьям пришлось выселиться, и они отправились с дружиною в Дигорию». В пути Басиат ехал на коне, а младший брат, Бадинат - на муле /кар.-балк. *къадыр*/. «Подъезжая к дигорскому аулу, младший брат уговорил старшего уступить ему коня», а дигорцы из-за этого приняли Бадината за старшего и «оказали ему больше почета». Обидевшийся старший брат вернулся в Маджар, а младший остался в Дигории (где его именуют *Бадил* \ положив начало тамошним *бадилятам* (князьям). К вернувшемуся в Маджар Басиату прибыл Мысака, который, увидев «стесненное положение», пригласил своего сюзерена в Балкарию, правда, с условием, что будет пользоваться равными с ним правами. Басиат дал начало балкарским князьям Абаевым, Айдабуловым, Джанхотовым, Шакмановым⁴⁹³. От имени прародителя эта сословная группа горских князей Балкарии получила наименование *басиагн*^ а само Балкарское (Верхне-Черекское) общество у соседних грузин стало именоваться *Басиани*.

Позднее В.Миллер публикует предание о том, что Басиат и Бадилят через своего отца Джанибек-хана были потомками Чингиз-хана (по линии его внука - первого хана-мусульманина Берке)⁴⁹⁴.

Версию предания в 1910 г. воспроизвел в своем очерке «Балкария» просветитель Мисост Абаев. Он даёт важное для нас уточнение - у братьев Басиата и Бадилята на вооружении было ружье, что сыграло важную роль. Однажды «враждебное племя угнало у дигорцев скотину, Бадилят пустился в погоню за неприятелем и, догнав его, выстрелил по нему и своего ружья, и неприятель, не имевший понятия об огнестрельном оружии, испугался звука и дыма, происшедших от выстрела, бросил скот и убежал». Бадилят остался в Дигории на правах правителя, а Басиат «решил искать счастья в другом месте, переехав через высокие хребты гор, отделявшие Дигорское ущелье от Малкарского, поехал к малкарцам (балкарцам), где и был принят». Он прибыл к балкарцам «верхом на лошади и с огнестрельным оружием, о котором в то время горцы не имели понятия... Порох в его ружье воспламенялся, и раздавался выстрел, когда он подносил к дырочкам ствола ружья огонь (надо полагать, это было фитильное ружье). Басиат производит сразу такое сильное впечатление на малкарцев, что

они добровольно подчиняются ему...». Отметим, что он появился у балкарцев со своей дружиной. («сопровождали люди, которые ему прислуживали») ⁴⁹⁵.

Предание о том, что из Маджар происходили Басият и Мисака чуть раньше упоминает и *Н. Тульчинский* (1903) ⁴⁹⁶.

В трудах исследователей неоднократно предпринимались попытки идентифицировать «Джанибек-хана маджарского». Некоторые авторы видят в нем золотоордынского хана Джанибека (1342-1357). Другие обращают внимание на упоминание в «Истории Ленг-Тимура и его преемников» (Товма Мецопеци, XV в.) некоего золотоордынского полководца Джанибека, которого хан Тохтамыш направил в Иран. Туда и обратно войска этого Джанибека в 1386 г. проходил через «врата Аланские» ⁴⁹⁷.

Коснемся *этнической принадлежности* маджарцев, упоминаемых в преданиях карачаево-балкарцев и дигорцев. Исходя из приеденных материалов, исследователи полагают, что «правомерность отождествления легендарных Маджар с аланскими городищами предгорной зоны (откуда миграция населения в горы во все исторические эпохи была частым явлением) становится еще более вероятной» ⁴⁹⁸.

Говоря о дигорской и балкарской версиях предания о маджарцах Бадиляте и Басияте, В.М. Батчаев обоснованно полагает, что «обе национальные версии отражают реальные события XV-XVI столетий», а именно миграцию плоскостных алан («маджарцев») в высокогорную зону Центрального Кавказа». Также и осетинский исследователь Ф.Х. Гутнов видит в предании о двух братьях из Маджара (дигорская версия имен: *Бассиат* и *Бадел*) отражение ухода маджарских алан в горы к своим соплеменникам, приурочивая эти события к временам походов Тимура на Северный Кавказ ⁴⁹⁹.

Мы соглашаемся с тем, что пришедшие к горным аланам и подчинившие их фольклорные «маджарцы» это те же аланы, но равнинные, оседлые, частично урбанизированные и потому - более развитые.

Вместе с тем, перед нами встает вопрос о *религиозной принадлежности* «маджарцев», т.е. оседлых алан. Нет никакого сомнения, что Маджар это, в своей основе, мусульманский город, поэтому маджарцы - преимущественно мусульмане. Равным образом мы не сомневаемся и в том, что оседлое (не обязательно) население Золотой Орды из числа вчерашних язычников в целом было исламизировано.

Завоевание исламом прочных позиций в кочевой степи, пишет Д.В. Васильев, и последующее «превращение его в господствующую религию несколько затянулось по сравнению с городами», однако

«уже к середине XIV века всё население Золотой Орды - и городское и кочевое - можно считать в целом мусульманизированным»⁵⁰⁰. (Разумеется, речь идет о населении не вассальных христианских государств типа русских княжеств, а собственно Золотой Орды).

Наше внимание привлекает то, что «устная традиция вполне определено подчеркивает... мусульманское вероисповедание Басиата и его дружины»⁵⁰¹. Иными словами, Басиат и Бадилят пришли в Балкарию и Дигорию соответственно уже мусульманами.

Поэтому естественно будет полагать, что равнинные аланы-«маджарцы» привнесли с собой в горы собственную религию, т.е. ислам. Ведь не секрет, что горские аланы были в основе своей язычниками (отчего, кстати, и получили сокрушительный удар от Тимура). Неудивительно, что пришедшие в горы аланские князья-мусульмане не довольствовались установлением своей власти над горскими соплеменниками, но стремились искоренить здесь язычество.

Естественно, первый удар пришелся по языческой обрядности, связанной с *похоронно-поминальным* культом.

6.3. Исламская обрядность в горах: «маджарский след»

В рассматриваемом аспекте большое значение приобретают некрополи ХГУ-ХУ вв. Балкарии, Карачая и Осетии, т.е. территории исторической Алании. Рассмотрим грунтовые погребения и начнем обзор с Северной Осетии. Археологами отмечается, что здешние могильники «Сухая Балка» и Верхнего Джулата характеризуются явными признаками мусульманского погребального обряда, включая западную ориентировку, разворот погребенных на правый бок, грунтовую яму с подбоем. Эти и другие соображения позволяют археологам сделать вывод о том, что в обоих упомянутых могильниках Северной Осетии похоронены лица, «уже подвергшиеся исламизации». Именно этот процесс обусловил и то, что черты мусульманского погребального обряда появились даже в курганах («с явным и четким разворотом на правый бок», Новопавловский могильник на Ставрополье)⁵⁰².

Носителями новых, уже исламских обычаев на Центральном Кавказе были вначале жители её степной зоны - тюркизирующиеся монголы, куманы, равнинные аланы и др. Часть которых оседала в городских поселениях, но большей частью вела кочевое скотоводческое хозяйство. Эти поселения находились в основном в бассейне Терека, который тогда входил в состав Золотой Орды, а затем её преемницы - Большой Орды (не путать с возникшей позже Большой Ногайской Ордой). Именно этому, преимущественно кумано-аланскому, населе-

нию и принадлежат курганные погребения ХГУ-ХУ веков в бассейне р.Терека⁵⁰³.

В могильнике «Сухая Балка» из юго-западной окраины г.Владикавказа XIV в. археологами был найден серебряный шести-гранный футляр с орнаментом (длина 10,2 см, диаметр 2,4 см) (Рис35). Исследователи знают, что в таких футлярах («амулетницах») размещались фрагменты из Корана, бумажные амулеты (дуа). Поэтому у археологов находки таких амулетниц, которые встречаются в ма-

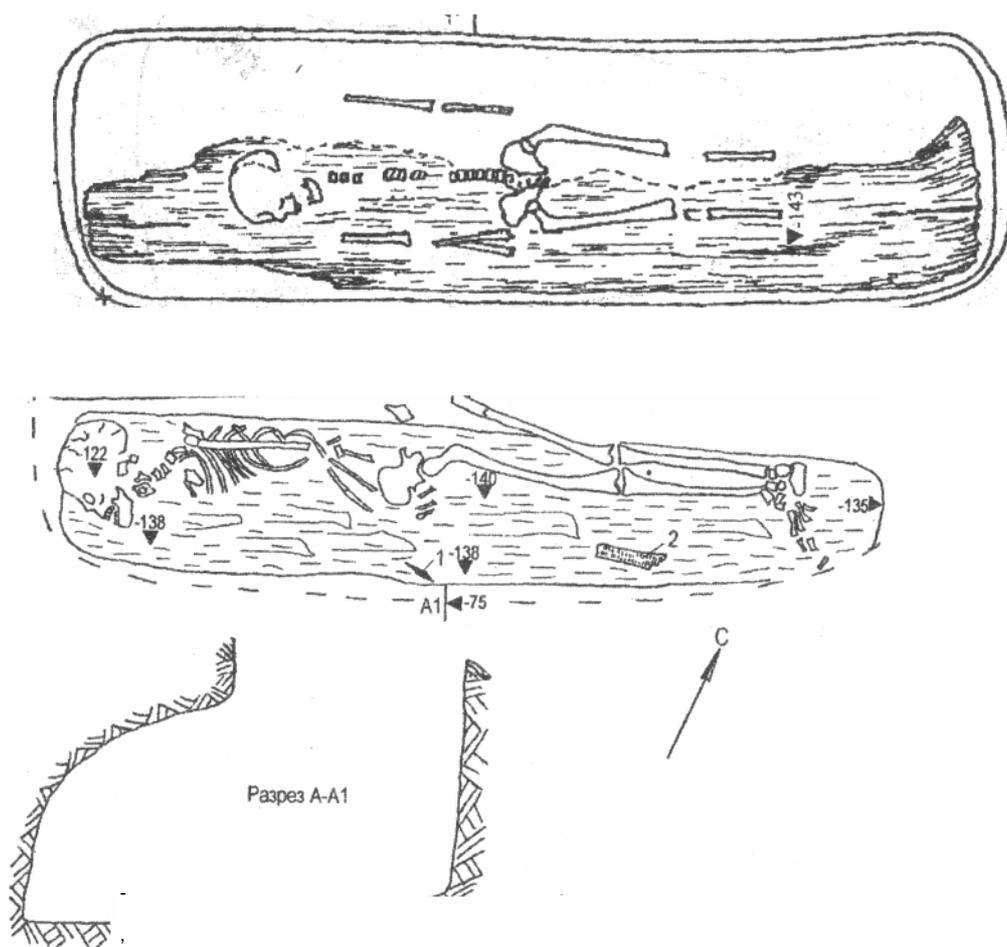

Рис.А8, Погребение мусульманского типа с гробовищем (вверху) и подбоем. Могильник «Сухая Балка», XIV в. Северная Осетия (По Е.И.Нарожная).

териалах, датируемых не ранее ЖКв., справедливо связываются с исламизацией. И рассматриваемая амулетница, как пишет В.И.Нарожный, «может рассматриваться как свидетельство принадлежности её владельца к исламу»⁵⁰⁴,

От себя мы добавим, что в похоронной обрядности горцев-мусульман, например у карачаевцев, практика вложения в саван по-

койника написанного на бумаге «могильного дуа» (*къабыр дуа*) встречалась вплоть до 1990-х гг. включительно.

Касаясь Балкарии, археолог В.М.Батчаев указывает, что примерно на рубеже XIV-XV веков в здешней традиции погребальной обрядности (самой консервативной у всех народов) происходит «явление глобального масштаба». Речь идет о том, что прежние подземные склепы «постепенно вытесняются каменными ящиками и грунтовыми могилами, коллективные захоронения - индивидуальными, инвентарь уже не содержит ни керамики, ни оружия, в ряде случаев меняется ориентировка погребенных, в могилах появляются деревянные гробы и т.д.»⁵⁰⁵

Тот же автор отмечает, что «в подавляющем большинстве случаев комплексы позднего средневековья содержат индивидуальные захоронения с вытянутым на спине труположением», причем «ориентировка погребенных преимущественно западная».

Устанавливаются такие черты погребального обряда как круглые и овальные выкладки на поверхности могил, подсыпка древесного угля⁵⁰⁶.

Много лет изучению позднесредневековых погребений Карачая отдал проф. Х.Х.Биджиев (1939-1999), который проанализировал итоги исследования всех трех типов погребальных сооружений той поры: грунтовых могил (1), курганов (2), мавзолеев-кешвне (3).

В их числе - 125 грунтовых могил двух могильников а.Картджурта

и 11 курганов у этого же селенья, а также мавзолей Картджурта и Эльджурта, принадлежавшие князьям Крымшамхаловым.

Всем трем типам погребений, как подчеркивает Х.Х.Биджиев, «характерно единство погребального обряда»:

- одинаковая ориентировка головой на запад;

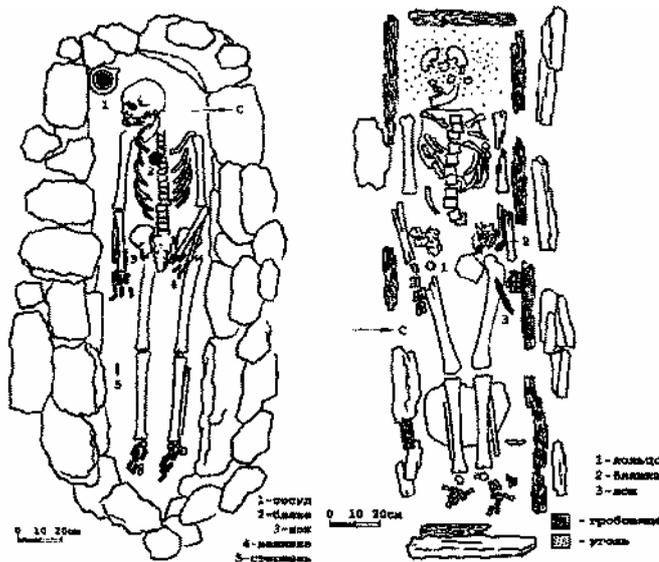

Рис.49. Погребения из Балкарии XIV-XV вв. (по В.М.Батчаеву):
Из Верхне-Холамского (слева) и Ташлы-Талинского могильников

- положение скелета, который вытянут на спине, руки вдоль туловища;

- покойник похоронен в гробу (гробу-колоде)⁵⁰⁷.

Данный погребальный обряд имеет аналогии в позднесредневековых памятниках как КЧР (в погребениях могильника а.Новокувинского, XIII-XV вв.), так и Балкарии (в могильниках Байрым, Курноят, Ташлы-Тала, XIII-XV вв.)⁵⁰⁸ -

Анализ этих памятников привел тогда нашего археолога к выводу о ... неисламском их характере. «Положение и ориентировка покойников, - пишет Х.Х.Биджиев, - наличие инвентаря и гроба-колоды, по нашему мнению, свидетельствуют о том, что данное погребение - до-мусульманское»⁵⁰⁹.

Он отмечает и другие «языческие черты» погребального обряда, к коим относятся:

- наличие инвентаря в погребении (предметов быта, а в женских погребениях - и украшений);

- квадратные, круглые или овальные выкладки камнем на поверхности грунтовых могил;

- наличие древесного угля на дне могильной ямы⁵¹⁰.

Кроме того, Х.Х.Биджиев противопоставлял склепы типа мавзолеев (*кешенё*) мусульманской традиции⁵¹¹.

Позволим себе полагать, что вывод 30-летней давности был, скорее всего, предварительным (отсюда и осторожная оговорка археолога: «по нашему мнению»). На самом же деле, практически все выдвигавшиеся тогда аргументы сейчас уже не имеют убедительной силы для отрицания мусульманского характера погребального обряда позднесредневекового Карачая (и Балкарии). Почему?

Начнем по порядку.

«Наличие гроба». Сейчас северокавказские мусульмане знают лишь один способ погребения: покойник в саване помещается в подбой (нишу) южной стороны могильной камеры, после чего ниша замуровывается досками (реже - плитами), а могильная яма засыпается извлеченным из неё же грунтом. Но, как показывает исторический опыт, гроб вовсе не противоречит исламу и его использования практиковалось в мусульманском мире. Специалисты обращают внимание на то, что, например, «захоронения в мусульманских мавзолеях» во многих регионах Золотой Орды содержали помещение покойного в гроб, а часть мусульманских же погребений не имела подбоя⁵¹². Погребения в гробы выявлены, например, в эссенгукских мусульманских мавзолеях⁵¹³.

«Ориентировка покойников». Вряд ли нужно доказывать, что западная ориентировка и есть мусульманская: по сей день карачаевцы и другие мусульманские народы Северного Кавказа хоронят своих покойников головой на запад - дабы лицом были на юг (к Мекке).

«Положение покойников». И здесь аналог у нынешних мусульман: тело покойного вытянуто на спине, руки - вдоль тела. Когда хоронят в саване, то тело, подсыпая грунт под левую лопатку, слегка поворачивают лицом к югу. Разумеется, когда тело находится в гробу, такое не делалось.

«Инвентарь». В погребениях мусульман долгое время инвентарь бытовал. Так, специалисты (В.А.Иванов, А.А.Бисембаев, Д.В. Васильев, В.А.Кригер) выделяют отличительные особенности *мусульманской* группы захоронений Золотой Орды — «наличие в течение некоторого времени» женских украшений (серьги, перстни), головных уборов «бокка», подвесок (тумаров), встречающихся с монетами сер. XIV - нач. XV вв.⁵¹⁴

Ведущий отечественный специалист по археологии золотоордынского времени Г.А.Федоров-Давыдов указывает, что мусульманские погребения с инвентарем известны во многих городских некрополях Золотой Орды (Маджар; Увек; у Соленого озера; на Царевском городище и др.)⁵¹⁵.

Мусульмане - казахи даже в XVIII-XIX вв. в женских могилах хоронили детали кибитки; более того, они хоронили с покойником и коня, устанавливали на могиле кол с конским черепом, «которому придавали священное значение»⁵¹⁶.

«Угольная подсыпка» В мусульманских захоронениях мечети Верхнего Джулата (золотоордынский период), где погребенные были обращены лицом на Мекку, встречаются: в одном - угли, в другом - инвентарь⁵¹⁷.

«Кирпичные выкладки» на поверхности могил также не противоречат практике мусульманских народов в ранний период исламизации. Так, многие, именно мусульманские погребения в Золотой Орде имели кирпичные выкладки и оградки⁵¹⁸. О каменных выкладках можно привести пример ногайцев, которые приняли еще в золотоордынскую эпоху, в XVII-XVIII вв. обкладывали могилы сородичей камнями на поверхности⁵¹⁹.

Как видим, все «языческие черты» позднесредневековых погребений Карачая (инвентарь, уголь и пр.) находят аналогии в *мусульманских* погребениях эпохи Золотой Орды.

Вообще, следует отметить особую живучесть доисламских пережитков у всех скотоводческих мусульманских народов/Добавим, что «языческие черты» в погребальной обрядности имеются и у нынешних мусульман - чего стоят «состязания» в размерах и роскоши надмогильных стел у современных мусульман Северного Кавказа!

Перейдем к *надземным склепам (мавзолеям)*. Они в домонгольское время не были характерны для Алании (христианский мавзолей X в. из Нижней Теберды единичен, а потому - исключение, подтверждающее правило). Мавзолеи в горной части Алании впервые появились XIУ-ХУ вв.⁵²⁰, а это, как мы уже знаем, период мусульманских государственных образований, Золотой Орды и её преемницы Большой Орды. На их культурное влияние указывают многочисленные данные по истории материальной культуры на территории исторической Алании, прежде всего - Карачая, Балкарии, Осетии.

Так, если исходить из статистики погребальных сооружений *Осетии*, которую даёт археолог Р.Г.Дзаттиаты, то всего в это регионе выявлено 263 надземных склепов, из которых в Дигории - 104, Тагаурии - 70, Куртатии - 49, Алагире - 38, Южной Осетии - 2)⁵²¹.

Обратим особое внимание на то, что 174 таких усыпальниц, т.е. две трети всех надземных склепов приходится на *наиболее истлизированные* осетинские районы (Дигория - около 40%, Тагаурия — 27%).

В то же время на территории христианской Южной Осетии, которая, находясь за Главным Кавказским хребтом, почти не подверглась культурному влиянию Золотой Орды, таких усыпальниц только две. Несложно догадаться, что совпадения эти случайными быть не могут.

Не позднее XV вв. датируются в Балкарии два типа надземных склепов- *прямоугольные* с двухскатной крышей (усыпальница владельцев Усхурского замка, Верхне-Чегемский склеп близ церкви Байрым) и *круглопланные* (напр., у с.Ташлы-Тапла)⁵²². Такие склепы имеются и в Осетии, Чечне и Ингушетии.

Мы разделяем мнение археолога В.М.Батчаева о том, что третий тип усыпальниц - *многогранные* мавзолеи - не были заимствованы теми же балкарцами извне (Азербайджан, Крым и др.). Убедительно напоминание самого В.М.Батчаева о кочевнических склепах, которые упоминает Г.Рубрук (XIII в.)⁵²³. Аргументированным был бы, на наш взгляд, *маджарский источник*, в особенности, если учесть, что тема Маджар в карачаево-балкаро-осетинской истории третье десятилетие успешно разрабатывается самим В.М.Батчаевым.

Ведь установлено, что многогранный тип мавзолеев был характерен для Северной Осетии и Балкарии⁵²⁴, тогда как в соседних Чечне и

Ингушетии таковых нет⁵²⁵ (как, впрочем, и в Дагестане). Разве случайно то, что многогранные склепы характерны именно для тех регионов, с которыми связывается миграция *из Маджара* братьев Басията и Бадилята, мусульман по вероисповеданию? (Кстати, на примере балкарских усыпальниц такого типа археологами отмечается мусульманский характер их погребений⁵²⁶).

Излишне напоминать, что именно в некрополях Маджара, как и других золотоордынских городов, мы впервые и встречаемся с многогранными мавзолеями. В еще большей мере их знали предки нынешних карачаево-балкарцев и осетин довольно, которые усваивали золотоордынскую духовную и материальную культуру в Маджаре, Пятигорье, обоих Джулатах и др.

Балкарские и осетинские феодалы, возводившие своё происхождение к маджарцам, естественным образом могли заимствовать для облика собственных склепов образцы из «усыпальниц предков», тогда еще зримых на руинах соседнего Маджара. Подражание предкам - факт известный в культурной традиции народов всех континентов. Поэтому родиной северокавказских многогранных усыпальниц следует, на наш взгляд, локализовать в Маджаре.

Кстати, прямоугольные и круглые в плане надземные склепы также могли иметь (и, видимо, имели) прототипами именно золотоордынские образцы.

Как видим, анализ некрополей XV-XVIII вв. указывает на их, в общем-то, мусульманский характер. Может, даже раннемусульманский (учитывая переходную обремененность многочисленными «языческими чертами»).

Откуда же пришел ислам в горную часть исторической Алании, на месте которой возникли феодализирующиеся общества Балкарии, Карачая, Осетии?

Появление нового погребального обряда (который мы считаем исламским в своей основе) В.М.Батчаев связывает «с инфильтрацией в местную среду определенных групп инородного населения с более высоким уровнем социального развития», а именно равнинных алан. Мы разделяем данную точку зрения.

Равнинные аланы привнесли в нагорье не только новую обрядность, но и более развитый политический и социальный уклад. Их представители и составили правящую элиту, утвердившуюся у горцев Кубано-Терского междуречья. Совершенно справедливо В.М.Батчаев полагает, что здесь «процесс феодализации наметился не позднее зол о-

тоордыгаского периода, а вовсе не в ХУ1-ХУП вв., как это склонны полагать некоторые историки»⁵²⁷.

Добавим еще один любопытный факт. По легенде, которую приводит П.С.Паллас (1793-94 г.), конец Маджара местным населением связывается с нашествием пауков (маджарцы «были изгнаны отсюда великим множеством тарантулов»⁵²⁸). В этой связи обращает на себя внимание то, что в карачаево-балкарском нартском эпосе бытует сказание о пауках-людоедах, с которыми боролся витязь Сосурук. В нем говорится, что те пауки были величиной с корзину и плели паутину, толщиной с аркан; обитали они в краю Тызыл, в местности под названием Кердеуюклю». Там есть возвышенность Шаушюгют, огражденная глубокими ущельями, где «до сих пор лежат кости и черепа людей, которых сожрали эти пауки»⁵²⁹. Уникальность этого сказания уже подчеркивалась исследователями⁵³⁰, а для нас в нем важно то, что «мотив пауков» принадлежит именно тому народу, у которого бытует предание о происхождении из Маджара, «погубленного пауками».

Безусловно, маджарские истории элементом материальной и духовной культуры в горцев, «маджарский цикл» в горском фольклоре требуют и дальнейшего, всестороннего изучения, которое, как мы надеемся, выявит новые грани данной исследовательской темы.

Маджар, этот некогда знаменитый центр средневековой мусульманской культуры Северного Кавказа с бесценными памятниками средневекового зодчества был уничтожен в ходе колонизации региона. Академик Г.-КХ Клапрот прямо обвиняет в этом царского наместника на Кавказе. «Их полный снос... должен быть приписан в особенности графу Павлу Сергеевичу Потемкину, приказавшему разрушить самую большую часть строений, в его времени еще сохранившихся». Он использовал маджарский кирпич на постройку города и крепости Екатеринограда⁵³¹.

После того, как в 1780-90-х гг. в долине р.Кумы начали появляться деревни поселенцев, местный «мамайский» кирпич стал использоваться ими для строительных целей. Если в 1780 г., по данным академика П.С. Палласа, в Большом (Верхнем) Маджаре было 32 постройки⁵³², то в 1786 г., когда он побывал здесь вторично, то увидел здесь только 6 зданий, а остальные были уже разрушены⁵³³.

В XIX в. поселенцы появились среди самих развалин Маджара, где основали город Святой Крест (совр. Буденновск). Они продолжили разбирать на строительный камень мусульманские мавзолеи и остатки мечетей. Именно из кирпича маджарских построек была построена

армяно-грегорианская церковь в городе Святой Крест (Г.Н.Прозрителев), а в фундамент православной церкви в русском селе Прасковья было положено «более 400 камней с надписями». Как пишет Т.М.Минаева, «надгробные плиты использовали в качестве ступеней у входных дверей». Из кирпича маджарских построек строились здания и в другом близлежащем селе - Покойном⁵³⁴.

Справедливости ради надо сказать, что так колонизаторы относились не только к мусульманским, но даже к древним христианским памятникам местной культуры. Служители царской РГЦ уничтожили первоначальный облик столицы Алании -- Нижне-Архызского городища. До прихода РГЦ в Нижний Архыз здесь фиксировалось 105 сооружений, но они были уничтожены, говоря словами В.А.Кузнецова, «слугами божьими», после чего из 11 -ти храмов и церквей сохранилось лишь 4⁵³⁵,

Как видим, новоявленные «цивилизаторы» в лице довольно просвещенных колониальных графов, генералов и клерикалов уничтожали то, что веками свято берегли неграмотные в своей массе «туземцы-басурманы»...

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Завершением данной работы, безусловно, не исчерпывается тема исламизации Северного Кавказа, в частности, центральной его части. Наоборот, наше обзорное исследование направлено на то, чтобы эта тема получила специальное и комплексное рассмотрение на основе материалов, еще не введенных в научный оборот. Едва ли можно сомневаться в том, что большинство источников по настоящей проблеме - и документальных, и археологических, - еще не выявлено, а значительная часть выявленных научной общественности недоступна.

Искренне надеемся, что наш небольшой труд в какой-то мере поможет преодолеть негативное отношение к исламу, которое в отечественной историографии имеет долгую историю, причем оно проявлялось как в царское время, так и в советский период. Не избежали заблуждений и крупные кавказоведы нашего времени. Например, д.и.н. В.А.Кузнецов в своей - изданной еще в 1977 г. - популярной книжке «В верховьях Большого Зеленчука» даёт оценку роли двух мировых религий на Северном Кавказе. Вот что он пишет об исламе: эта религия сыграла «*столь отрицательную роль* в истории многих северокавказских горцев» (С. 14-15). Ни одного слова о культурном вкладе ислама в горскую среду, куда проникали арабская письменность, образы и сюжеты классической литературы мусульманского Востока, традиции мусульманского зодчества и т.д. А вот как представляет тот же почтенный автор христианство: оно «сыграло и *прогрессивную роль*: христианская церковь выступала носителем передовой средневековой культуры в таких ее проявлениях, как архитектура, живопись, музыка, прикладное искусство, письменность» (С.49)⁵³⁶. Такой подход вызывает искушение полагать предвзятость упомянутого автора. Что это, принцип «моя вера - светоч, а их - басурманская темень»? А ведь опытный кавказовед хорошо знает о том, какие передовые традиции привнёс ислам на Кавказ: Владимир Александрович издал нескольких публикаций по памятникам мусульманского зодчества

Алании золотоордынской эпохи (и здесь мы использовали эти публикации).

Следует отметить и характер некоторых положений, выдвинутых в недавней монографии А.А.Глашева, посвященной истории Хазарии. В этом большом, содержательном и, в общем-то, полезном труде, которому одним из авторов этих строк уже давалась научная рецензия⁵³⁷, вопрос об исламизации полиэтничной Хазарии (которую населяли и алано-асские племена) затронут частично. Имеются интересные моменты, которые заслуживают внимания. Но, в то же время, мы не можем разделить позицию данного автора, именующего оседлый Юг (читай: исламский мир) «консервативным», а кочевой Север (читай: Великая Степь) - «свободным»⁵³⁸. Если мы правильно поняли отождествление Севера и Юга, то однозначность указанных оценок вряд ли уместна. Она опровергается самой историей, хорошо знающей кочевые деспотии, далеко не заслуживающие возвышенных характеристик Степи. А с другой стороны, сам за себя говорит и факт того, что именно мусульманскому Югу, якобы консервативному, принадлежат основные, наиболее прогрессивные достижения астрономии, математики, медицины, философии средневековья. Тех самых достижений, на которых училась веками Европа. Разве есть среди представителей кочевой Степи лица, равные исполинским фигурам ученых, мыслителей Юга как Бируни и Авиценна, Хорезми и Аверроэс, Газали и Руми и др.? И кто найдет среди персоналий «свободного Севера» равных таким титанам мировой литературной классики как Фирдоуси и Низами, Омар Хайям и Саади, Джами и Рудаки, Насими и Навои? А ведь они происходили с Юга, т.е. из оседлой, земледельческо-городской среды иранских и тюркских народов. Излишне напоминать, где в хазарское время располагались мировые центры просвещения и искусств, наук и ремесел. Как представляется, апология кочевого мира должно иметь свои пределы, обозначенные вехами, прочно устоявшимися в академической науке.

Тем не менее, «консервативный Юг» реально существовал. Везде и всегда оплотом консерватизма выступают замкнутые, автаркичные районы ойкумены. В нашем случае необходимо перенести внимание на просторы Центрального Кавказа, т.е. исторической Алании, где «Юг» -- нагорье, а «Север» - степная и предгорно-равнинная зона. Здесь оседлый характер горских поселений сам по себе не имеет никакого значения: и в домонгольское, и в золотоордынское, и в царское время оседлые поселения имелись как в горах, так и на равнине рассматриваемого региона. Но оседлость на плодородной и обширной

плоскости вовсе не тождественна оседлости в «каменных мешках» горных теснин.

В первом случае («Север») зарождаются, развиваются и расширяются поселения (в т.ч. и городские), где можно жить более-менее полноценной жизнью, неуклонно увеличивать прибавочный продукт, расширять поселенческий и хозяйственный ареал. Равнинные жители, как правило, были теснее горцев связаны с развитыми странами той поры, поэтому равнинные жители раньше горцев осваивали достижения цивилизации своего времени, раньше приобщались к культурным инновациям. У них быстрее шел рост численности населения (позволяли просторы!), а демографическое преимущество тогда, как правило, оборачивалось военно-политической доминантой.

А во втором случае («Юг») каждый год оборачивается битвой за выживание перед стихией селей и лавин, опасностями ранних зим и поздних вёсен, перманентным недостатком зерновых для людей и корма для скота. Не случайно именно у горцев бытует выражение: «Восхваляй горы, но выбирай равнину». Горы никогда не могли обеспечить потребности нормальной системы жизнеобеспечения, устойчиво расширенного воспроизводства. Здесь никогда не производилось прибавочного продукта в таком объеме, чтобы качественно изменить к лучшему уклад своего материального и духовного бытия. Веками не менялась производственные техники и технологии, привычки и навыки, обряды и ценности. Поэтому «Юг» действительно выступал оплотом консерватизма и уступал динамичным обществам «Севера». И эту картину мы видим не только на Кавказе, но и практически во всех горских культурах нашего материка, будь то в европейской Албании или азиатском Таджикистане.

Соотношение удельного демографического веса «северян» и «южан» в Алании не носило постоянного характера. В мирное время больше было первых, в годы усобиц - вторых. Установление власти централизованного золотоордынского государства и безопасности равнинных коммуникаций обусловили миграцию значительной части аланского населения из гор на плоскость. Здесь на местах старых аланских городищ (напр., Верхний и Нижний Джулаты) и на совершенно новых местах (напр., Маджар) возникали поселения, где развитие получили земледелие и ремесла. Конечно, в период Смуты («Великой замятии»), походов Тимура и других потрясений шел уход населения в спасительные горы. Но со стабилизацией ситуации они возвращались на равнину, где возрождали жизнь. Аланский «Север» всегда был культурнее, развитее аланского же «Юга».

Так было вплоть до падения последнего чингизидского государства - Большой Орды на рубеже XV-XVI вв., когда равнина вновь и на несколько веков стала опасной для прочной оседлости. Тогда «этнополитическая ситуация на Центральном Кавказе изменилась коренным образом», поскольку, как пишет В.М.Батчаев, «балкаро-карачаевцы и осетины - немногочисленные остатки некогда могущественных ирано- и тюркоязычных племен, оказались запертыми в теснинах Большого Кавказа, почти изолированных от внешнего мира». Это имело для них печальные последствия, так как «территориальная расчлененность отдельных локальных групп, изоляция их от равнины и отсутствие жизненного пространства обусловили крайне замедленные темпы» целого ряда процессов - демографических, социально-экономических, культурных, этнополитических⁵³⁹.

Освободившиеся равнины бассейна Терека не стали безлюдными, их освоил другой мусульманский народ - кабардинцы. Как пишет д.и.н. Е.И.Нарожный, «переселение предков современных кабардинцев на Северный Кавказ могло произойти в промежуток времени с 1480-х годов по 1500 год»⁵⁴⁰, т.е. именно тогда, когда разваливалось государство чингизида Ахмат-хана и его сыновей (Большая Орда).

Примерно тогда же кубанская часть бывшей Алании (к востоку от р.Большой Лабы) начинает заселяться этническими мусульманами из числа ногайцев, абазин и бесленеевцев.

Иными словами, уход с исторической сцены Золотой и Большой Орды, изменения этнической карты не приводят к принципиальным изменениям конфессионального плана. Как и во времена Узбек-хана, эти территории столетиями оставались «исламским пространством» (*дар уль-ислам*) в лице новых поселенцев, господствующей религией которых выступал ислам. Такая ситуация на Тереке и Кубани не менялась вплоть до Кавказской войны, когда карательные походы царских колонизаторов и трагический исход большей части коренного населения сделали мусульман здесь конфессиональным меньшинством.

От Редакции

¹ Кокиев Г.А. К вопросу о происхождении и времени расселении балкарцев и карачаевцев на нынешней территории //Социалистическая Кабардино-Балкария. - Нальчик, 1941. - 28 января

² Кузнецов В.А. Аланские племена Северного Кавказа. Материалы и исследования археологии, вып.№106. - М., 1962. - С.132

Вместо введения

³ Ковалевская В.Б. Кавказа и аланы. М.:Наука,1984. С.7

⁴ Новосельцев А.П. Хазарское государство и его роль в истории Восточной Европы и Кавказа (Гл.5. Хазария и народы Кавказа и Восточной Европы. 1. Арабо-хазарские отношения и Кавказ)

⁵ Иосиф Флавий. Иудейская война. – Минск:Беларусь, 1991. – С.435

⁶ Иванов А.И., История монголов (Юань-ши) об асах-аланах// «Христианский Восток». – СПб, 1914. –т.II, вып. III- С.282

⁷ Алемань, Агусти. Аланы в древних письменных источниках. - М.:”Менеджер”, 2003. - С.506-507

⁸ Прокопий из Кесарии. Война с готами. – М., 1950. – С.381

⁹ Из нового списка географии, приписываемой Моисею Хоренскому. Пер. К.Патканова// Журнал Министерства народного просвещения. – 1883, март.- С.30

¹⁰ Батчаев В.М. Балкария в XV - начале XIX вв. – М.,2006. – С.164

¹¹ Васильев Д.В. Погребальные памятники центральных областей Улуса Джучи: к вопросу об исламизации населения Золотой Орды. Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. Казань, 2007.

Глава 1

¹² <http://www.fandag.ru/forum/5-403-1>

¹³ Гараева Н.Г. О дате принятия ислама хазарами // Языки духовная культура и история тюрков: традиции и современность. - Т. 3. -Казань, 1992. – С.213-218.

¹⁴ Подробнее о Хузайфе см.: islam.uz

¹⁵ Алемань, Агусти. Аланы в древних письменных источниках. - М.:”Менеджер”, 2003. – С.355

¹⁶ Там же, С.356

¹⁷ Новосельцев А.П. Хазарское государство и его роль в истории Восточной Европы и Кавказа. Гл.5. (ссылка: Ат-Табари. Тарих ар-русуль ва-л-мулук. Сер. 1. С.2663)

¹⁸ Новосельцев А.П. Указ раб. (ссылка: Ат-Табари. Тарих.., Сер. 1. С. 2664-2665)

¹⁹ Артамонов М.И. История хазар. 2-е изд. – СПб: Изд-во «Лань»,2001. – С.325

²⁰ Алемань, Агусти. Указ раб. , С.356

²¹ Новосельцев А.П. Указ раб.

²² Там же

²³ Там же. См. также: Миллер, Август. История ислама., С.371, 372; Аликберов А.К. Эпоха классического ислама на Кавказе. Абу Бакр ад-Дарбанди и его суфийская энциклопедия "Райхан ал-хака'ик" (XI-XII вв.). – М.:Вост. лит., 2003. – С.102, 103, 218

²⁴ Миллер, Август. Указ раб. С.317, 318

²⁵ Большаков О.Г. История Халифата. Т.I. Ислам в Аравии. 570-633. – М.:Наука. Гл. ред. вост. лит.,1989. - С.223

²⁶ Алемань, Агусти. Указ раб. С.355

²⁷ Артамонов М.И. Указ раб. С.282 прим.747

²⁸ Там же, С.268,

²⁹ Новосельцев А.П. Указ раб. (ссылка: Ибн ал-Асир. Указ. соч. Каир, 1934, Т. 4. С.113)

³⁰ Там же. (ссылки: Ат-Табари. Указ. соч. Сер. 2. С. 1217; Ибн ал-Асир. Указ. соч. Т. 4. С. 119)

³¹ Артамонов М.И. Указ раб. С.285-287

- ³² Там же, С.284 прим.759, С.289 (Ибн аль-Асир)
- ³³ Алемань, Агусти. Указ раб. С.356
- ³⁴ Там же, С.344; 355; Артамонов М.И. Указ раб., С.288-289
- ³⁵ Алемань, Агусти. Указ раб., С.355; Артамонов М.И. Указ раб. , С.290
- ³⁶ Артамонов М.И. Указ раб. С.290, 291, 292
- ³⁷ Алемань, Агусти. Указ раб. С.355; Артамонов М.И. Указ раб., С.293
- ³⁸ Артамонов М.И. Указ раб. С.294, 295, 297 (здесь также прим. 807). 298-299
- ³⁹ Артамонов М.И. Указ раб., С.300
- ⁴⁰ Алемань, Агусти. Указ раб., С.355, 356; Артамонов М.И. Указ раб., С.301-302
- ⁴¹ Алемань, Агусти. Указ раб., С.330-331 (ссылка: Аль-Баладури, Ахмад б. Яхья б. Габир б. Дауд» /+892/, Китаб футух аль-булдан («Книга завоеваний стран»)
- ⁴² Артамонов М.И. Указ раб., С.300
- ⁴³ Артамонов М.И. Указ раб., С.307, 308
- ⁴⁴ Алемань, Агусти. Аланы..., С.357
- ⁴⁵ Алемань, Агусти. Аланы..., С.416
- ⁴⁶ Артамонов М.И. Указ раб. С.442
- ⁴⁷ Алемань, Агусти. Указ раб. С.347
- ⁴⁸ Малахов С. Н. К вопросу о локализации епархиального центра в Алании в X-XI вв. // Аланы: Западная Европа и Византия. Владикавказ, 1992.
- ⁴⁹ Гарасва, Н.Г. Указ раб. , С.213-218
- ⁵⁰ Гумилев Л.Н. Открытие Хазарии. – М.:Рольф,2001. – С.290
- ⁵¹ Биджиев Х.Х. Тюрки Северного Кавказа.- Черкесск,1993. – С.104
- ⁵² Там же, С.103, 104
- ⁵³ Кузнецов В.А. Очерки истории алан. – Владикавказ: «Ир», 1984. С.111, 112
- ⁵⁴ Аликберов А.К. Эпоха классического ислама на Кавказе. Абу Бакр ад-Дарбанди и его суфийская энциклопедия "Райхан ал-хака'ик" (XI-XII вв.). – М.:Вост. лит., 2003
С.480, 481
- ⁵⁵ Артамонов М.И. Указ раб., С.312
- ⁵⁶ Там же, С.321, 332
- ⁵⁷ Алемань, Агусти. Указ раб., С.331
- ⁵⁸ Артамонов М.И. Указ раб., С.335
- ⁵⁹ Там же, С.345, 346
- ⁶⁰ Емельянова Н.М. Мусульмане Осетии: На перекрестке цивилизаций: Монография. - М.: 2003. - 359 с.
- ⁶¹ Туаллагов А.А. Христианство и аланы Северного Кавказа //ossethnos.ru/history/8-xristianstvo-i-alany-severnogo-kavkaza.html
- ⁶² Алемань, Агусти. Указ раб., С.326-327
- ⁶³ Алемань, Агусти. Указ раб., С.325
- ⁶⁴ Артамонов М.И. Указ раб., С.313
- ⁶⁵ Артамонов М.И. Указ раб., С.64
- ⁶⁶ Алемань, Агусти. Указ раб., С.325
- ⁶⁷ Алемань, Агусти. Указ раб., С.326
- ⁶⁸ История Ширвана и Дербенда X-XI веков. М. Издательство восточной литературы. 1963 (пер. С. Г. Микаэлян)

⁶⁹ Выписки из Ибн-эль-Атира о первом нашествии татар на кавказские и черноморские страны с 1220 по 1224 год// Ученые записки Императорской академии наук по первому и третьему отделениям. – СПб, 1854. – т.II. – С.659

⁷⁰ Аммиан Марцеллин. История// Латышев В.В, Известия древних писателей греческих и латинских о Скифии и Кавказе. – СПб, 1906. – т.II, вып.2.- С.339

⁷¹ Менаандр Византиец. Продолжение истории Агафиевой// Византийские историки. – СПб, 1860. – С.420

⁷² Алемань, Агустин Указ раб., С.347-348

⁷³ Алемань А. Указ раб., С.326

⁷⁴ Алемань, Агустин. Указ раб., С.327

⁷⁵ Коновалова И.Г. Восточная Европа в сочинении ал-Идриси. – М.: ИФ "Восточная литература" РАН, 1999. – С.170-171

⁷⁶ Новосельцев А.П. К истории аланских городов. - Материалы по археологии и древней истории Северной Осетии. Орджоникидзе, 1969. – Т.2, С.133-135

⁷⁷ Коновалова И.Г. Указ раб., С.176

Глава 2

⁷⁸ Магомедов М.Г. Образование Хазарского каганата. М.:Наука,1983., С.198

⁷⁹ Федоров М. О покупательной способности дирхема и динара в Средней Азии и сопредельных с нею странах в IX-XII вв. //Советская археология. М., 1972. №2. С.74-76

⁸⁰ Кузнецов В.А. Очерки истории алан. – Владикавказ: «Ир», 1984.С.53

⁸¹ Соловьев С.М. Сочинения. М.:Мысль,1988. Кн.1, С.153, 157, 302 прим. 222

⁸² Грамм Михаил. История цивилизации в зеркале мер, единиц и денег. – М.:Аркаим,2004. С.81

⁸³ Тебуев Р.С. Зарождение промышленности в Карачаево-Черкесии (40-е годы XIX в. – 1917 г.). – Черкесск, 1975. С.50, 67, 68

⁸⁴ Чеченов И.М. Древности Кабардино- Балкарии. – Нальчик, 1969. С.96

⁸⁵ Дзагуров Д.А. Изучение и планы эксплуатации горных богатств Осетии в XVIII веке //Известия Северо-Осетинского НИИ. Орджоникидзе,1940. т.IX. С.172,174

⁸⁶ Рубцов Е. Золото к скифам поступало с Кавказа //Северный Кавказ. Нальчик,1998. №28

⁸⁷ Постановление президиума правительства КЧР №211 "О порядке лицензирования золотодобычи на территории КЧР" 19 августа 1996 г.

⁸⁸ Рубцов Е. Указ. раб.

⁸⁹ Газ. «Къарачай». - Черкесск, 1997. –12 июля /на кар.-балк.яз./

⁹⁰ Российская газета. Экономка Юга России. – 18.09.2007

⁹¹ Там же

⁹² Гадлю А.В. Этническая история Северного Кавказа IV-X вв. Л.,1979. С.129-131

⁹³ Гумилев Л.Н. Древние тюрки. М.,1993. С.159

⁹⁴ Магомедов М.Г. Указ. раб. С.189

⁹⁵ Петрухин В.Я., Раевский Д.С. Очерки истории народов России в древности и раннем средневековье. М. 2004 <http://stepnoy-sledopyt.narod.ru/history/pr/hhk.htm>

⁹⁶ Кропоткин В.В. Экономические связи., С. 121; Плетнева, 1981, С.75

⁹⁷ Плетнева С.А. Салтово-маяцкая культура //Степи Евразии в эпоху средневековья. М., 1981, С.64

⁹⁸ Иерусалимская А.А. Кавказ на Шелковом пути. СПб,1992. С.31

- ⁹⁹ Демаков А.А., О.В. Орфинская. Скальное погребение IX в. из Нижне-Архызского городища (рукопись) // Личный архив Р.Т. Хагуева
- ¹⁰⁰ Ierusalimskaja Anna A. Die Gräber der Moščevaja Balka. Editio Mares. München, 1996. С.126-127
- ¹⁰¹ Мамаев Х.М. Некоторые вопросы интерпретации раннесредневековых монетных находок Центрального и Северо-Восточного Кавказа // Археология и вопросы хозяйственно-экономической истории Северного Кавказа. – Грозный: ЧИГУ. 1987. – С..52
- ¹⁰² Там же, С..52
- ¹⁰³ Виноградов В. Б. Судьбы древних монет. Грозный, 1982. С.51
- ¹⁰⁴ Кузнецов В.А. Аланские племена Северного Кавказа. М., 1962, С.41
- ¹⁰⁵ Кузнецов В.А. Очерки истории алан, С.154
- ¹⁰⁶ Леонтьева Т.А., Шорин П.А., Кобрин В.Б. Ключик тайнам Клио. М.: Просвещение, 1994. С.83
- ¹⁰⁷ Федоров-Давыдов Г.А. Монеты – свидетели прошлого. М.: Изд-во МГУ. 1985. С.118
- ¹⁰⁸ Кузнецов В.А. Указ. раб. С.108
- ¹⁰⁹ Там же, С.153-154
- ¹¹⁰ Там же, С.154, 156
- ¹¹¹ Виноградов В. Б. Судьбы древних монет, С.52
- ¹¹² Иессен А.А. Археологические памятники Кабардино-Балкарии. МИА. М., 1941. Вып.3. С.27
- ¹¹³ Там же
- ¹¹⁴ Кузнецов В.А. Указ. раб. С.214
- ¹¹⁵ Федоров-Давыдов Г.А. Указ. раб., С.111
- ¹¹⁶ Давидович Е.А. Клады древних и средневековых монет Таджикистана. М.; Наука, 1979. С. 102-112
- ¹¹⁷ Кузнецов В.А. Аланские племена Северного Кавказа. М., 1962, С.26-27
- ¹¹⁸ Плетнева С.А. Отношения восточноевропейских кочевников с Византией по археологическим данным // СА. 1991. №3, 1991, С.102
- ¹¹⁹ Настич В.Н. (Москва). Художественное оформление мусульманских монет: нарушение запрета? // Сб. «Городская художественная культура Востока». – М.: Государственный музей искусства народов Востока, 1990. – С. 129-149 (ссылки: Mitchiner M. The World of Islam. Oriental Coins and Their Values. L., 1977, p. 59, N. 38; Gaube H. Arabosasanidische Numismatik. Brunswick, 1973, pl. 14 sq.)
- ¹²⁰ Рябцевич В.Н. О чем рассказывают монеты. Минск, 1977. С.55
- ¹²¹ Давидович Е.А. Клады древних и средневековых монет Таджикистана. М.; Наука, 1979. С.109 и далее
- ¹²² Кропоткин В.В. Экономические связи., С.121
- ¹²³ Мамаев Х.М. Указ. раб. С.52
- ¹²⁴ Там же. С.52-53 (ссылка: Даркевич В.П. Художественный металл Востока. – М., 1976)

Глава 3

- ¹²⁵ Кузнецов В.А. Очерки истории алан. – Владикавказ: «Ир», 1984. – С.108
- ¹²⁶ Биджиев Х.Х., Тюрки Северного Кавказа.- Черкесск, 1993. – С.106

- ¹²⁷ Подробнее см.: Кузнецов В.А., Алано-осетинские этюды. – Владикавказ, 1993. – С.23,24,26,46,47; Мاستыкова А.В. К изучению роли Кавказа в системе восточноевропейских торговых связей второй половины I тысячелетия н.э. (по материалам салтово-маяцкой культуры)// Историко-археологический альманах. – Армавир-Москва, 1997. – вып. 3. – С.85-86
- ¹²⁸ Мастыкова А.В. К изучению роли., С.85
- ¹²⁹ Артамонов М.И. Указ. раб., С.64
- ¹³⁰ Там же, С.381
- ¹³¹ Там же, С.449, 561
- ¹³² Заходер Б.Н. Каспийский свод сведений о Восточной Европе // <http://www.kulichki.com/~gumilev/Rest/rest0104.htm>
- ¹³³ Фаизов С. Ислам в Поволжье: VIII – XX вв. М., 1999
- ¹³⁴ Алемань, Агусти. Указ. раб., С.348-349
- ¹³⁵ Путешествие Ибн Фадлана на Волгу. Пер. и комм. И.Ю.Крачковского // На стыке континентов и цивилизаций. – М.:Инсан, 1996. – С.12, 29-31, 71
- ¹³⁶ <http://odnap1lyazyk.narod.ru/bulkar.htm>
- ¹³⁷ Фаизов С. Ислам в Поволжье: VIII – XX вв. М., 1999
- ¹³⁸ Добродомов И. Г. Из аланских следов в топонимии Европейской части СССР // Имя – этнос – история. – М., 1989
- ¹³⁹ Там же, С.154-155
- ¹⁴⁰ Путешествие Ибн Фадлана, С.47
- ¹⁴¹ Артамонов М.И. Указ. раб., С.535-538, 560
- ¹⁴² Там же, С.535-538
- ¹⁴³ Заходер Б.Н. Указ. раб.
- ¹⁴⁴ Путешествие Ибн Фадлана., С.47; Артамонов М.И. Указ. раб., С.501-502
- ¹⁴⁵ Алемань, Агусти. Указ. раб., С.348-349
- ¹⁴⁶ Там же
- ¹⁴⁷ Иванов А.И., История монголов (Юань-ши) об асах-аланах// «Христианский Восток». – СПб, 1914. –т.II, вып. III- С.282
- ¹⁴⁸ Алемань, Агусти. Указ. раб., С.332-333
- ¹⁴⁹ Алемань, Агусти. Указ. раб., С.349
- ¹⁵⁰ Аликберов А.К. Указ. раб., С.183
- ¹⁵¹ Алемань, Агусти. Указ. раб., С.512-513
- ¹⁵² Алемань, Агусти. Указ. раб., С.511, 512, 514, 516
- ¹⁵³ Артамонов М.И. Указ. раб., С.576 прим. 1410
- ¹⁵⁴ Алексеев А.П. Происхождение народов Северного Кавказа. Краниологическое исследование. – М., 1974. – С.113
- ¹⁵⁵ Советская Этнография. – М., 1947, №6/7. – С.185
- ¹⁵⁶ Кононов А.Н. Родословная туркмен. — М.—Л., 1958. – С.92
- ¹⁵⁷ Бахтияров А. Осколки «исчезнувших» аланов //Жур. «Туркменоведение». 1930, №8-9. - С.39-40
- ¹⁵⁸ Цуциев А.А. О статье А. Бахтиярова «Осколки «исчезнувших» аланов» // <http://iriston.info/?p=2220> Январь 31, 2010
- ¹⁵⁹ Скалон К.М. О культурных связях восточного Прикаспия в позднесарматское время //Археологический сборник Гос. Эрмитажа. – Л., 1961. Вып.2. – С.126.

- ¹⁶⁰ Толстов С.П. Основные вопросы древней истории Средней Азии // Вестник древней истории. – М., 1938. – №1, С.197; Его же: По следам древнехорезмийской цивилизации. – М.-Л., 1948. – С.493
- ¹⁶¹ Снесарев Г.П. Объяснительная записка к «Карте расселения узбеков на территории Хорезмской области (конец XIX – начало XX вв.)» // Хозяйственно-культурные традиции народов Средней Азии и Казахстана. – М., 1975. – С.93
- ¹⁶² Вайнберг Б.И. Топонимика как источник по истории туркмен Хорезма // Топонимика Востока. – М., 1962. – С.45
- ¹⁶³ Цуциев А.А. Указ. раб.
- ¹⁶⁴ Вайнберг Б.И. Указ. раб., С.45
- ¹⁶⁵ Винников Я.Р. К истории формирования и расселения туркмен-хатаб, мукры, курома и олам //История, археология и этнография Средней Азии. – М., 1968
- ¹⁶⁶ Цуциев А.А. Указ. раб. (Ссылка: Васильева Г.П. Этнические компоненты в составе туркмен по данным этнографии // Проблемы этногенеза туркменского народа. – Ашхабад, 1977. – С.100)
- ¹⁶⁷ Гумилев Л.Н. Открытие Хазарии. – М.:Рольф,2001. – С.225, 226, 227, 246, 315
- ¹⁶⁸ Аликберов А.К. Указ. раб., С.218-219
- ¹⁶⁹ Малахов С.Н. Алано-византийские заметки// Историко-археологический альманах. – Армавир-Москва,1997. – вып. 3. – С.154 (по материалам: Аджайб ад-дунья («Чудеса мира»). – М., 1993)
- ¹⁷⁰ Алемань, Агусти. Указ. раб., С.350-351
- ¹⁷¹ Аликберов А.К. Указ. раб., С.162
- ¹⁷² Гумилев Л.Н. Указ. раб., С.247
- ¹⁷³ Об этом событии см.: Артамонов М.И. Указ. раб., С.588-589
- ¹⁷⁴ Заходер Б.Н. Указ. раб.
- ¹⁷⁵ Аликберов А.К. Указ. раб., С.88
- ¹⁷⁶ Алемань, Агусти. Указ. раб., С.357-358
- ¹⁷⁷ Там же
- ¹⁷⁸ Шихалиев Ш.Ш. Роль тюркского элемента в исламизации Дагестана в XI-XIV вв. //Ислам на Юге России. – Астрахань,2007. - С.113, 114
- ¹⁷⁹ Шихалиев Ш.Ш. Указ. раб., С.113, 114
- ¹⁸⁰ Волкова Н.Г. Маджары //КЭС, Вып.5. – С.58
- ¹⁸¹ Малахов С.Н. Алано-византийские заметки, С.154 (по материалам: Аджайб ад-дунья («Чудеса мира»). – М., 1993)
- ¹⁸² Аликберов А.К. Эпоха классического ислама., С.80, 225
- ¹⁸³ Алемань, Агусти. Указ. раб., С.282
- ¹⁸⁴ Алемань, Агусти. Указ. раб., С.475
- ¹⁸⁵ Кузнецов В.А. Аланские племена Северного Кавказа. МИА №106. – М.: Изд-во АН СССР,1962. – С.26
- ¹⁸⁶ Там же, С.41
- ¹⁸⁷ Нарожный Е.И. Средневековые кочевники., С.18. См. также: Фидаров Р.Ф. Мусульманские погребения алан XIII- XIV вв. //Историко-филологический архив. Вып.1. Владикавказ,2004. С.22-24.
- ¹⁸⁸ <http://perfilovu.narod.ru/istor/hung.txt>
- ¹⁸⁹ Закиев М. Татары: Проблемы истории и языка. /Сборник статей по проблемам лингвистики; возрождения и развития татарской нации/. - Казань, 1995. – С.38-

57 (Ссылка: Шпилевский С.М. Древние города и другие болгаро-татарские памятники в Казанской губернии. — Казань, 1877. — С.105)

¹⁹⁰ <http://perfilovu.narod.ru/istor/hung.txt>

¹⁹¹ Ал-Гарнати Абу Хамид //www.hystory.ru

¹⁹² Федоров-Давыдов Г.А. Кочевники Восточной Европы под властью золотоордынских ханов.- М.:Изд-во МГУ.1965. — С.201 (ист.: А.Куник, В. Розен. Известия ал-Бекри и других авторов о Руси и славянах, ч. I СПб., 1878, стр. 58 60)

¹⁹³ Нечаева Л.Г. О мавзолеях Северного Кавказа // Сборник музея антропологии и этнографии. Выпуск XXXIV. Материальная культура и хозяйство народов Кавказа. Средней Азии и Казахстана. — Ленинград: "Наука", 1978. — С.86

¹⁹⁴ Васильев Д.В. Мавзолеи Золотой Орды: географический обзор и опыт типологизации //Ученые записки Астраханского государственного университета. — Астрахань: Изд-во АГК,2003.

¹⁹⁵ Путешествие в Восточные страны Плано Карпини и Рубрука. — М., 1957, стр. 169-173

¹⁹⁶ Агаев Анвер. Древние и могучие корни Ислама в России. Саксин — город-государство //www.islam.ru/pressclub/histori/dremok/

¹⁹⁷ <http://perfilovu.narod.ru/istor/hung.txt>

¹⁹⁸ Ал-Гарнати Абу Хамид //www.hystory.ru; Заходер Б.Н. Каспийский свод...

¹⁹⁹ Нарожный Е.И. Северный Кавказ в XIII-XV веках: проблемы политической истории и этнокультурного взаимодействия //Автореф. диссертации... доктора исторических наук. — Владикавказ, 2010

Глава 4

²⁰⁰ Фидаров Р. Ф. Мусульманские погребения алан XIII-XIV вв. с могильников Верхнего Джулата //Историко-филологический архив. Владикавказ, 2004. 1. С.16-31

²⁰¹ www.fandag.ru/forum/5-403-1

²⁰² СМИЗО, Т.2, С.205

²⁰³ СМИЗО, Т.1, С.205

²⁰⁴ СМИЗО, Т.1, С.461

²⁰⁵ СМИЗО, Т.1, С.194

²⁰⁶ СМИЗО, Т.1, С.205

²⁰⁷ СМИЗО, Т.1, С.151

²⁰⁸ СМИЗО, Т.1, С.99

²⁰⁹ СМИЗО, Т.1, С.68, 105, 174

²¹⁰ Там же, С.196

²¹¹ Там же, С.206

²¹² Алемань, Агусти. Указ. раб., С.353

²¹³ СМИЗО, Т.2, С.206-207

²¹⁴ Батчаев В.М. Балкария в XV - начале XIX вв. — М.,2006. — С.164

²¹⁵ СМИЗО, Т.1, С.234

²¹⁶ Минаева Т.М. Золотоордынский город Маджар //Материалы по истории Ставропольского края. - Ставрополь, 1953, Вып.5.-С.142

²¹⁷ СМИЗО, Т.1, С.460

- ²¹⁸ Нарожный Е.И. Северный Кавказ в XIII-XV веках: проблемы политической истории и этнокультурного взаимодействия. Автореф. дисс. ... доктора исторических наук. - Владикавказ - 2010
- ²¹⁹ Батчаев В.М. Балкария в XV - начале XIX вв. - М., 2006. - С.166
- ²²⁰ Батчаев В.М. Указ. раб. С.168
- ²²¹ Алексеева Е.П. Археологические памятники Карачаево-Черкесии. - М.: Наука: ИФ «Восточная литература», 1992. - С.131-132; Минаева Т.М. К истории алан Верхнего Прикубанья по археологическим данным. - Ставрополь, 1971. - С.48
- ²²² Нарожный Е.И. Указ. раб.
- ²²³ www.fandag.ru/forum/5-403-1
- ²²⁴ Федоров-Давыдов Г.А. Находки джучидских монет //Нумизматика и эпиграфика. М., 1963. Т.4, С.207-208
- ²²⁵ Нарожный Е.И. Указ. раб.
- ²²⁶ Доргели в прошлом и настоящем // www.kumukia.ru
- ²²⁷ Виноградов В.Б., Дедуева А.Б. Монетные находки клады на территории Кабардино-Балкарии (до конца XVIII в.) //Археология и вопросы хозяйственно-экономической истории Северного Кавказа. Грозный, 1987. С.78-79
- ²²⁸ Минаева Т.М. Указ. раб. С.136
- ²²⁹ Тизенгаузен В.Г. Сборник материалов о истории Золотой Орды. М.-Л., 1941, С.143, 246 (персидский текст).
- ²³⁰ Минаева Т.М. Указ. раб. С.145
- ²³¹ Минаева Т.М. Указ. раб. С.144; Летописный свод, именуемый Патриаршей или Никоновской летописью //ПСРЛ, VIII, СПб., 1885. - С.186.
- ²³² СМИЗО, Т.1, С.306
- ²³³ Там же, С.341
- ²³⁴ В Азове найдена мечеть времен Золотой Орды // rostov.kp.ru/...y/24367/550935
- ²³⁵ На Кубани найдено крупнейшее поселение времен Золотой Орды // http://news.numizmatik.ru/na-kubani-naideno-krupneishee-poselenie-vremen-zolotoi-ordy_n3446.htm; <http://www.kuban.aif.ru/culture/article/11211>
- ²³⁶ СМИЗО, Т.1, С.112, 192
- ²³⁷ СМИЗО, Т.1, С.503
- ²³⁸ СМИЗО, Т.1, С.198
- ²³⁹ СМИЗО, Т.1, С.114-115
- ²⁴⁰ Минаева Т.М. Указ. раб. С.145
- ²⁴¹ СМИЗО, Т.1, С.ХП
- ²⁴² Алемань А. Указ. раб. С.361
- ²⁴³ Алемань А. Указ. раб. С.362
- ²⁴⁴ СМИЗО, Т.1, С.231
- ²⁴⁵ СМИЗО, Т.1, С.263, 329
- ²⁴⁶ Сафаргалиев М.Г. Распад Золотой Орды //На стыке континентов и цивилизаций. - М.:Инсан, 1996. - С.369
- ²⁴⁷ Сафаргалиев М.Г. Распад., С.372; СМИЗО, Т.1, С.530
- ²⁴⁸ СМИЗО, Т.1, С.530 прим.1
- ²⁴⁹ СМИЗО, Т.1, С.529-530
- ²⁵⁰ СМИЗО, Т.2, С.214
- ²⁵¹ Сафаргалиев М.Г. Распад., С.376

-
- 252 Сафаргалиев М.Г. Распад..., С.377
253 Сафаргалиев М.Г. Распад..., С.377
254 Сафаргалиев М.Г. Распад..., С.378-379
255 Сафаргалиев М.Г. Распад..., С.381
256 Ртвеладзе Э.В. К истории города Маджар, С.159
257 Сафаргалиев М.Г. Распад..., С.380
258 Ртвеладзе Э.В. К истории города Маджар //СА. – М.,1973. №3, С.158
259 Ртвеладзе Э.В. К истории города Маджар //СА. – М.,1973. №3, С.158
260 Цит. пл: Сафаргалиев М.Г. Распад..., С.394-395 (Ист.: ПСРЛ, т.11, С.46)
261 Там же, С.395
262 СМИЗО, Т.2, С.156; Сафаргалиев М.Г. Распад..., С.408
263 СМИЗО, Т.2, С.119
264 СМИЗО, Т.2, С.122-124
265 СМИЗО, Т.2, С.185
266 Сафаргалиев М.Г. Распад..., С.434-435
267 Сафаргалиев М.Г. Распад..., С.437-440
268 Там же, С.441-442
269 Там же, С.443-444
270 Там же, С.444-445
271 Там же, С.444-445
272 МИЗО, Т.2, С.62
273 Сафаргалиев М.Г. Распад..., С.449-450
274 СМИЗО, Т.2, С.196
275 СМИЗО, Т.1, С.533
276 Сафаргалиев М.Г. Распад..., С.451
277 Сафаргалиев М.Г. Распад..., С.493-494
278 Там же, С.514
279 Сафаргалиев М.Г. Распад Золотой Орды //На стыке континентов и цивилизаций. – М.:Инсан,1996. – С.319
280 СМИЗО, Т.1, С.98
281 СМИЗО, Т.1, С.112
282 СМИЗО, Т.1, С.192
283 СМИЗО, Т.1, С.98-99; 189
284 Там же, С.102-105, 196-197
285 СМИЗО, Т.1, 198-199
286 СМИЗО, Т.1, 198-199, 526-527
287 СМИЗО, Т.1, С.439-440
288 СМИЗО, Т.1, С.518
289 Семенова Л.А. Салах-ад-дин и мамлюки в Египте. – М.:Наука: Восточная литература,1966. – С.77
290 Греков Б.Д., Якубовский А.Ю. Золотая Орда и её падение. М., 1998, стр. 67
291 Волкова Н.Г. Маджары //КЭС, Вып.5. – С.64
292 Волкова Н.Г. Маджары //КЭС, Вып.5. – С.63
293 Ртвеладзе Э.В. Два динара делийских султанов с городища Маджар //Советская археология. М., 1972, №1, С.271
294 Сафаргалиев М.Г. Распад Золотой Орды..., С.321

- ²⁹⁵ Федоров-Давыдов Г.А. Клады джучидских монет //Нумизматика и эпиграфика. М., 1960. Т.1.С.150, 175
- ²⁹⁶ Федоров-Давыдов Г.А. Монеты – свидетели прошлого. М.:Изд-во МГУ.1985. С.94
- ²⁹⁷ Цит. По: Федоров-Давыдов Г.А. Монеты – свидетели прошлого, С.94
- ²⁹⁸ Леонтьева Т.А., Шорин П.А., Кобрин В.Б. Ключик тайнам Клио. М.:Просвещение,1994.С..111
- ²⁹⁹ Виноградов В.Б. Судьбы древних монет. Грозный,1982, С.73
- ³⁰⁰ Нарожный Е.И. К изучению динамики золотоордынского присутствия на Центральном Кавказе //Археология и вопросы хозяйственно-экономической истории Северного Кавказа. Грозный,1987.С.61
- ³⁰¹ Виноградов В.Б., Дедуева А.Б. Монетные находки клады на территории Кабардино-Балкарии (до конца XVIII в.) //Археология и вопросы хозяйственно-экономической истории Северного Кавказа. Грозный, 1987
- ³⁰² Пачлаков А.В. Нумизматика Джулата //www.nasledie.org
- ³⁰³ Там же
- ³⁰⁴ Там же
- ³⁰⁵ Там же
- ³⁰⁶ Там же
- ³⁰⁷ Сафаргалиев М.Г. Распад Золотой Орды..
- ³⁰⁸ Ртвеладзе Э.В. К истории города Маджар, С.155
- ³⁰⁹ Волкова Н.Г. Маджары //КЭС, Вып.5. М.,1972.
- ³¹⁰ Ртвеладзе Э.В. К истории города Маджар...
- ³¹¹ Там же; Волкова Н.Г. Маджары //КЭС, Вып.5. М.,1972.
- ³¹² Ртвеладзе Э.В. К истории города Маджар, С.160
- ³¹³ Там же
- ³¹⁴ Федоров-Давыдов Г.А. Находки джучидских монет //Нумизматика и эпиграфика. М., 1963. Т.4, С. 169
- ³¹⁵ Ртвеладзе Э.В. К истории города Маджар, С.160,161
- ³¹⁶ Артамонов М.И. История хазар. 2-е изд. – СПб: Изд-во «Лань»,2001. С.457
- Глава 5
- ³¹⁷ Нарожный Е.И. Северный Кавказ в XIII-XV веках: проблемы политической истории и этнокультурного взаимодействия. Автореф. дисс. ... доктора исторических наук. - Владикавказ - 2010
- ³¹⁸ Зиливинская Э.Д. Золотоордынские мечети Кавказа //www.nasledie.org
- ³¹⁹ Кузнецов В.А. Татартупский минарет XIV в. и мечети Верхнего Джулата (Вопросы генезиса и времени строительства) // www.budetinteresno.narod.ru
- ³²⁰ Зиливинская Э.Д. Золотоордынские мечети Кавказа //www.nasledie.org
- ³²¹ Кузнецов В.А. Путешествие в древний Иристон. – М.:Искусство,1974
- ³²² Лавров Л.И. Этнография Кавказа (по полевым материалам 1924-1978 гг.). Л. , 1982. – С.189
- ³²³ Кузнецов В.А. Татартупский минарет XIV в. и мечети Верхнего Джулата...
- ³²⁴ Зиливинская Э.Д. Указ. раб.
- ³²⁵ Зиливинская Э.Д. Указ. раб.; Кузнецов В.А. Татартупский минарет XIV в. и мечети Верхнего Джулата (Вопросы генезиса и времени строительства) // www.budetinteresno.narod.ru

- ³²⁶ Иванюков И.И., Ковалевский М.М. У подошвы Эльборуса //Вестник Европы. 1886. Кн.1,2. С.107
- ³²⁷ Новый год в Ставропольской губернии //ИКОРГО. т. IV, 1875-1877. С.100
- ³²⁸ Бабушка одного из авторов этих строк, Гапбай Шонаевна Гаджаева (урожденная Хыбыртова), в 1970-е гг. предостерегала его (тогда школьника), от посещения руин Хумаринского городища, указывая, что в таких местах можно получить порчу (заран), которая связывалась с джиннами.
- ³²⁹ Зиливинская Э.Д. Указ. раб.
- ³³⁰ Зиливинская Э.Д., Чеченов И.М. Подземный склеп-мавзолеем Нижнего Джулата //www.nasledie.org; Её же: Минареты Золотой Орды // www.nasledie.org
- ³³¹ Минаева Т.М. Золотоордынский город Маджар, С.149-150
- ³³² <http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/Kavkaz/XVIII/1760-1780/Gildenstedt/text9.htm>
- ³³³ Минаева Т.М. Указ. раб., С.149-150
- ³³⁴ Минаева Т.М. Указ. раб.С.137
- ³³⁵ Минаева Т.М. Указ. раб.С.138
- ³³⁶ Минаева Т.М. Указ. раб.С.138
- ³³⁷ Достиев Т.М. К благоустройству средневекового города Шамкир
- ³³⁸ Нарожный Е.И. Северный Кавказ в XIII-XV веках...
- ³³⁹ Алексеева Е.П. Археологические памятники Карачаево-Черкесии. – М.: Наука: ИФ «Восточная литература»,1992. – С.131-132; Минаева Т.М. К истории алан Верхнего Прикубанья по археологическим данным. – Ставрополь, 1971. – С.48
- ³⁴⁰ Ртвеладзе Э.В. Два мавзолея золотоордынского времени в районе Пятигорья // Советская археология, 1969, № 4, С.262
- ³⁴¹ Там же, С.263
- ³⁴² Археологические памятники. Мавзолеем Ессен-тук. //stavinfo.net/public_html/region/essentuki/
- ³⁴³ Ртвеладзе Э.В. Указ. раб. С.229-239; Нарожный Е.И. К этносоциальной атрибуции городского населения терско-кумского междуречья (по материалам мусульманских захоронений эпохи Золотой Орды) //Погребальный обряд древнего и средневекового населения Северного Кавказа. – Орджоникидзе, 1988. С.172; Нечаева Л.Г. О мавзолеях Северного Кавказа., С.88
- ³⁴⁴ Зиливинская Э.Д., Чеченов И.М. Указ. раб.; Зиливинская Э.Д. Минареты Золотой Орды // www.nasledie.org; Нарожный Е.И. К этносоциальной атрибуции городского населения ..., С.172; Чеченов И.М. Древности Кабардино- Балкарии. – Нальчик, 1969. – С.46, рис. 15
- ³⁴⁵ Цыбульский В.В. Календари и хронология стран мира. – М.:Просвещение,1982. - С.67
- ³⁴⁶ Нарожный Е.И. Указ. раб. С.163 (Ссылки: Крупнов Е.И., Кузнецов В.А., Марковин В.И., Мерперт Н.Я., Милорадович О.В., Мунчаев Р.М. Полный научный отчет объединённой Северо-Кавказской археологической экспедиции за 1960 г. – Архив ИА РАН, Р-1, №№ 2183, 2183-а)
- ³⁴⁷ Лавров Л.И. Эпиграфические памятники Северного Кавказа XVIII-XX вв. – М., 1968, стр. 64
- ³⁴⁸ Виноградов В.Б. Время, горы, люди. Грозный, 1980. С.49-55. Считается, что племя борган принадлежало к тем же потомкам раннетюркского (дополовецкого)

населения Центрального Кавказа, которых Ибн Баттута в 1334 г. и видел в районе нынешних Кавминвод. Путешественник именует их «тюрьками», чётко отличая их от хороши ему известных кипчаков. Поэтому в этих ранних тюрках, отмечают д.и.н. Е.И.Нарожный и С.Я.Березин, «предпочтение... мы должны отдать предкам балкарцев и карачаевцев», заселившим регион задолго до половцев. (Березин С.Я., Нарожный Е.И. О тюрках XIII- XIV вв. на Кавказских Минеральных Водах //Культурная жизнь Юга России. – Краснодар, 2009. – №4, С.43-45)

³⁴⁹ ЭПСК, Ч.1, С.130

³⁵⁰ СКЕЛ, С.252-253

³⁵¹ Гадиев Умалат. Тайна исчезновения мумий из мавзолея Борга-Каш // www.kavkasion.ru

³⁵² Мальсагов Ахмет. Князь Бексултан Борганов //Таргим.Ру

³⁵³ Васильев Д.В. Мавзолеи Золотой Орды: географический обзор и опыт типологизации //Ученые записки Астраханского государственного университета. – Астрахань: Изд-во АГК,2003. С.88

³⁵⁴ Ртвеладзе Э.В. Мавзолеи Маджара // Советская археология., 1973№1, стр. 277

³⁵⁵ Минаева Т.М. Золотоордынский город Маджар, С.149-150

³⁵⁶ <http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/Kavkaz/XVIII/1760-1780/Gildenstedt/text9.htm>

³⁵⁷ СКЕЛ, С.321-323

³⁵⁸ Васильев Д.В. Указ. раб.

³⁵⁹ Федоров-Давыдов Г.А. Искусство кочевников и Золотой Орды. – М.:Искусство,1976. – С.122

³⁶⁰ Васильев Д.В. Указ. раб.

³⁶¹ Федоров-Давыдов Г.А. Указ. раб.С.120

³⁶² Зиливинская Э.Д. Минареты Золотой Орды //www.nasledie.org

³⁶³ Зиливинская Э.Д. Золотоордынские мечети Кавказа //www.nasledie.org

³⁶⁴ Там же

³⁶⁵ Кузнецов В.А. Татартупский минарет XIV в. и мечети Ерхнего Джулата (Вопросы генезиса и времени строительства) // www.budetinteresno.narod.ru

³⁶⁶ Чеченов ИМ., Зиливинская Э.Д. Мечеть городища Нижний Джулат // Древности Северного Кавказа. М. , 1999. С.204

³⁶⁷ Нарожный Е.И. Северный Кавказ в XIII-XV веках: проблемы политической истории и этнокультурного взаимодействия. Автореф. дисс. ... доктора исторических наук. - Владикавказ – 2010

³⁶⁸ ЭПСК. М.,1966. Ч.1, С.60

³⁶⁹ Кузнецов В.А В верховьях Большого Зеленчука. - Пятигорск,2008. - С.174.

³⁷⁰ Волкова Н.Г. Маджары //КЭС, Вып.5. – С.58

³⁷¹ Волкова Н.Г. Указ. раб.С.51-52; ЭПСК, Т.1, С.114; Проценко Ю.П. Заметка о куфических надписях в ауле Арзия и в развалинах Маджар, а также о ширванских древностях //Известия Кавказского об-ва истории и археологии. Т.1, Вып. 1. Тифлис, 1882. – С.48, 50.

³⁷² Волкова Н.Г. Указ. раб.С.52

³⁷³ Волкова Н.Г. Указ. раб.С.51

³⁷⁴ Федоров-Давыдов Г.А. Указ. раб. С.122

- 375 Кузнецов В.А. Татаргупский минарет XIV в. и мечети Ерхнего Джулата (Вопросы генезиса и времени строительства) // www.budetinteresno.narod.ru
- 376 Зиливинская Э.Д. Минареты Золотой Орды // www.nasledie.org
- 377 Алексеева Е.П. Указ. раб. С.132
- 378 ЭПСК. Ч.3, С.39
- 379 Клапрот Ю. Описание поездок по Кавказу и Грузии в 1807 и 1808 годах. – Нальчик: Эль-Фа, 2008. – С.246
- 380 СКЕЛ, С.252-253
- 381 ЭПСК, Ч.1, С.130
- 382 Клапрот Г.-Ю. Путешествие по Кавказу и Грузии, предпринятое в 1807-1808 гг. // АБККЕА, С.279
- 383 ЭПСК, Ч.1, С. 64
- 384 Клапрот Ю. Описание поездок..., С.91-92
- 385 Там же, С.92
- 386 ЭПСК. Ч.1. М., 1966. – С.121
- 387 Артамонов М.И. История хазар, С.535-538
- 388 СМИЗО, Т.1, С.291, 296, 298
- 389 Семенова Л.А. Салах-ад-дин и мамлюки в Египте. – М.:Наука: Восточная литература, 1966. – С.77
- 390 Минаева Т.М. Указ. раб. С.145
- 391 СМИЗО, Т.1, С.287-288
- 392 СМИЗО, Т.2, С.205
- 393 СМИЗО, Т.1, С.205
- 394 СМИЗО, Т.1, С.507-508
- 395 СМИЗО, Т.1, С.245
- 396 СМИЗО, Т.1, С.205
- 397 СМИЗО, Т.2, С.205
- 398 СМИЗО, Т.1, С.194
- 399 Лайпанов И.А. Тарикаты у Джучидов и Хулагуидов (по материалам арабских источников) // Известия Карачаевского НИИ. Вып.5. – Черкесск, 2009. – С.86
- 400 СМИЗО, Т.1, С.462
- 401 СМИЗО, Т.2, С.206-207
- 402 СМИЗО, Т.1, С.307
- 403 СМИЗО, Т.1, С.175
- 404 СМИЗО, Т.1, С.462-463
- 405 СМИЗО, Т.1, С.461-463
- 406 Галкин Л. Монеты к Новому Году // Жур. «Вокруг света». М., 1990. №12. С.41
- 407 Федоров-Давыдов Г.А. Указ. раб. С.118
- 408 СМИЗО, Т.2, С.94
- 409 Федоров-Давыдов Г.А. Указ. раб. С.118
- 410 Федоров-Давыдов Г.А. Указ. раб. С.118
- 411 Волков И.В., Зиливинская Э.Д. Керамическое производство и импорт в Маджаре // www.nasledie.org
- 412 Ртвеладзе Э.В. К истории города Маджар, С.157
- 413 Минаева Т.М. Указ. раб. С.140; Ртвеладзе Э.В. Указ. раб. С.157

- ⁴¹⁴ Березин С.Я., Нарожный Е.И. О находках архитектурных деталей XIII-XIV веков с территории Северного Кавказа //Материалы и исследования по археологии Северного Кавказа. Вып.3. Армавир,2004. С.314-317; Нарожный Е.И. О находках поливной керамики на Верхнем и Нижнем Джугатах (Северная Осетия и Кабардино-Балкария) //Материалы и исследования по археологии Северного Кавказа. Вып.3. Армавир,2004. С.263-274
- ⁴¹⁵ Ртвеладзе Э.В. Указ. раб. С.156
- ⁴¹⁶ Волкова Н.Г. Указ. раб. С.60
- ⁴¹⁷ Федоров-Давыдов Г.А. Указ. раб. С.122
- ⁴¹⁸ Ртвеладзе Э.В. Указ. раб. С.156; Волкова Н.Г. Указ. раб. С.60
- ⁴¹⁹ Ртвеладзе Э.В. Указ. раб. С.157
- ⁴²⁰ Ртвеладзе Э.В. Указ. раб. С.156
- ⁴²¹ Волков И.В., Зиливинская Э.Д. Указ. раб.
- ⁴²² Ртвеладзе Э.В. Указ. раб. С.157
- ⁴²³ Волкова Н.Г. Указ. раб. С.61
- ⁴²⁴ Минаева Т.М. Указ. раб. С.140-141; Волкова Н.Г. Указ. раб. С.161
- ⁴²⁵ Волкова Н.Г. Указ. раб. С.161
- ⁴²⁶ Минаева Т.М. Указ. раб. С.139; Ртвеладзе Э.В. Указ. раб. С.157
- ⁴²⁷ Настич В.Н. Художественное оформление мусульманских монет: нарушение запрета? // Сб. «Городская художественная культура Востока». – М.: Государственный музей искусства народов Востока, 1990. – С.129-149
- ⁴²⁸ Жур. «Наука и жизнь». – М.,1967. - № 5, С. 30 -32
- ⁴²⁹ Настич В.Н. Указ. Раб.
- ⁴³⁰ Там же
- ⁴³¹ Там же
- ⁴³² Большаков О. Г. Ислам и изобразительное искусство // ТГЭ. Т. 10, Л., 1969. – С.145-146.
- ⁴³³ Там же
- ⁴³⁴ Нумизматика и эпиграфика. – М.,1971. – Т.9, С.105
- ⁴³⁵ Роджерс Дж. М. XI век — поворотный момент в архитектуре Машрика? //Мусульманский мир. 950 – 1150. – М.:Наука. Гл. ред. вост. литературы, 1981. – С.258-260
- ⁴³⁶ Жур. «Наука и религия». – М.,1967. - № 5, С. 30 -32
- ⁴³⁷ Настич В.Н. Указ. Раб.
- ⁴³⁸ Капанадзе, С.57
- ⁴³⁹ География в школе. – М.,1977. - №4, С.66
- ⁴⁴⁰ География в школе. – М.,1978. - №4, С.77
- ⁴⁴¹ Опръпко О.Л. Старинные календарные системы кабардинцев и балкарцев //Ученые записки Кабардино-Балкарского НИИ. Вып.21. Нальчик,1967. С.170
- ⁴⁴² Биджиев Х.Х., Тюрки Северного Кавказа.- Черкесск,1993. С.264
- ⁴⁴³ Абаев В.И. Нартский эпос осетин //Нарты. Осетинский героический эпс. М.:Наука,1990. Кн.1. С.46,62
- ⁴⁴⁴ Векслер А., Мельникова А. Московские клады. М.,1989. С.61,88
- ⁴⁴⁵ Галкин Л. Монеты к Новому Году //Жур. «Вокруг света». М.,1990. №12. С.40
- ⁴⁴⁶ Там же. С.41

⁴⁴⁷ Там же. С.40-41

⁴⁴⁸ Пахомов Е.А. Монетные клады Азербайджана и других республик, краев и областей Кавказа. Вып. IX. Баку, 1969. С.81-82

⁴⁴⁹ Сингатулина А.З. Алеменьевский клад золотоордынских монет XIII в. //Вестник МГУ. М., 1985. №5, вып.8 (история). С.83

* Л.Галкин ошибочно пишет, что женой этого султана была сама Русудан

⁴⁵⁰ Галкин Л. Указ. Раб. С.40

⁴⁵¹ Там же. С.40

Глава 6

⁴⁵² СМИЗО, Т.2, С.34, 127

⁴⁵³ Минаева Т.М. Золотоордынский город Маджар //Материалы по истории Ставропольского края. 1953, вып.5, С.137

⁴⁵⁴ Батчаев В.М. Маджарцы (к проблеме золотоордынского этапа этнической истории Северного Кавказа) //Проблемы этнографии осетин. Вып.2. – Владикавказ, 1992. – С.87-88

⁴⁵⁵ С.П. Толстов. По следам древнехорезмийской цивилизации. М., 1948. С.246

⁴⁵⁶ СМИЗО, Т.2, С.54, 56, 58, 59

⁴⁵⁷ Ртвеладзе Э.В. К истории города Маджар //СА. – М., 1973. №3, С.159

⁴⁵⁸ Минаева Т.М. Указ. раб. С.137

⁴⁵⁹ Там же, С.136-137

⁴⁶⁰ Там же

⁴⁶¹ Там же, С.142

⁴⁶² Там же, С.146

⁴⁶³ Ртвеладзе Э.В. К истории города Маджар, С.162

⁴⁶⁴ Минаева Т.М. Указ. раб. С.146

⁴⁶⁵ Ртвеладзе Э.В. Указ. раб. С.162 (источ.: А. М. Гневушев. Акты времени правления царя Василия Шуйского. М., 1914, стр. 177)

⁴⁶⁶ Волкова Н.Г. Маджары //КЭС, Вып.5. – С.64-65

⁴⁶⁷ Там же (ист.: С. М. Соловьев. История России с древнейших времен, VI, 11-12, М., 1961. стр. 580)

⁴⁶⁸ Там же. С.64-65

⁴⁶⁹ Там же

⁴⁷⁰ Минаева Т.М. Указ. раб. С.147

⁴⁷¹ Там же

⁴⁷² Соснина Е.Л. Материалы Яна Потоцкого о Маджарах (к 200-летию посещения Маджар Я. Потоцким) // www.nasledie.org

⁴⁷³ СКЕЛ, С.154

⁴⁷⁴ Минаева Т.М. Указ. раб. С.149-150

⁴⁷⁵ <http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/Kavkaz/XVIII/1760-1780/Gildenstedt/>

⁴⁷⁶ Соснина Е.Л. Указ. раб.

⁴⁷⁷ Клапрот Ю. Описание поездок по Кавказу и Грузии в 1807 и 1808 годах. Пер. с англ. К.А.Мальбахов. – Нальчик:Эль-Фа, 2008. –С.83

⁴⁷⁸ Клапрот Ю. Указ. раб. С.82-83

⁴⁷⁹ Батчаев В.М. «Мы пришли из Маджар»: факт или вымысел? //Вопросы средневековой археологии Северного Кавказа. – Черкесск, 1988. - С.166 (Ссылка:

Клапрот Г.Ю. Исследование о развалинах Маджарских на реке Кума //«Московский телеграф». 1825. IX-X. С.112)

⁴⁸⁰ СКЕЛ, С.321

⁴⁸¹ Батчаев В.М. Указ. раб. С.167 (Ссылка: Кузнецов В.А. Алания в X-XIII вв. Орджоникидзе,1971. С.194-195; Хамицаева Т.А. Историко-песенный фольклор осетин. Орджоникидзе,1973. С.155)

⁴⁸² Волкова Н.Г. Маджары //КЭС, Вып.5. – С.43

⁴⁸³ Гутнов Ф.Х. Генеалогические предания осетин как исторический источник. – Орджоникидзе,1989. – С.66

⁴⁸⁴ Гутнов Ф.Х. Указ. раб. С.67; См. также: Пфаф В.В. Материалы для древней истории осетин //ССКГ, Вып. V. Тифлис, 1871.

⁴⁸⁵ Гутнов Ф.Х. Указ. раб. , С.17-18

⁴⁸⁶ Гутнов Ф.Х. Указ. раб. С.66

⁴⁸⁷ Клапрот Ю. Описание поездок по Кавказу и Грузии в 1807-1808 годах. Сост. и пер. К.А.Мальбахова. - Нальчик:Эль-Фа,2008. – С.164

⁴⁸⁸ Там же, С.160-161

⁴⁸⁹ Клапрот Ю. Указ. раб. С.90-91

⁴⁹⁰ АБКНКА. С.331-333

⁴⁹¹ Бларамберг Иоганн. Историческое, топографическое, статистическое, этнографическое и военное описание Кавказа. – Нальчик: ИЦ «Эль-Фа»,1999. – С.308

⁴⁹² Миллер В., Ковалевский М. В горских обществах Кабарды //Вестник Европы. 1884. №4-5, С.553-554

⁴⁹³ Там же, С.554-555

⁴⁹⁴ Батчаев В.М. Маджарцы., С.92-93 (Ссылка: Миллер В.Ф. Терская область. Археологические экскурсии //МАК. М.,288. Т.1, С.78-79).

⁴⁹⁵ Абаев М.К. Балкария. Исторический очерк //Азаматов К.Г., Хутуев Х.И. Мисост Абаев: Общественно-политические взгляды. – Нальчик:Эльбрус,1980. – С.91-126

⁴⁹⁶ Тульчинский Н.П. Пять горских обществ Кабарды. – Владикавказ, 1903. - С.164

⁴⁹⁷ Гутнов Ф.Х. Указ. раб. С.67-68

⁴⁹⁸ Батчаев В.М. «Мы пришли из Маджар»., С.168

⁴⁹⁹ Гутнов Ф.Х. Указ. раб. С.68

⁵⁰⁰ Васильев Д.В. Погребальные памятники центральных областей Улуса Джучи :к вопросу об исламизации населения Золотой Орды. Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. Казань, 2007.

⁵⁰¹ Батчаев В.М. Балкария в XV - начале XIX вв. – М.,2006. – С.168; Его же: Маджарцы., С.93

⁵⁰² Нарожный Е.И. Средневековые кочевники Северного Кавказа (Некоторые дискуссионные проблемы этнокультурного взаимодействия эпохи Золотой Орды). – Армавир,2005. – С.185, 187, 192-192

⁵⁰³ Там же, С.17

⁵⁰⁴ Там же, С.92-93.

⁵⁰⁵ Батчаев В.М. Балкария в XV - начале XIX вв. – М.,2006. – С.65

⁵⁰⁶ Там же

- ⁵⁰⁷ Биджиев Х.Х. Погребальные памятники Карачая XIV-XVIII вв. //Вопросы средневековой истории народов Карачаево-Черкесии. Отв. ред. В.И.Марковин. – Черкесск,1979. - С.64-66, 70-72, 75-77, 86
- ⁵⁰⁸ Там же, С.70
- ⁵⁰⁹ Там же, С.76
- ⁵¹⁰ Там же, С.64, 69, 72, 86-90
- ⁵¹¹ Там же, С.85
- ⁵¹² Васильев Д.В. Мавзолеи Золотой Орды: географический обзор и опыт типологизации //Ученые записки Астраханского государственного университета. – Астрахань: Изд-во АГК,2003.
- ⁵¹³ Ртвеладзе Э.В. Два мавзолея золотоордынского времени в районе Пятигорья // Советская археология, 1969, № 4, С.264
- ⁵¹⁴ Васильев Д.В. Мусульманский погребальный обряд в Золотой Орде. – Астрахань: Изд-во АГУ, 2007. С.151 // astinform.ru
- ⁵¹⁵ Федоров-Давыдов Г.А. Кочевники Восточной Европы под властью золотоордынских ханов.- М.:Изд-во МГУ.1965. – С.205
- ⁵¹⁶ Там же, С.128, 130 (Ист. Кастанье И.А. Надгробные сооружения киргизских степей. – Оренбург,1911. – С.80-81, 83, 85).
- ⁵¹⁷ Васильев Д.В. Указ. раб. С.85
- ⁵¹⁸ Федоров-Давыдов Г.А. Указ. раб. С.205
- ⁵¹⁹ Биджиев Х.Х. Указ. раб. С.69 (Ссыл.: Минаева Т.А. Археологические памятники Черкесии //Труды Черкесского НИИ. Вып.2. – Черкесск,1954.- С.296-298)
- ⁵²⁰ Семенов Л.П. Археологические и этнографические разыскания в Ингушетии в 1925-1932 гг. //Сборник. Грозный, 1963; Иессен А.А. Археологические памятники Кабардино-Балкарии. МИА. М., Вып.3, С.31; С.63-64; Мизиев И.М. Средневековая Балкария. – Нальчик:Эльбрус,2009. – С.76, 88 и др.
- ⁵²¹ Дзаттиаты Р.Г. Культура позднесредневековой Осетии. – Владикавказ: Ир, 2002. – С.84-85
- ⁵²² Батчаев В.М. Балкария., С.48; Мизиев И.М. Средневековая Балкария. – Нальчик:Эльбрус,2009. – С.76, 78
- ⁵²³ Батчаев В.М. Балкария., С.55, 56
- ⁵²⁴ Мизиев И.М. Средневековая Балкария. – Нальчик:Эльбрус,2009. – С.81-83
- ⁵²⁵ Там же, С.79
- ⁵²⁶ Там же, С.73; Алексеева Е.П. Археологические раскопки в районе с.Верхний Чегем в 1959 г. //Сборник статей по истории Кабардино-Балкарии. - Нальчик,1960. – Вып.9, С.194
- ⁵²⁷ Батчаев В.М. Балкария., С.185
- ⁵²⁸ СКЕЛ, С.321-322
- ⁵²⁹ Нарты. Героический эпос балкарцев и карачаевцев. М.: Восточная литература,1995. С.381-382
- ⁵³⁰ Там же, С.625
- ⁵³¹ Клапрот Ю. Описание поездок по Кавказу и Грузии в 1807 и 1808 годах. Пер. с англ. К.А.Мальбахов. – Нальчик: Эль-Фа,2008. – С.89
- ⁵³² СКЕЛ, С.321
- ⁵³³ Минаева Т.М. Указ. раб. С.151

⁵³⁴ Там же

⁵³⁵ Кузнецов В.А.. В верховьях Большого Зеленчука. – М., 1977. – С.119-120

Заключение

⁵³⁶ Кузнецов В.А. В верховьях Большого Зеленчука. – М.:Искусство,1977. - С.14-15, 49

⁵³⁷ См. рецензию Кипкеева И.С. и Хатуева Р.Т. в «Известиях Карачаевского НИИ», №5, 2009. С.124-126

⁵³⁸ Глашев А.А. Очерки истории хазар. Часть 1. М.:2009. С.200

⁵³⁹ Батчаев В.М. Балкария в XV - начале XIX вв. М.,2006. С.184

⁵⁴⁰ Нарожный Е.И. Северный Кавказ в XIII-XV веках: проблемы политической истории и этнокультурного взаимодействия. Автореф. дисс. ... доктора исторических наук. - Владикавказ – 2010

БИБЛИОГРАФИЯ

- Абаев В.И. Нартский эпос осетин //Нарты. Осетинский героический эпос. М.:Наука,1990. Кн.1.
- Абаев М.К. Балкария. Исторический очерк //Азаматов К.Г., Хутуев Х.И. Мисост Абаев: Общественно-политические взгляды. – Нальчик:Эльбрус,1980. – С.91-126
- Алексеева Е.П. Археологические памятники Карачаево-Черкесии. – М.: Наука: ИФ «Восточная литература»,1992
- Алексеев А.П. Происхождение народов Северного Кавказа. Краниологическое исследование. – М.,1974
- Алемань, Агусти. Аланы в древних письменных источниках. - М.:”Менеджер”, 2003.
- Аликберов А.К. Эпоха классического ислама на Кавказе. Абу Бакр ад-Дарбанди и его суфийская энциклопедия "Райхан ал-хака'ик" (XI-XII вв.). – М.:Вост. лит., 2003
- Аммиан Марцеллин. История// Латышев В.В, Известия древних писателей греческих и латинских о Скифии и Кавказе. – СПб, 1906. – т.II
- Артамонов М.И. История хазар. 2-е изд. – СПб: Изд-во «Лань»,2001.
- Батчаев В.М. Балкария в XV - начале XIX вв. – М.,2006
- Батчаев В.М. Маджарцы (к проблеме золотоордынского этапа этнической истории Северного Кавказа) //Проблемы этнографии осетин. Вып.2. – Владикавказ,1992
- Батчаев В.М. «Мы пришли из Маджар»: факт или вымысел? //Вопросы средневековой археологии Северного Кавказа. – Черкесск,1988
- Бахтияров А. Осколки «исчезнувших» аланов //Жур. «Туркменоведение». 1930, №8-9. - С.39-40
- Березин С.Я., Нарожный Е.И. О тюрках XIII- XIV вв. на Кавказских Минеральных Водах //Культурная жизнь Юга России. – Краснодар, 2009. – №4
- Березин С.Я., Нарожный Е.И. О находках архитектурных деталей XIII-XIV веков с территории Северного Кавказа //Материалы и исследования по археологии Северного Кавказа. Вып.3. Армавир,2004
- Березин С.Я., Нарожный Е.И. О находках архитектурных деталей XIII-XIV веков с территории Северного Кавказа //Материалы и исследования по археологии Северного Кавказа. Вып.3. Армавир,2004
- Биджиев Х.Х. Погребальные памятники Карачая XIV-XVIII вв. //Вопросы средневековой истории народов Карачаево-Черкесии. Отв. ред. В.И.Марковин. – Черкесск,1979
- Биджиев Х.Х., Тюрки Северного Кавказа.- Черкесск,1993.
- Бларамберг Иоганн. Историческое, топографическое, статистическое, этнографическое и военное описание Кавказа. – Нальчик: ИЦ «Эль-Фа»,1999
- Большаков О. Г. Ислам и изобразительное искусство // ТГЭ. Т. 10, Л., 1969
- Большаков О.Г. История Халифата. Т.I. Ислам в Аравии. 570-633. – М.:Наука. Гл. ред. вост. лит.,1989

Быков А.А. Из истории денежного обращения Хазарии в VIII и IX вв. // Восточные источники по истории народов Юго-Восточной и Центральной Европы. – М.: Наука, 1974

Вайнберг Б.И. Топонимика как источник по истории туркмен Хорезма // Топонимика Востока. – М., 1962. Васильев Д.В. Мавзолей Золотой Орды: географический обзор и опыт типологизации // Ученые записки Астраханского государственного университета. – Астрахань: Изд-во АГК, 2003.

Васильев Д.В. Мусульманский погребальный обряд в Золотой Орде. – Астрахань: Изд-во АГУ, 2007.

Васильев Д.В. Погребальные памятники центральных областей Улуса Джучи : к вопросу об исламизации населения Золотой Орды. Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. Казань, 2007

Виноградов В.Б. Время, горы, люди. Грозный, 1980

Виноградов В.Б., Берзин Я.Б., Савенко С.Н. О чем рассказывают монеты // Альманах «Ставрополье». Ставрополь, 1998. №4

Виноградов В.Б., Дедуева А.Б. Монетные находки клады на территории Кабардино-Балкарии (до конца XVIII в.) // Археология и вопросы хозяйственно-экономической истории Северного Кавказа. Грозный, 1987

Виноградов В. Б. Судьбы древних монет. Грозный, 1982

Винников Я.Р. К истории формирования и расселения туркмен-хатаб, мукры, курома и олам // История, археология и этнография Средней Азии. – М., 1968

Волкова Н.Г. Маджары // КЭС, Вып.5. – м., 1972.

Волков И.В., Зиливинская Э.Д. Керамическое производство и импорт в Маджаре // www.nasledie.org

Гадиев Умалат. Тайна исчезновения мумий из мавзолея Борга-Каш // www.kavkasion.ru

Гадло А.В. Этническая история Северного Кавказа IV-X вв. Л., 1979

Галкин Л. Монеты к Новому Году // Жур. «Вокруг света». М., 1990. №12

Гараева Н.Г. О дате принятия ислама хазарами // Языки духовная культура и история тюрков: традиции и современность. - Т. 3. - Казань, 1992.

Грамм Михаил. История цивилизации в зеркале мер, единиц и денег. – М.: Аркаим, 2004.

Греков Б.Д., Якубовский А.Ю. Золотая Орда и её падение. М., 1998

Гумилев Л.Н. Древние тюрки. М., 1993.

Гумилев Л.Н. Открытие Хазарии. – М.: Рольф, 2001.

Гутнов Ф.Х. Генеалогические предания осетин как исторический источник. – Орджоникидзе, 1989

Давидович Е.А. Клады древних и средневековых монет Таджикистана. М.: Наука, 1979.

Дзагуров Д.А. Изучение и планы эксплуатации горных богатств Осетии в XVIII веке // Известия Северо-Осетинского НИИ. Орджоникидзе, 1940. т. IX

Дзаттиаты Р.Г. Культура позднесредневековой Осетии. – Владикавказ: Ир, 2002

Добродомов И. Г. Из аланских следов в топонимии Европейской части СССР // Имя – этнос – история. – М., 1989

Емельянова Н.М. Мусульмане Осетии: На перекрестке цивилизаций: Монография. - М.: 2003.

- Закиев М. Татары: Проблемы истории и языка. /Сборник статей по проблемам лингвоистории; возрождения и развития татарской нации/. - Казань, 1995.
- Зиливинская Э.Д. Золотоордынские мечети Кавказа //www.nasledie.org
- Зиливинская Э.Д. Чеченов И.М. - Подземный склеп-мавзолей Нижнего Джулата //www.nasledie.org; Её же: Менаандр Византиец. Продолжение истории Агафиевой// Византийские историки. – СПб, 1860.
- Минареты Золотой Орды // www.nasledie.org
- Иванов А.И., История монголов (Юань-ши) об асах-аланах// «Христианский Восток». – СПб, 1914. –т.П, вып. III
- Иерусалимская А.А. Кавказ на Шелковом пути. СПб,1992.
- Иессен А.А. Археологические памятники Кабардино-Балкарии. МИА. М., 1941. Вып.3
- История Ширвана и Дербенда X-XI веков. М. Издательство восточной литературы. 1963 (пер. С. Г. Микаэлян)
- Клапрот Ю. Описание поездок по Кавказу и Грузии в 1807 и 1808 годах. – Нальчик: Эль-Фа,2008
- Клапрот Г.-Ю. Путешествие по Кавказу и Грузии, предпринятое в 1807-1808 гг.// АБКИЕА
- Коновалова И.Г. Восточная Европа в сочинении ал-Идриси. – М.: ИФ "Восточная литература» РАН, 1999
- Кононов А.Н. Родословная туркмен. — М.—Л., 1958.
- Кропоткин В.В. Экономические связи Восточной Европы в I тысячелетии н.э. – М.:Наука, 1967
- Кропоткин В.В. Новые материалы по истории денежного обращения в Восточной Европе в конце VIII – первой половине IX в. //Славяне и Русь. В честь академика Б.А.Рыбакова. – М.:Наука, 1968
- Кузнецов В.А. Алания в X-XIII вв. Орджоникидзе,1971
- Кузнецов В.А. Аланские племена Северного Кавказа. МИА №106. – М.: Изд-во АН СССР,1962.
- Кузнецов В.А. Алано-осетинские этюды. – Владикавказ, 1993.
- Кузнецов В.А. В верховьях Большого Зеленчука. – М., 1977
- Кузнецов В.А. В верховьях Большого Зеленчука. - Пятигорск,2008
- Кузнецов В.А. Очерки истории алан. – Владикавказ: «Ир», 1984.
- Кузнецов В.А. Путешествие в древний Иристон. – М.:Искусство,1974
- Кузнецов В.А. Татартупский минарет XIV в. и мечети Верхнего Джулата Вопросы генезиса и времени строительства) // www.budetinteresno.narod.ru
- Кузнецов В.А. Эльхотовские Ворота в X- XIV вв. – Владикавказ, 2003
- Лавров Л.И. Этнография Кавказа (по полевым материалам 1924-1978 гг.). Л. , 1982
- Лайпанов И.А. Тарикаты у Джучидов и Хулагуидов (по материалам арабских источников)//Известия Карачаевского НИИ. Вып.5. – Черкесск, 2009
- Леонтович Ф.И. Адамы кавказских горцев. Т.1. – Одесса,1882
- Леонтьева Т.А., Шорин П.А., Кобрин В.Б. Ключик тайнам Клио. М.:Просвещение,1994
- Магомедов М.Г. Образование Хазарского каганата. М.:Наука,1983.

- Малахов С.Н. Алано-византийские заметки// Историко-археологический альманах. – Армавир-Москва, 1997. – вып. 3.
- Малахов С. Н. К вопросу о локализации епархиального центра в Алании в X-XI вв. //Аланы: Западная Европа и Византия. Владикавказ, 1992.
- Мальсагов Ахмет. Князь Бексултан Борганов //Таргим.Ру
- Мамаев Х.М. Некоторые вопросы интерпретации раннесредневековых монетных находок Центрального и Северо-Восточного Кавказа // Археология и вопросы хозяйственно-экономической истории Северного Кавказа. – Грозный:ЧИГУ,1987.
- Мастыкова А.В. К изучению роли Кавказа в системе восточноевропейских торговых связей второй половины I тысячелетия н.э. (по материалам салтовомаяцкой культуры)// Историко-археологический альманах. – Армавир-Москва,1997. – вып. 3.
- Мизигов И.М. Средневековая Балкария. – Нальчик:Эльбрус,2009
- Миллер В., Ковалевский М. В горских обществах Кабарды //Вестник Европы. 1884. №4-5
- Минаева Т.М. Золотоордынский город Маджар //Материалы по истории Ставропольского края. - Ставрополь, 1953, Вып.5
- Минаева Т.М. К истории алан Верхнего Прикубанья по археологическим данным. – Ставрополь, 1971
- Нарожный Е.И. К изучению динамики золотоордынского присутствия на Центральном Кавказе //Археология и вопросы хозяйственно-экономической истории Северного Кавказа. Грозный,1987
- Нарожный Е.И. К этносоциальной атрибуции городского населения терскокумского междуречья (по материалам мусульманских захоронений эпохи Золотой Орды) //Погребальный обряд древнего и средневекового населения Северного Кавказа. – Орджоникидзе, 1988
- Нарожный Е.И. О находках поливной керамики на Верхнем и Нижнем Джулатах (Северная Осетия и Кабардино-Балкария) //Материалы и исследования по археологии Северного Кавказа. Вып.3. Армавир,2004
- Нарожный Е.И. Северный Кавказ в XIII-XV веках: проблемы политической истории и этнокультурного взаимодействия. Автореф. дисс. ... доктора исторических наук. – Владикавказ, 2010
- Нарожный Е.И. Средневековые кочевники Северного Кавказа (Некоторые дискуссионные проблемы этнокультурного взаимодействия эпохи Золотой Орды). – Армавир,2005.
- Нарожный Е.И., Петлих А.Л., Соков П.В. Средневековый дирхем с территории Горькобалковского могильника №1 //МИА Северного Кавказа. Вып.4. Армавир, 2004.
- Нарты. Героический эпос балкарцев и карачаевцев. М.: Восточная литература,1995
- Настич В.Н. Художественное оформление мусульманских монет: нарушение запрета? // Сб. «Городская художественная культура Востока». – М.: Государственный музей искусства народов Востока, 1990

Нечасва Л.Г. О мавзолеях Северного Кавказа // Сборник музея антропологии и этнографии. Выпуск XXXIV. Материальная культура и хозяйство народов Кавказа. Средней Азии и Казахстана. – Ленинград: "Наука", 1978.

Новосельцев А.П. К истории аланских городов. – Материалы по археологии и древней истории Северной Осетии. Орджоникидзе, 1969

Опрышко О.Л. Старинные календарные системы кабардинцев и балкарцев // Ученые записки Кабардино-Балкарского НИИ. Вып.21. Нальчик, 1967

Пахомов Е.А. Монетные клады Азербайджана и других республик, краев и областей Кавказа. Вып. IX. Баку, 1966.

Пачлаков А.В. Нумизматика Джулата // www.nasledie.org

Плетнева С.А. Отношения восточноевропейских кочевников с Византией по археологическим данным // СА. 1991. №3

Плетнева С.А. Салгово-маяцкая культура // Степи Евразии в эпоху средневековья. М., 1981

Прокопенко Ю.А. Клады и находки единичных монет на территории Ставропольского края и Карачаево-Черкесии (к вопросу о древних путях в центральном Предкавказье) // Из истории земли Ставропольской. Сб. статей. Ставрополь, 1996. Вып. 1.

Проценко Ю.П. Заметка о куфических надписях в ауле Арзия и в развалинах Маджар, а также о ширванских древностях // Известия Кавказского об-ва истории и археологии. Т. I, Вып. 1. Тифлис, 1882.

Путешествие в Восточные страны Плано Карпини и Рубрука. – М., 1957

Путешествие Ибн Фадлана на Волгу. Пер. и комм. И.Ю. Крачковского // На стыке континентов и цивилизаций. – М.: Инсан, 1996

Роджерс Дж. М. XI век — поворотный момент в архитектуре Машрика? // Мусульманский мир. 950 – 1150. – М.: Наука. Гл. ред. вост. литературы, 1981

Ртвеладзе Э.В. Два динара дельийских султанов с городища Маджар // Советская археология. М., 1972, №1

Ртвеладзе Э.В. Два мавзолея золотоордынского времени в районе Пятигорья // Советская археология, 1969, № 4.

Ртвеладзе Э.В. Мавзолеи Маджара // Советская археология., 1973, №1

Рубцов Е. Золото к скифам поступало с Кавказа // Северный Кавказ. Нальчик, 1998. №28

Рябцевич В.Н. О чем рассказывают монеты. Минск, 1977.

Сафаргалиев М.Г. Распад Золотой Орды // На стыке континентов и цивилизаций. – М.: Инсан, 1996

Семенова Л.А. Салах-ад-дин и мамлюки в Египте. – М.: Наука: Восточная литература, 1966.

Сингатулина А.З. Алеменьевский клад золотоордынских монет XIII в. // Вестник МГУ. М., 1985. №5, вып. 8 (история).

Скалон К.М. О культурных связях восточного Прикаспия в позднесарматское время // Археологический сборник Гос. Эрмитажа. – Л., 1961. Вып.2.

Соловьев С.М. Сочинения. М.: Мысль, 1988. Кн.1

Соснина Е.Л. Материалы Яна Потоцкого о Маджарах (к 200-летию посещения Маджар Я. Потоцким) // www.nasledie.org

- Толстов С.П. Основные вопросы древней истории Средней Азии // Вестник древней истории. – М., 1938. – №1, С.197
- Толстов С.П. По следам древнехорезмийской цивилизации. – М.-Л., 1948. – С.493
- Снесарев Г.П. Объяснительная записка к «Карте расселения узбеков на территории Хорезмской области (конец XIX – начало XX вв.)» // Хозяйственно-культурные традиции народов Средней Азии и Казахстана. – М., 1975.
- Фаизов С. Ислам в Поволжье: VIII – XX вв. М., 1999
- Федоров-Давыдов Г.А. Искусство кочевников и Золотой Орды. – М.:Искусство,1976
- Федоров-Давыдов Г.А. Клады джучидских монет //Нумизматика и эпиграфика. М., 1960. Т.1
- Федоров-Давыдов Г.А. Кочевники Восточной Европы под властью золотоордынских ханов.- М.:Изд-во МГУ.1965.
- Федоров-Давыдов Г.А. Монеты – свидетели прошлого. М.:Изд-во МГУ.1985
- Федоров-Давыдов Г.А. Находки джучидских монет //Нумизматика и эпиграфика. М., 1963. Т.4
- Федоров М. О «серебряном кризисе» и некоторых особенностях денежного обращения в государстве «Великих Сельджукидов» //Советская археология. М., 1971. №1
- Федоров М. О покупательной способности дирхема и динара в Средней Азии и сопредельных с нею странах в IX-XII вв. //Советская археология. М., 1972. №2
- Фидаров Р. Ф. Мусульманские погребения алан XIII-XIV вв. с могильников Верхнего Джулата //Историко-филологический архив. Владикавказ, 2004
- Фомин А.В. Обращение обломков куфических монет в Восточной Европе в X-начале XI в. // Нумизматика и эпиграфика. М., 1960. Т.XIV
- Цыбульский В.В. Календари и хронология стран мира. – М.:Просвещение,1982
- Чеченов И.М. Древности Кабардино- Балкарии. – Нальчик, 1969
- Чеченов И.М. Новые материалы и исследования по средневековой истории Центрального Кавказа //Археологические раскопки на новостройках Кабардино-Балкарии. Нальчик,1987. Т. III
- Шихалиев Ш.Ш. Роль тюркского элемента в исламизации Дагестана в XI-XIV вв. //Ислам на Юге России. – Астрахань.2007.

СОКРАЩЕНИЯ

АБКНЕС – Адыги, балкарцы и карачаевцы в известиях европейских авторов. – Нальчик, 1974.

КЭС – Кавказский этнографический сборник. М.

СА – Журнал «Советская археология». – М.

СКЕЛ – Северный Кавказ в известиях европейских авторов

СМИЗО – Тизенгаузен В. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Т.1. – СПб, 1884; Т.2. М.-Л., 1940

ЭПСК – Лавров Л.И. Эпиграфические памятники Северного Кавказа XVIII-XX вв. – М.

ПРИЛОЖЕНИЯ

ПРИЛОЖЕНИЕ 1

В.Н.Настич

ХУДОЖЕСТВЕННОЕ ОФОРМЛЕНИЕ МУСУЛЬМАНСКИХ МОНЕТ: НАРУШЕНИЕ ЗАПРЕТА?

Среди многих сотен книг и статей по мусульманскому искусству, изданных в разных странах за последние два столетия, едва ли найдется работа, в которой так или иначе не затронута проблема отношения ортодоксального ислама к изображению людей и животных⁵⁴⁰. О правомерности постановки такой проблемы, ее актуальности и важности, выходящей далеко за пределы собственно искусствоведения, наглядно свидетельствует уже сам диапазон предлагаемых вариантов ее решения - от «обвинений» ислама в полном и безусловном запрещении изображать живые существа⁵⁴⁰ до столь же категоричных деклараций об отсутствии каких-либо ограничений на этот счет⁵⁴ и даже (в некоторых случаях) об одобрении живописи богословами⁵⁴⁰.

Сегодня уже можно считать твердо установленным (как это чаще всего и бывает с любым сложным и неоднозначным явлением), что истина лежит посередине, на известном расстоянии от обеих крайностей. И все же до сих пор в «образованной» среде бытуют ошибочные представления о реальной степени запретности изобразительного искусства в исламе, тем более досадные, что нередко они исходят от профессиональных востоковедов. В этом мне не раз приходилось убеждаться в беседах с коллегами или консультациях для нумизматов-любителей, когда речь заходила о монетных эмиссиях мусульманских династий: едва ли не самый обычный вопрос, звучащий при виде сельджукидского дирхема со львом или золотоордынского медного пула со всадником - «Разве Коран этого не запрещает?»

Поэтому и здесь, мне кажется, логично начать с того, что такого запрета в Коране нет и никогда не было; единственная фраза, в которой можно усмотреть хоть какое-то ограничение изобразительной деятельности мусульманина, - это аят 92 суры 5, где говорится о

языческих жертвенниках (ал~ансаб), которые, кстати, далеко не всегда имели форму человекоподобных идолов⁵⁴⁰. Более того, широко известно, что в период раннего ислама, когда формировались коранические тексты, да и позднее, у арабов были в широком употреблении самые различные предметы с изображениями людей, зверей, птиц и рыб. Из хадисов мы знаем, что у самого Мухаммада было множество личных вещей, украшенных сюжетными изображениями⁵⁴⁰,

Первые определенные свидетельства о неодобрении правоверными богословами ремесла живописца, скульптора или мозаичных дел мастера относятся только к эпохе Аббасидов, начиная с халифов Харуна ар-Рашида и его сына Ма'муна (начало IX в.)⁵⁴⁰. Это неодобрение, со временем конкретизированное, ужесточенное и доведенное до более или менее сурового порицания во всех четырех основных суннитских толках (а позднее и в ши'изме), очевидно, никогда и нигде не достигало степени всеобщего и полного запрета; во всяком случае, все известные формулировки, касающиеся этого вопроса в шариатских сочинениях, содержат скорее этическую, чем юридическую оценку художественного творчества⁵⁴⁰. Если же говорить о каких-либо сюжетных ограничениях, то в первую очередь они, естественно, касались предметов и построек, связанных с исламской обрядностью и отправлением культа, тогда как в быту, в светской жизни они не были слишком строгими. Примером тому - многочисленные изображения животных и птиц, человеческих лиц и фигур на тканях, посуде, воинской амуниции, в рукописных книгах, на художественных миниатюрах из самых разных уголков мусульманского мира. Иными словами, изобразительная практика во все времена так или иначе уживалась с богословскими ограничениями - даже такими категорическими, как, например, изложенное в комментарии шафи'итского хадисоведа XIII в. ан-Навави: «Изображение животных запрещено строжайшим образом, оно из тягчайших [грехов] <...> Изготовление их запретно в любом случае, потому что в этом - подражание творчеству Аллаха всевышнего, все равно на одежде или ковре, или дирхеме, или фельсе, или на сосудах, или на стене, или на чем-нибудь другом»⁵⁴⁰.

Как же в действительности обстояло дело с изображениями «на дирхеме или фельсе»? Искусствоведы почему-то редко касаются этой специфической области истории материальной культуры стран ислама, а историки и археологи обычно видят в монете только исторический, в лучшем случае историко-экономический источник. А

ведь кроме основной «базисной» функции (всеобщий товарный эквивалент, средство обращения, платежа, накопления и т. д.), деньги в монетной форме почти всегда использовались и в «надстроечных» целях; еще вопрос, какая из этих целей считалась главной в представлении самих эмитентов. С одной стороны, монета - символ государственной власти, отражающий ее политический статус и идеологию: в нашем случае это теократическая монархия в лице верховного царителя - халифа, наместника Аллаха на земле, совмещавшего функции духовной и светской власти, и его фактических, а гораздо чаще формальных вассалов - маликов, эмиров, султанов, управлявших разными областями и странами исламского мира. Недаром среди многочисленных феодальных привилегий мусульманского правителя высших рангов всегда особо подчеркивались две: хутба - упоминание его имени в пятничной молитве во всех мечетях данного государства, и сикка - право чеканить монету от своего имени.

С другой стороны, монета - прекрасное средство эстетического воздействия, своеобразный эталон культурного развития общества, благодаря серийному производству доступный широким массам населения. Эту особенность осознавали и восточные суверены. Но если монеты античной Греции, Рима, эллинистического Востока обычно ассоциируются с прекрасными портретами, конными экипажами, образами богов и богинь, то традиционно оформленные дирхемы и динары Арабского халифата, а после его распада - монеты многих его идеологических преемников от Гиндукуша до Гибралтара, своим внешним видом могут привлечь внимание лишь знатоков и ценителей арабской каллиграфической вязи. Действительно, на первый взгляд мусульманская монетная чеканка в своей массе как будто бы подтверждает тезис о запрете изобразительности.

Первая неожиданность подстерегает нас в самом начале пути, как только мы попытаемся обратиться к истокам раннеисламского монетного дела. Оказывается, имена Аллаха и Мухаммада впервые появились на монетах в сочетании с портретами иранских и византийских царей, зороастрийским алтарем огня - аташданом и христианским крестом на Голгофе⁵⁴⁰. Чеканились такие монеты, начиная со времени правления второго «праведного» халифа Омара (634-644) и вплоть до реформы Омейяда Абд ал-Малика ибн Марвана в конце VII в. Последние предреформенные типы медных и золотых монет, чеканенных в Сирии, Месопотамии и Омане, несут в себе изображение стоящего в полный рост халифа в парадной одежде с

мечом в руке или на поясе, а на оборотной стороне вместо прежнего «византийского» креста выбит ф-образный знак или столб с утолщением наверху⁵⁴⁰. На серебряных дирхемах, имитирующих сасанидские драхмы, но уже с арабскими надписями, стилизованная фигура халифа заменяет собой аташдан, не нарушая привычной композиции⁵⁴⁰.

Как видим, первыми поколениями наследников молодого государства Мухаммада ничего похожего на художественные запреты не соблюдалось даже на монетах - государственных знаках, которые люди постоянно имеют перед глазами и, следовательно, вправе использовать как пример для подражания. Надо полагать, в то время каких-либо ограничений в изобразительной тематике вообще не было.

При Омейядских халифах, когда дирхемы и динары уже приобрели ставший позднее каноническим «эпиграфический» облик - с надписями куфи в поле и по кругу, на медных фельсах помещались силуэты орла, слона, льва, рыбы, скорпиона, тушканчика, конного всадника³⁴⁰. Известен фельс с мужским портретом в шлеме и с бородой, с арабской надписью вокруг «Мухаммад - посланник Аллаха», вероятно, битый на Иберийском полуострове при Омейядах⁵⁴⁰,

Аббасидские халифы, сменившие Омейядских в 750 г., пошли еще дальше. Время от времени они позволяли себе для внутреннего употребления заказывать придворным мастерам Багдада чеканку золотых и серебряных монетовидных медальонов со своими портретами или полными изображениями в разных позах - во время отдыха, на охоте верхом на коне или восседающими на троне; сохранились и медальоны с животными сюжетами (орел, верблюд, лев и львица, терзающие антилопу)⁵⁴⁰. Очевидно, деньгами в полном смысле эти знаки не служили, а выполняли функцию наград или памятных подношений. Но для нас важнее то, что и в аббасидскую эпоху, по крайней мере, до последней четверти X в., пресловутый запрет еще не вступил, мягко говоря, в *полную* силу. То же самое, кстати, можно сказать и о другом запрете - на питье вина, - очевидно, более серьезном, хотя бы потому, что об этом, в отличие от изящных искусств, прямо сказано в Коране (сура 5, аят 92), - о соблюдении которого наместниками Аллаха на земле наглядно свидетельствует один из упомянутых выше медальонов, где халиф Муктадир (908-932) изображен с кубком в руке⁵⁴⁰.

На рубеже I и II тысячелетий нашей эры обширные пространства Центральной и Западной Азии, к тому времени уже прочно вошедшие

в орбиту ислама, неожиданно и по историческим меркам почти мгновенно впитали в себя новый этнокультурный компонент - тюркские кочевые племена, несколькими волнами хлынувшие из евразийского степного пояса, протянувшегося от Енисея до Днепра. Быстро освоившись в новом для них социальном окружении, они в большинстве обратились в ислам, а их военно-феодалная верхушка разными путями пришла к власти во многих городах и областях халифата, к тому времени уже окончательно утратившего свое недолгое и непрочное политическое единство.

Религиозно-идеологическая восприимчивость неофитов удачно сочеталась в тюрках с не менее ревностной приверженностью своим традиционным культурным ценностям, в том числе и веками складывавшейся изобразительности - как ритуальной, так и ремесленно-прикладной. Если судить по сохранившимся историческим памятникам той эпохи, принятие вероучения Мухаммада тюркскими художниками вовсе не заставило их тут же отказаться от привычных эстетических воззрений и вкусов, и они еще долго украшали свой быт разнообразными антропоморфными и зооморфными сюжетами. Более чем вероятно поэтому, что именно изобразительная свобода «сынов Турана», ставшая новой реальностью в исламском социуме XI-XIII вв., и была той каплей, которая переполнила чашу раздражения консервативных теологов; по известным данным, к этому времени и относится одна из самых мощных волн догматических запретов в суннитском богословии .

Если вопрос о степени и конкретных формах взаимосвязи между тюркским культурным влиянием и нормативной практикой ортодоксального правоведения (фикх) в целом еще остается

⁵⁴⁰

открытым , то в нумизматическом наследии мусульманского средневековья очень трудно не заметить, что практически за всеми художественно оформленными монетными эмиссиями Ближнего и Среднего Востока позднеаббасидской эпохи стоят династии тюркского происхождения.

Так, изображения конных всадников, впоследствии широко распространенные в медной и реже серебряной чеканке, появляются уже во второй-третьей четверти XI в. на монетах тюрков Газневидов Мас'уда, Мавдуда и Фаррухзада, правивших в Хорасане и Афганистане⁵⁴⁰. Их соседи - среднеазиатские Караханиды (поел. четв. X - нач. XIII вв.) украшали некоторые из своих медных фельсов фигурами льва или барса, слона, зайца, фазана, голубя, хищных птиц, рыб, других животных⁵⁴⁰. Зооморфные сюжеты активно

использовались в медной и низкопробной серебряной чеканке афганских городов от имени хорезмшаха Ануштегинида Мухаммада ибн Текеша (1200-1220)⁵⁴⁰. К слову сказать, этот воинственный султан считал себя настолько правоверным мусульманином, что всерьез претендовал на халифский престол в Багдаде⁵⁴⁰,

Еще более красочную картину рисуют монетные эмиссии на другом конце мусульманской Азии. На сирийских фельсах Сельджука Ридвана ибн Тутуша (1095-1113) отчеканены симпатичные пузатые слоны⁵⁴⁰. Легендарный победитель крестоносцев айюбидский султан Салах ад-дин Юсуф (Саладин) не только помещает на монетах изображение льва - излюбленный символ тюркского могущества, но около 1185 г. появляется на своих фельсах собственной персоной⁵⁴⁰. Его преемники в Диярбекре (северная Месопотамия) продолжают эту традицию: то бюст, то сидящая фигура правителя украшают медные дирхемы Майяфарикина и Синджара почти до середины XIII столетия⁵⁴⁰. Разнообразие портретных сюжетов, объединяемых определенными стилистическими и композиционными чертами, в монетном чекане Айюбидов позволяет говорить о зарождении здесь иконографического канона, к сожалению, не получившего дальнейшего развития после нашествия монголов.

Портреты монархов, фигуры вооруженных всадников на конях и львах, различных животных и птиц встречаются на монетах некоторых других малоазиатских и закавказских династий XI-XIII вв. Интересен сюжет медного фельса 589/1193 г., выпущенного от имени халифа Насира и арминийского атабека Сейф ад-дина Бектимура: жеребенок, сосущий кобылицу⁵⁴⁰, За этой идиллической и такой домашней сценкой, словно по ошибке попавшей на денежный знак в такое беспокойное время, угадывается глубокий символический смысл, который еще предстоит расшифровать специалистам, но внешняя, так сказать, эмоциональная ее семантика проста и коварна: хочется верить, что правитель, выпустивший такую монету, не может быть злым и жестоким.

Медные монеты Му'изз ад-дина Кайсар-шаха, одного из сыновей анатолийского Сельджукида Кылыч-Арслана II, битые в 584/1188 г., несут на себе сюжет, удивительно напоминающий канонический образ Георгия Победоносца, поражающего копьём дракона под ногами коня⁵⁴⁰. А на серебряных дирхемах другого султана из той же династии - Кейхосрова ибн Кейкобада (выпуск 638-641/1240-43 гг.) помещен тот самый лев, с которого начинался наш рассказ, - со звездой в поднятой лапе и солнцем с человеческим лицом за

спиной⁵⁴⁰. Любопытно, что именно эта удачная и запоминающаяся композиция, символизирующая могущество земной власти, озаренное ее небесным предназначением, очевидно, восходящая еще к доисламским временам (а по другой, более прагматической версии, это аллегория тюркской военной мощи на защите древнего иранского великолетия), легла в основу государственного герба Персии при Каджарах (1796-1925) - кстати, тоже возводивших свой род к одному из тюркских (туркменских) племенных вождей.

Но самым удивительным и до сих пор не понятным до конца феноменом в истории монетного дела мусульманского средневековья, бесспорно, является медная чеканка двух тюркских династий XII-XIII вв.; - Артукидов (Ортокидов) в Диярбекре и Зенгидов в Сирии и Ираке.

Артукиды - туркменские беки из племени д&ошп1;гер - начинали свою военную карьеру в качестве вассалов Сельджукида Малик-шаха (ум. 1092) и скоро прибрали к рукам его владения в Хисн Кайфе и Мардине; последние потомки Артука правили там еще в начале XV в.⁵⁴⁰. Так вот, на медных дирхемах эмиров обеих ветвей этой династии более ста лет - от Тимурташа (1122-1152) до Гази I (ум. 1260) - помещались странные сюжеты, на первый взгляд, просто невозможные для мусульманских монет: античные портреты анфас и в профиль, одиночные и парные фигуры царственного облика с коронами, порфирами и прочими регалиями, многофигурные композиции со сложной семантикой, силуэты кентавров, летящих ангелов, геральдические двуглавые орлы⁵⁴⁰. Для многих «классических» голов и бюстов выявлены прототипы - реальные монеты Селевкидов, парфянских царей, императоров Рима и Константинополя⁵⁴⁰; некоторые типы представляют эклектическое сочетание в одной композиции, например, византийских и иранских (сасанидских) иконографических элементов⁵⁴⁰. Среди других, более оригинальных типов мы видим тюркского правителя на троне со скрещенными по-восточному ногами, всадника верхом на льве⁵⁴⁰. Живописная фигура тюркского воина в доспехах, с мечом в одной руке и отрубленной головой в другой (эмиссия 596/1200 г. при Йолук-Арслане)⁵⁴⁰, воспринимается как своеобразный контрапункт упомянутым выше ахлатским монетам Бектимура с лошадьё и жеребенком, напоминая о том, что человеческое общество в ту далекую эпоху жило по своим, гораздо более жестоким законам.

Несколько скромнее по богатству сюжетов, но не менее привлекательно выглядят медные дирхемы и фельсы Зенгидов - атабеков Мосула, Халеба, Синджара и ал-Джазиры, среди которых,

наряду с высокохудожественными репликами античных голов и двуглавыми орлами византийского облика, тоже встречаются эзотерические тюркские образы - например, коленопреклоненная фигура с огромным полумесяцем в руках⁵⁴⁰. Весьма символично в свете поставленной проблемы выглядит джазирский дирхем Сейф ад-дина Гази II ибн Мавдуда 575/1179-80 г. с профилем юного эллина в шлеме с головой слона на затылке (как на посмертных статерах Александра Македонского III в. до н.э.⁵⁴⁰), в сочетании с которым расположенная вокруг изящная куфическая надпись «Нет Бога, кроме Аллаха, Мухаммад - посланник Аллаха»⁵⁴⁰, казалось бы, теоретически невозможная, опровергает все представления о несовместимости имени Всевышнего с человеческим портретом. Подобным же нонсенсом для несомненно мусульманской чеканки выглядит недатированная монета Халеба с именем Нур ад-дина Махмуда (1146-1173), на которой в обрамлении из арабских надписей изображен в полный рост Иисус Христос⁵⁴⁰.

Исследователь монетного чекана Артукидов и Зенгидов А. А. Быков отметил, как общепринятое, мнение И.Г.Х. Адлера⁵⁴⁰ и других авторов о том, что эти изображения на монетах упомянутых правителей, скорее всего, обусловлены «желанием сделать свою монету легко отличимой для незнакомых с арабским шрифтом византийских и западноевропейских купцов, торговля с которыми оживилась благодаря крестовым походам»⁵⁴⁰. Мне кажется, здесь уместнее говорить не о стремлении к отличимости монеты от других эмиссий (тем более что для такой цели вовсе не обязательно прибегать к «еретическим» изображениям, несовместимым с исламской догматикой), а скорее, наоборот, о попытках приблизить ее внешний вид и символику к массовой чеканке соседей - «неверных» византийских городов, войти к ним в доверие и тем самым открыть себе дорогу на богатые рынки Константинополя, Трапезунда и других торговых центров ближнего христианского мира⁵⁴⁰; иными словами, налицо практическое действие «примата экономики», понуждающего к политическим и идеологическим уступкам. А отсюда становится понятнее и тот интерес «к древним монетам в ортокидской и зенгидской среде», о «несомненном наличии» которого говорит А.А. Быков, - а, главное, его реализация в собственной чеканке мусульманского государства, - что, действительно, возможно «только при значительной терпимости, если не полном безразличии, правителей к ограничениям, предписанным исламом»⁵⁴⁰. Впрочем, какие ограничения (если они вообще действовали) могли остановить

тюркских художников и граверов «на местах», если их демонстративно игнорировали племенные вожди - основатели династий? Если в самой столице, во дворце Повелителя правоверных, чеканятся мастерски выполненные медальоны, на которых халиф ал-Ка'им изображен вместе с зятем - сельджукским султаном Тогрулбеком (1063 г.)? А чтобы ни у кого не было сомнений, портреты сопровождаются изящными кувфическими надписями с их именами⁵⁴⁰.

XIII век принес цивилизованному миру новое потрясение, на несколько столетий определившее судьбы многих народов Азии и Европы: монгольское нашествие. Орды Чингисхана дошли до Черного моря и Персидского залива, под копытами их коней погибли десятки цветущих городов, а сады и нивы превращены в пастбища. В 1258 г. пал Багдад, последний аббасидский халиф Муста'сим был обезглавлен. Дальнейшее продвижение монголов по землям ислама в Азии было остановлено лишь мамлюкским султаном Бейбарсом, к которому после гибели халифской династии перешло и звание «наместника Аллаха». (Впоследствии идея халифата вместе с ее земным воплощением жила в Каире, потом в Константинополе, а с 1924 г. ее наследниками являются короли Саудовской Аравии).

Рукн ад-дин Бейбарс, родом кыпчак (половец) из южнорусских степей, был одним из немногих мусульманских владык, которые могли себе позволить запретное изображение не только на придворных безделушках, но и на ходячем серебре и золоте. Некоторые дирхемы и динары с его именем украшены (возможно, в честь победы над монголами) силуэтом льва⁵⁴⁰ - животного, тюркское название которого — Арслан с древности известно как эпоним одного из правящих родов и символ тюркского военного могущества. На некоторых экземплярах в силуэте хищника можно предполагать барса - «именного» покровителя самого султана.

Прошло не так много времени, и большинство городов залечили раны, нанесенные завоевателями. Хозяйственная необходимость обусловила, а прочные традиции, устоявшие в потрясениях, способствовали быстрому восстановлению ремесленного производства, а следовательно, и рыночной торговли, и денежного обращения в тех же, что и прежде, основных монетных металлах - меди, серебре и золоте. Изменился внешний вид монет, надписи на них стали другими и по почерку, и по содержанию, на смену традиционным пришли и новые названия номиналов, различные в разных странах. Что же представляли они теперь с художественной точки зрения? Какие перемены принесла новая эпоха в эту «область»?

Рассматривая монетные эмиссии мусульманской чеканки XIII-XV вв., трудно отделаться от впечатления, что каких-либо принципиальных изменений в отношении их изобразительности с приходом монголов не произошло. По-прежнему монеты из благородных металлов оформляются лишь надписями и орнаментами, редчайшие исключения (напр., серебряная чеканка в Йемене при Расулидах XIV - начала XV в.⁵⁴⁰ лишь оттеняют жесткость и всеобщий характер этих ограничительных тенденций. Что же касается медной монеты, то на нее те же ограничения распространялись, судя по всему, «выборочно», по усмотрению духовных властей того или иного конкретного города. Даже в пределах одного государства, скажем, в улусе Джучи, или Золотой Орде, при разных ханах медные пулы городской чеканки (Новый Сарай, Гюлистан, Хорезм и др.)⁵⁴⁰ то принимают пуританский вид - только надписи без малейших украшений, то вдруг расцветают целым набором сюжетов - львы, кони, верблюды, соколы, павлины, утки, змеи и драконы; встречаются парные изображения - всадник на коне, лев со змеей⁵⁴⁰ и т.п. Примерно те же явления и те же сюжеты наблюдаются в медной чеканке городов Ирана при ильханах, Средней Азии при Тимуре и его преемниках, османской Турции (до начала XVI в.)⁵⁴⁰.

Несколько иначе обстояло дело в мусульманских княжествах Индии, не испытавших прямого воздействия монгольского владычества в первые века экспансии, но позднее, по прихоти исторических судеб, составивших ядро империи Бабуридов, или Великих Моголов - династии тюрко-монгольского происхождения, генетически связанной со знаменитым Тимуром, а через него (хотя и косвенно) с самим Чингисханом. Здесь, на одном из самых восточных форпостов «истинной веры», где исламу пришлось развиваться в постоянном теснейшем контакте с другими, гораздо более древними, прочными и влиятельными религиозными системами, художественные ограничения в монетном деле, надо полагать, были достаточно жесткими: вплоть до начала XVII в. мы не встречаем здесь фигур людей и животных даже на меди. Может быть, еще и поэтому честолюбивая акция Джалал ад-дина Акбара (1556-1605), повторенная и его сыном Нур ад-дином Джахангиром (1605-1626) и состоявшая в выпуске золотых монет с их портретами - царственный профиль в короне на фоне солнечного нимба, - а тем более с изображением Джахангира во время пира с чаркой в руке⁵⁴⁰ - воспринимается не просто как прихоть своенравных деспотов, а прежде всего как серьезное нарушение канонов шариата. Но, видимо,

придворным идеологам делийских властителей удалось найти законное оправдание для такого вольнодумства: еще несколько лет спустя Джахангир удивляет мир целой серией серебряных рупий и золотых мохуров с живописными аллегорическими композициями, изображающими 12 знаков Зодиака⁵⁴⁰.

На этой серии стоит остановиться подробнее. Кроме того, что все монеты этой эмиссии по своим художественным достоинствам являют собой подлинные шедевры медальерного искусства, вполне сопоставимые с лучшими работами античных или средневековых европейских граверов - резчиков монетных штемпелей, сами зодиакальные сюжеты, помещенные на них, заслуживают специального внимания именно в связи с темой нашей работы. Дело в том, что мусульманские астрономы, заимствуя обозначения созвездий Зодиака у позднеантичных авторов, постарались изъять из них антропоморфные символы, о чем недвусмысленно говорят арабские названия этих созвездий. Если семь зооморфных и один неодушевленный символ (Весы) ими прямо переведены или скалькированы, то остальные четыре, имеющие в основе человеческие фигуры, были переосмыслены: Близнецы названы ими по-арабски *джавз&asl1gc*;[!] что означает любую пару вещей или животных⁵⁴⁰ (как, впрочем, и людей, но именно этот последний нюанс здесь выхолощен); Дева - сунбула, буквально «колосок» (иначе «тюльпан»); от Стрельца остался один лук (кавс), а от Водолея - ведро (далв). Может ли эта подмена означать что-либо иное, кроме прямого, хотя и непоследовательного, действия все тех же шариатских запретов? Так вот, на монетах Джахангира все эти знаки представлены в виде нормальных, привычных для европейского восприятия человеческих образов: похоже на то, что, нарушив главное «правило», он решил не церемониться и с частной казуистикой. Конечно, если это вообще его волновало, ведь после того, как были отчеканены монеты с профилем самого монарха, подобными мелочами он мог и не озабочиваться.

На золотых пагодах и фанамах (названия номиналов) другого индийского правителя - султана Хайд ара Али (1761-1782) из Майсура - помещаются уж вовсе несуразные для мусульманина изображения Шивы и Парвати, персонажей индуистской мифологии⁵⁴⁰. Здесь, надо полагать, отразилась специфика политической ситуации в княжестве Майсур, население южной части которого было преимущественно немусульманским, да и предшественником султана на этом престоле был индусский раджа из династии Маратхов⁵⁴⁰.

Однако богаче всего животные сюжеты представлены, пожалуй, на монетах анонимного медного чекана иранских и азербайджанских городов ХУП-ХІХ вв. Здесь мы видим не только уже почти традиционных львов, коней и хищных птиц в разных видах, но и животных зодиакального цикла, и зверей, символизирующих годы в восточноазиатских 12-летних календарных циклах, и даже таких «редких гостей» в нумизматике, как носорог или длиннорогая газель. Естественно, персидские монетарии не могли пройти мимо такого излюбленного поэтического сюжета, как соловей и роза⁵⁴⁰. Полны загадочного смысла парные изображения: бык, стоящий на огромной рыбе, беркут, терзающий утку или летящий с куропаткой в когтях, две обезьяны, держащие друг друга за лапки и потрясающие ими вверх-вниз, о чем свидетельствует приданная им волнообразная форма. Довольно редко, но все же встречается на медных фулусах и изображение человеческих фигур⁵⁴⁰.

ХІХ в. стал переломным и для государственной монеты Персии. Если золотые туманы Фатх-Али-шаха (1797-1834) с его изображениями в виде всадника или на троне еще можно считать царской прихотью (хотя, как и в случае с индийскими мохурами Джахангира, это могла быть и чеканка для экспорта в Европу), то, начиная с Насир ад-дина (1848-1896), все правители Каджары и Пехлеви выпускали регулярные массовые серии для широкого обращения из серебра (а позднее и золота) разных номиналов со своими портретами и новым гербом страны в виде стоящего в венке под шахской короной льва с саблей в поднятой передней лапе, озаренного восходящим за его спиной солнцем с чертами

⁵⁴⁰

человеческого лица .

Перечисление мусульманских монетных эмиссий с изображениями, якобы запрещавшимися исламом, можно было бы продолжить. Но и сказанного вполне достаточно, чтобы окончательно усомниться: да был ли вообще этот запрет?

Как ни парадоксально, те же самые монеты с изображениями могут убедить нас в том, что ограничения не только существовали, но и достаточно ясно осознавались всеми, причастными к их появлению. Выше не случайно отсутствуют даже упоминания о многих странах ислама - например, о государствах арабского Магриба или о Крымском ханстве, чеканившем свою монету на протяжении всей истории своего существования (около 1420-1783): из этих стран до нас не дошло ни одного экземпляра с видом живого существа. Мало что можно сказать в этом плане и о более чем обильном монетном

производстве Османской империи, более трех веков владевшей огромными пространствами суши и моря от Каспия до Сахары, где, не считая нескольких типов ранней меди, в оформлении монет безраздельно господствует лишь каллиграфия, иногда дополняемая цветочным или геометрическим украшением. Во всех этих странах, очевидно, правоверная исламская догматика оказалась сильнее.

Впрочем, влияние шари'ата, хотя и не так очевидно, но все же заметно и там, где сюжетная чеканка, казалось бы, процветала почти или совсем без помех. Мы уже видели, что, если не считать самых ранних эмиссий, когда запретов еще не было, и нескольких элитарных придворных серий, скорее медальных, чем денежных, в подавляющем большинстве других случаев в роли художественной монеты в истории ислама выступает медь. На золотые и серебряные монеты массовой чеканки изобразительные ограничения налагались повсюду, начиная с реформы Абд ал-Малика 695 г. и вплоть до XIX в., а в отдельных государствах, кажется, действуют и поныне. Эмиссии, подобные серебряным дирхемам Сулеймана и Кылыч-Арслана IV, золотым мискалям Али Мардана или тангам Ильтутмышы с

540

вооруженными всадниками, или упоминавшимся выше «льву и солнцу» Кейхосрова, львам и птицам Расулидов, или того же Бейбарса - единичные исключения, в каждом случае требующие отдельного исследования, а в целом лишь подчеркивающие строгость общей шариатской нормы.

Другое дело - медная монета. Обычно она выпускается городскими властями в пределах потребностей местного рынка; государственного статуса она либо не имеет вовсе, либо, если и приобретает его, то чаще всего в помощь денежным единицам из благородных металлов - особенно когда эти последние по тем или иным причинам исчезали из обращения. Внешний вид медной монеты диктовался не столько предписаниями религии, сколько простой целесообразностью: всегда надо было отличать без ошибки один номинал от другого, свою монету от иногородней, новый полноценный медяк от подешевевшего прошлогоднего. Ни надписи, доступные лишь немногим грамотеям, ни орнаменты с их относительно бедным ассортиментом и отсутствием внутренней мотивировки для регулярного, длительного и многократного использования в качестве таких различителей не годятся. В этих условиях появление на монетах животных сюжетов, можно сказать, предрешено. А ревнителям схоластической морали не остается ничего иного, как в очередной раз искать в Коране, хадисах или богатой прецедентами шариатской практике оправдание для

очередного отступления от строгого, но не слишком эффективного запрета. Иначе чем же, если не этими или им подобными фактами (естественно, не только из области нумизматики), объяснить появление в трудах по фикху таких разъяснений: например, в некоторых толках разрешалось иметь изображения на полу, если они попираются ногами, или в качестве узора на одежде и посуде. Не возбранялось рисовать шайтана и свинью, а если изображалась птица, то она должна быть только с одним глазом. Некоторые знатоки права настаивали на порицании лишь таких творений, которые отбрасывают тень, тогда как на плоскости рекомендовали разрешать изображение всего, что только придет в голову художнику. Все эти и многие другие исключения из правил⁵⁴⁰ говорят о том, что, во-первых, большинство ограничений действительно было направлено лишь на противодействие потенциальному идолопоклонству, а во-вторых, художественная практика в мусульманском обществе бытовала постоянно, невзирая ни на какие ограничения, которые, наверное, и появлялись только потому, что всегда находились желающие их нарушать.

Об относительности запретов и ограничений в суннитском исламе с очевидностью свидетельствует еще один, на сей раз последний нумизматический факт: в самой священной цитадели правоверия - Мекке, да еще в 1808 г., когда Недждом владели самые непримиримые пуритане и консерваторы, силой насаждавшие чистоту потрепанной временем исламской веры - Ваххабиты, чеканились медные монеты с силуэтами рыбы и голубя^{*540},

Разумеется, каждый из упомянутых в статье примеров, каким бы прозрачным ни казалось его объяснение, требует специального, подробного и системного изучения, а проблема в целом, которую, надеюсь, мне удалось здесь обрисовать хотя бы в общих чертах, вполне заслуживает монографического исследования. Некоторые выводы, впрочем, можно сформулировать и на основе беглого обзора. Во-первых, приведенные факты убедительно показывают, что изобразительные тенденции в монетном деле стран ислама всегда составляли неразрывное диалектическое единство с догматическими попытками их отрицания, безусловно, вторичными по отношению к этим тенденциям. Во-вторых, вполне очевидно, что мусульманская нумизматика по богатству сюжетов и уровню изобразительности явно превосходит многие отрасли декоративно-прикладного искусства этих стран; в данном аспекте она может быть сопоставима, например, с художественным металлом и уступает, пожалуй, только книжной

миниатюре. Наконец, мусульманская нумизматика в таком качестве должна считаться самостоятельной отраслью художественной культуры народов Востока и заслуживает самого пристального внимания историков-искусствоведов, тем более что до сих пор, как ни странно, она остается менее всего изученной.

Сб. *«Городская художественная культура Востока»*. — М: Государственный музей искусства народов Востока, 1990. — С. 129-149

В.Н.Настич

ЕЩЕ О ПРЕСЛОВУТОМ «ЗАПРЕТЕ НА ИЗОБРАЖЕНИЯ»
В ИСЛАМЕ (ПО
ДАНЫМ НУМИЗМАТИКИ)

1. Проблеме отношения ислама к изобразительному искусству посвящены сотни исследований; одно из последних и наиболее доступных - статья О. Г. Большакова (Труды ГЭ, т. X, 1969, с. 142-156). Но среди них почти нет работ, в которых эта проблема была бы рассмотрена на таком ценном источнике, как мусульманские монеты. Между тем нумизматический источник, помимо общекультурного значения, в аспекте названной проблемы важен еще и потому, что монетная эмиссия - составная часть государственной политики, объективный индикатор идеологических приоритетов государства и активный инструмент формирования эстетических воззрений, обладающий особенно сильным воздействием благодаря своей массовости и общедоступности. В этом плане внешнее оформление монет не менее важно, чем содержание размещенных на них надписей.

2. В докладе рассматриваются многочисленные факты чеканки монет из всех традиционных металлов с изображениями людей и животных, выпускавшихся в разных странах ислама от эпохи Мухаммада до XIX в. Среди антропоморфных сюжетов на мусульманских монетах известны изображения правителей (портретные, в рост или на троне), конные фигуры, аллегорические образы, многофигурные композиции. Зооморфный репертуар весьма разнообразен: в нем преобладают «геральдические» животные (орлы, львы, кони, слоны), реже мифические (пегас, дракон), но немало и других зверей, птиц и рыб, в том числе парных и в разных сочетаниях (лев и антилопа, беркут и утка и т. п.).

3. Перечень мусульманских династий (безусловно неполный), в монетном чекане которых известны подобные сюжеты: праведные халифы (начиная с Омара, 634-644), Омейяды, Аббасиды, Бувейхиды, Великие Сельджуки, Газневиды, Караханиды, Гуриды, Хорезмшахи (Афригиды, Ануштегиниды), Сельджукиды Рума, Артукиды, Зенгиды, Бектегиниды, Арменшахи, Ильдегизиды, Айюбиды; в послемонгольскую эпоху - Мамлюки (Бахри), Хулагуиды, Джучиды Поволжья

и Хорезма, Османиды (до начала XVI в.), Расулиды, Тимуриды, Шейбаниды, Аштарханиды, казахские ханы, Сефевиды, Зенды, Каджары, азербайджанские ханы, Бабуриды (Великие Моголы), делийские султаны, султаны Майсура и даже Ваххабиты (в самой Мекке!). Особое внимание в докладе уделяется эмиссиям с богатым сюжетным репертуаром, подчас выходящим далеко за рамки традиционной ближневосточной изобразительности и обнаруживающим заметное влияние иных художественных культур (эллинистической, ирано-тюркской, европейской и др.): это золотые и серебряные монетовидные медальоны с изображениями аббасидских халифов и их вассалов; целая галерея портретных подражаний и оригинальных сюжетов на медных монетах атабеков Артукидов, Зенгидов и др. (XII-XIII в.); мохуры и рупии с портретами Великих Моголов Акбара (1556-1605) и Джахангира (1605-1627) и «зодиакальная» серия последнего; монеты иранских и азербайджанских городов (XVII-XIX в.) и др. Современная чеканка (XX в.) в докладе не рассматривается.

4. Нетрудно заметить, что в приведенном списке для домонгольской эпохи явно преобладают династии тюркского происхождения, а в позднее средневековье на первое место выходят государства ирано-индийского ареала. Западные же (североафриканские), а после XVI в. и большинство ближневосточных стран, оказавшихся в сфере влияния османской Турции, практически не имели монет с изображением людей и животных.

5. Разумеется, каждый конкретный случай «сюжетной» эмиссии следует рассматривать с учетом этнополитической, идеологической и социальной ситуации в данном государстве, наличия доисламских традиций, инокультурных влияний и т.п. Как никогда не было единого образного, общего для всех исламского вероучения и правоведения, так и не было и не могло быть одинаковых на все времена и для всех мусульман установлений и запретов в сфере творчества. О том, что догматические попытки запретов на изображения живых существ не только имели место, но в ряде случаев достигали успеха и более или менее строго соблюдались, говорит и другой перечень стран (здесь не приводится), в монетной чеканке которых никогда не использовались сюжетные образы. Один из таких строжайших запретов сформулирован в труде известного шиитского хадисоведа и богослова Мухьи ад-дина ан-Навави (XIII в.), который называл изображение животных «тягчайшим грехом», где бы оно ни помещалось - «на одежде, на ковре, на дирхеме, динаре или фельсе, на сосудах, на стене» и т.д.

6. «Степень свободы» художников - авторов монетных штемпелей в значительной мере зависела от материала, в котором чеканились монеты: золото в серебро - «государственные» металлы, эмиссия из

них теснее всего связана с официозной идеологией и поэтому более подвержена догматическим воздействиям, тогда как медь, обычно выполнявшая функции мелкоразмерной муниципальной монеты (за немногими исключениями, самое серьезное из которых - т.н. «серебряный кризис» XI-начала XIII в.)> очевидно, не так прочно связана с политикой или предписаниями шариата. Именно медные монеты на протяжении всего рассмотренного периода дают нам большинство известных сюжетов, реализация которых теоретически составляет «тягчайший грех» для приверженцев истинной веры, именно по ним можно судить о действенности изобразительных ограничений в разных исламских общинах.

7. Монетный материал, как и данные других источников, определенно свидетельствует, что эти ограничения и запреты, первоначально возникшие (по мнению большинства исследователей) в связи с противодействием действительному или потенциальному идолопоклонству, со временем приобрели более общий характер, их рациональная мотивировка исчезла вслед за породившей ее проблемой, а новые, более абстрактные обоснования подобных запретов, судя по всему, оказались не настолько убедительными, чтобы раз и навсегда погасить творческие импульсы мусульманских мусаввиров, поскольку ни в каком-либо из суннитских толков, ни в шиизме не дошло до выработки строгих правовых и тем более процессуальных норм реализации этих запретов, которые в большинстве своем, похоже, имели скорее морально-этический, чем юридический статус. Кроме того, представляется бесспорным, что все новые попытки богословских ограничений всегда были вторичными по отношению к самим фактам художественного творчества, возникали им вослед, а не наоборот, и это еще одна причина, почему они часто были неэффективными; иначе говоря, запреты и появлялись в основном потому, что всегда находились желающие их нарушать. В этом плане рассмотренные в докладе эмиссии мусульманских монет с сюжетным оформлением являют собой отнюдь не случайные отклонения от некоего «общего правила», а, напротив, проявление диалектической закономерности, ее необходимую и неизбежную «живую» составляющую, в противовес ригористической догме, вдобавок давно утратившей свою социально-значимую сущность и сохраняемой лишь в качестве «эсхатологического фактора».

Сб. тезисов докладов и сообщений Международной конференции «Ислам и проблемы межцивилизационного взаимодействия» (М.: ИВ РАН, 1992), с. 139-142.

ПРИЛОЖЕНИЕ 3

Монетные дворы Золотой Орды
(ист.: http://rusmonet.narod.ru/_staty/staty_45.html)

Название		Добавление к названию монетного двора			Местонахождение
Азак	ازاق	المحروسه الجدید بلدیلة	ал-Махруса ал-Джедид белед	Богохранимый Новый город/область	г. Азов
Булгар	بلغار بولغار	المحروسه	ал-Махруса	Богохранимый	Городище Великие Болгары в Татарстане
Булгар ал-Джедид	بلغار للجدید			Новый Булгар	Городище Старая Казань в Татарстане
Биляр	تلار				Городище Биляр в Татарстане
Гюлистан	کلمستان	المحروسه الجدید للسرای بلدیلة	ал-Махруса ал-Джедид лис-Сарай белед	Богохранимый Новый Присарайский город/область	Возможно, Царевское городище, которое принимают за вторую столицу – Сарай ал-Джедид
Джидибик- Базар	جیدی بیگ بازار			Базар семи беков	Кочевая ставка ханов
Иль уй Муаззам	عالم وی معظم			Дом Страны Высочайшей	Городище Каменный Бугор близ Астрахани
Каффа	کفه	الجدید	ал-Джедид	Новая	Генуэзская колония в Феодосии
Крым	قریم	المحروسه الجدید بلدیلة	ал-Махруса ал-Джедид белед	Богохранимый Новый город/область	г. Старый Крым
Маджар	ماجرا	الجدید	ал-Джедид	Новый	Маджарское городище в Ставропольском крае
Мохши	مخشى				Нарвчатское городище в Пензенской обл.
Орда	وردو	الجدید المعظم	ал-Джедид ал-Муаззам	Новая Высочайшая	Кочевая ставка ханов
Орда-Базар	وردو بازار				Кочевая ставка ханов
Раджан	راجان				Неизвестно
Сарай	سرای	المحروسه الجدید بلدیلة	ал-Махруса ал-Джедид белед	Богохранимый Новый город/область	Селитренное городище в Астраханской обл.
Сарайчук	سرای حوق				Сарайчикское городище на р. Урал
Сыгнак	سغناق				Присырдарьинская обл.
Тебриз	تبریز				Закавказье
Укэк	وکک	بلدیلة	белед	город/область	Укэкское городище близ г. Саратова
Хаджи- Тархан	خاجی ترخان				г. Астрахань
Хелберди- Базар	هلبردی بازار				Кочевая ставка ханов
Хорезм	خوارزم				г. Ургенч
Шемаха	شماخی				Закавказье
Шехр ал-Джедид	شهر الجدید	المحروسه	ал-Махруса	Богохранимый	
Янги Шехр	ینگی شهر	المحروسه	ал-Махруса	Богохранимый	

СОДЕРЖАНИЕ

ОТ РЕДАКЦИИ	3
ИЗ «БЕЛЫХ ПЯТЕН» ПРОШЛОГО (ВМЕСТО ВВЕДЕНИЯ)	6

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

ПЯТЬ ВЕКОВ ПРИОБЩЕНИЯ (УП-ХП ВВ.)	10
ГЛАВА 1. Аланы в кавказской политике Халифата (VII- VIII вв.)	10
ГЛАВА 2. Арабский Восток и денежное обращение у алан	29
ГЛАВА 3. Ислам на Шелковом пути (IX - нач. XII вв.)	53

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

ОБЛАСТЬ МУСУЛЬМАНСКОЙ ИМПЕРИИ (XIII-XIV ВВ.)	70
ГЛАВА 4. Аланы в политической истории Золотой Орды	70
ГЛАВА • 5. В культурном пространстве ислама	97
ГЛАВА 6. Аланы-мусульмане («маджарцы») в памяти потомков	139
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	157
БИБЛИОГРАФИЯ..	. 179

ИЗДАНИЯ
ЖО «АЛАНСКИЙ ЭРМИТАЖ» - КАРАЧАЕВСКИЙ НИИ
за 2002-2010 годы

2002

1. Бегеулов Р.М. Карачай в Кавказской войне XIX века. - Черкесск. -т-
2. Тебуев Р.С., Хатуев Р.Т. Очерки истории карачаево-балкарцев. - М.-Ставрополь. - 224 с.

2003

3. Алиев К.-М.И. Свет и тени партизанской войны. - М.- Ставрополь. - 160с.
4. Тамбиев И.Х.-Б. О Карачае и Балкарии. - Ставрополь. - 336 с.

2004

5. Кубанов А.Х. Ассия и Асгард на Кавказе, или по следам Т.Хейердала. - М.- Ставрополь.
6. Вестник Карачаево-Черкесского музея-заповедника. Отв. Ред. У.Ю.Эльканов. - Черкесск. - Вып. 1.
7. Бадахов А.М. В огне сражений. - Черкесск. - 128 с.
8. Байрамкулов М.Х. Кулацкий эшелон. Документальная повесть. - Ставрополь. - 206 с.
9. Созаруков Ю.Ш. Земляки. Современники. Личности. - Черкесск. - 192с.
10. Ёзденлени Аbugалий. Сёз - халы кибикди. - М.- Ставрополь. -264с.
- Л. Хаджиева М.Х. Его свободные сыны. - Кисловодск. - 80 с.

2005

12. Лайпанов К.Т. Карачай и карачаевцы. - Черкесск.
13. Филипенко В. Они - из Карачая. - Ставрополь. - 56 с.
14. Победители. - Ставрополь.
15. Хатуев Р.Т. Евреи в Карачае. - Черкесск. - 106 с.
16. Известия Карачаевского НИИ. - Вып.1. - Черкесск. - 106 с.
17. Тамбиев Х.М. История и пути развития карачаевской породы овец. - Черкесск.- 222 с.
18. Историко-природный комплекс «Эль Худее». - Черкесск, (буклет)

2006

19. Батчаев Ш.М. Джатдай. - Ставрополь. - 272 с.
20. Известия Карачаевского НИИ. - Вып.2. - Черкесск. - 66 с.

2007

21. Акбаев Х.М.» Къарачай-милкъар тилни фразеологиясы. - Карачаевск.- 180 с.
22. Будаев Н.М. Очерки политической истории народов Северного Кавказа XVI-XX ee. - Черкесск. - 240 с.
23. Тебуева Д.Р. Аланские истоки карачаево-балкарского искусства. - 148с.
24. Хатуев Р.Т. Хроника аланских царей. - Черкесск. - 118с.
25. Известия Карачаевского НИИ. - Вып.3. - Черкесск. - 62 с.

2008

26. Лайпанова З.К. Просветители Карачая и Черкесии. - 120 с.
27. Лайпанов К.Т. Тюркский мир: истоки и связи. - Черкесск. - 166 с.
28. Известия Карачаевского НИИ. - Вып.4. - Черкесск. - 170 с.
29. Ёзденлени Ш.А. Чекде. Назмула. - Черкесск. - 133 с.

2009

30. Акбаев Х.М. Къарачай-малкъар лингвистакадан очеркле. - Ставрополь. - 208 с.
31. Будаев Н.М. Летопись Эльбруса. - Черкесск. - 160 с.
32. Хатуев Р.Т. Ислам-бий. - Черкесск. - 142 с.
33. Лайпанов К.Т., Хатуев Р.Т., Шаманов И.М. Карачай с древнейших времен до 1917 года. - Черкесск. - 272 с.
34. Известия Карачаевского НИИ. - Вып.3. - 198 с.

2010

35. Акбаев Х.М. Толковый словарь некоторых имен и терминов нартского эпоса. - Черкесск, 2010. - 168 с.
36. Известия Карачаевского НИИ. - Вып.6.
37. Асы и аланы в этнической истории регионов Евразии. Материалы Всероссийской научной конференции с международным участием 24-26 июня 2010. (совместно с КЧГПУ им.У.Д.Алиева). Карачаевск. 320с.